

В мемуарах описан боевой путь отдельного саперного батальона в 1942-1945 годах от берегов Волхова до Курляндии. Главными героями являются офицеры среднего звена: лейтенанты и капитаны. На фактах показана частичка фронтовой жизни, такой, какой она была.

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Разве можно не стремиться к невозможному".

Арно Хирдман, шведский писатель

Показать войну такой, какой она была, - это естественное стремление всех пишущих о ней. Не уклонился и я от попытки описать фронтовую жизнь в ее подлинном проявлении в пределах того, что пережито мной и моими боевыми товарищами. По этому поводу Виктор Астафьев выразился так: "Мы еще не начинали как следует рассказ о войне. Еще на подступах к этому. Надо хотя бы описать исторические факты и частные судьбы солдат" ("Правда", 30.06.89.).

В армию я попал в июле 1941 года в числе 30-ти добровольцев-студентов Московского геологоразведочного института, Московского института цветных металлов и золота и Иркутского горного института, проходивших практику на оловоруднике "Хапчеранга" в Читинской области.

Три месяца я учился в полковой школе 553-го пехотного полка, дислоцировавшегося на станции Антипиха (Чита 2-я), два месяца был командиром отделения в той же части, а в декабре 1941 года был направлен в Черниговское военно-инженерное училище, находившееся в г. Иркутске. С октября 1942 года и до конца войны служил в должности командира саперного взвода и роты на Волховском, Ленинградском, 2-м и 3-м Прибалтийских фронтах.

По совету однополчан решил остановиться на описании собственно фронтовой жизни. В мемуарах затронуты судьбы людей одной небольшой части - 440-го отдельного саперного батальона (ОСБ) 377-й Валгинской Краснознаменной стрелковой дивизии. И батальон, и дивизия - самые обыкновенные, образованные в начале войны и расформированные сразу после ее окончания. Они не отличаются от сотен других частей и соединений военного времени. И участвовали они в решении задач, которыми изобиловала война, не выделяясь выдающимися операциями. Главные персонажи записок - это средний командный состав: младшие лейтенанты, лейтенанты, старшие лейтенанты и капитаны, то есть офицеры, носящие маленькие звездочки на погонах с одним просветом. Кто-то из американских военачальников заметил, что Вторая мировая война - это война лейтенантов. Такое определение раскрывает роль командиров взводов, рот и батальонов, непосредственно ведущих в бой главную массу войск - солдат и сержантов, владеющих основными видами оружия и всей военной техники, могущих заменить как вышестоящих начальников, так и младших ко-

мандиров и рядовых.

В книге описаны подлинные события и подлинные лица. Изменены лишь имена и фамилии нескольких женщин. Недостоверные сведения оговорены в тексте.

Восстановить события военного времени мне помогли соратники: капитаны Баталов Василий Дмитриевич и Мелентьев Геннадий Александрович, лейтенант Бородин Василий Акимович, ефрейтор Рутковский Николай Константинович, старший сержант Мозокин Николай Никонович, рядовая Федорова (Ефимова) Антонина Ивановна (звания указаны такими, какими они были в конце войны). Редкую запись передал мне лейтенант Давид Борисович Спектор: список населенных пунктов, пройденных батальоном, начиная с 12 апреля 1944 года по май 1945 года, с указанием дат нахождения в этих пунктах и расстояний между ними. Важнейшим свидетельством боевых действий при форсировании реки Нарвы и захвата плацдарма на ее левом берегу в марте 1944 года является сохранившаяся записка комбата 1249-го СП капитана Анатолия Алексеевича Запорожца. Шаг за шагом удалось восстановить ход боев при прорыве линии "Мариенбург" благодаря детальному очерку - хронике Петра Алексеевича Дятлова ("День за днем", Печоры, 1989 г.).

Неоценимую помощь оказала мне Ниша Дмитриевна Карасева, с которой мы учились вместе в институте, сохранившая мои фронтовые письма к ней.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЛХОВ И НАРВА

НА ФРОНТ

Ты что впереди увидела?
Заснеженный черный перрон,
Тревожные своды вокзала,
Курсантский ночной эшелон.
В. Луговской

Ускоренный курс обучения в Черниговском военно-инженерном училище - 11 месяцев вместо двух лет - я окончил в октябре 1942 года. Училище размещалось на окраине Иркутска в так называемых Красных казармах. В училище были набраны военнослужащие из сержантского состава, имеющие высшее, незаконченное высшее (не менее 3-х курсов) и среднее специальное образование. Кто-то, несмотря на тяжелое положение страны в 1941 году, заботливо готовил офицерские кадры. Курсанты-армейцы не нуждались в обучении военным порядкам, а их гражданское образование помогало легко освоить военно-инженерное искусство.

Приказ о выпуске подписал Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин. Большинству выпускников было присвоено звание "лейтенант". Распределили нас по всем фронтам с юга на север по списку в алфавитном порядке. Мне выпало ехать на Волховский фронт.

Экипировали нас по-боевому: в теплое, удобное, прочное. Все мы быстро обзавелись "кубарями" - знаками различия в виде квадратиков в петлице. Два квадратика обозначали звание "лейтенант".

Выпуск не оглашался. На вокзал уходили поздно вечером в темноте походной колонной. Никаких проводов. Только краткое напутствие при построении. Однако на вокзале нас уже ждали. Девушки, главным образом студентки медицинского института, пришли поздравить и проводить своих друзей с цветами. И где они умудрились найти цветы в такое время? Здесь ведь уже стояла зима. Ждали мы, пока подадут состав, около часа. Сначала образовалась общая толпа, слышались шутки, смех, кто-то звал кого-то, о ком-то вспоминали, спрашивали. Постепенно все разошлось, разбились на пары, группки. Были и хмурые одиночки. Подошел поезд и сразу последовала команда: "По вагонам!". Девушки, собравшись вместе, запели:

- Вот умчался поезд, рельсы отзвенели,
Милый друг уехал, может, навсегда.
И с тоской немой вслед ему глядели
Черные ресницы, черные глаза...

Было ли это расставание навсегда? Наверное, у всех по-разному. Во всяком случае, романтическое продолжение одного знакомства мне достоверно известно. Иркутяночка, за которой не без успеха ухаживал мой друг Сема Лирцман, в 1944 году служила во фронтовой цензуре, и к ней попало Семино письмо, из которого она узнала его адрес и списалась с ним. Они сумели перевестись ближе друг к другу, а в конце войны поженились.

Ехали мы весело. Шли жаркие разговоры. Иногда заводили песню. Кое-кто имел "горючее" (не иначе в Иркутске девчата подбросили). Сопровождающий - старший лейтенант - ни во что не вмешивался и, видимо, был рад случаю отдохнуть. В Омске стояли долго. Большинство новоиспеченных лейтенантов пересели здесь на южную ветку, направляясь к южным и центральным фронтам, особенно в район Сталинграда. Так что все с фамилиями, начинающимися с буквы "А" до буквы "П", оставили иркутский поезд.

Здесь я расстался с дорогими друзьями Львом Арешкевичем и Семой Лирцманом, с которыми я закончил до войны три курса Московского геологоразведочного института, жил с ними в одной комнате в общежитии, а с Семином мы были еще сверстниками по школе: в 1938 году вместе закончили десять классов в 1-й железнодорожной школе города Одессы. Знакомы были и наши семьи.

Встретятся ли еще?

Походили в Омске по базару. Килограмм коровьего масла стоил 900 рублей. Здесь я выменял у капитана-артиллериста за несколько пачек папирос "Казбек" нож с наборной ручкой - мечту молодого офицера. Нож действительно был хорош: сделан из швеллерной стали, а ручку капитан, работавший в армейских мастерских, собрал по кусочку - прямо произведение искусства. "Казбек" же я не ценил, так как не курил и получил его в пайке на дорогу.

В Свердловск мы попали на 7-е ноября. Вокзал был забит народом. Было очень душно. А на улице свирепел мороз. Дул пронизывающий колючий ветер. В городе висели праздничные флаги, но праздником не пахло.

Вечером мы отвоевали вагон в поезде, который формировался на Москву. В проходе вагона бегал, размахивая наганом, лейтенант и кричал, что здесь едет команда летного состава. Но команда не появлялась, и мы предложили летчику открыть дверь, пригрозив взять вагон "турмом", несмотря на наган. Летчик сдался, открыл дверь и попросил закурить.

Мы поставили охрану в обоих тамбурах и организованно заполнили вагон, никого не впустив, кроме своих.

Нас как разхватило на вагон - где-то человек шестьдесят. Перед самым отъездом дежурные не устояли и впустили в вагон девушку в военной форме. Помню, что она назвалась Машей. Было ей немногим более 16-ти лет, но была она боевая не по возрасту. Быстро отбилась от шуточек и стала командовать в нашем купе. Я уступил ей нижнюю полку, но не скрыл, что считаю ее присутствие в насквозь мужском вагоне неуместным. Видимо, она решила меня проучить и, когда уже все улеглись и быстро уснули под перестук колес, она перебралась ко мне наверх и начала рассказывать, что она едет в Пензу, где стоит запасной полк, в котором она служит связисткой. Как ей трудно среди мужчин. Как приходится отбиваться от частых приставаний. Их там несколько девушек и живут они в отдельном домике возле штаба, так что их охраняет часовая. Она часто целовала меня и прятала мои руки к себе за пазуху. Но ничто не могло вывести меня из равновесия. Я ехал в Москву, в родную дорогу Москву. И дальше. Я ехал туда, куда должен был ехать - на фронт. Ехал, чтобы делать то, что должен был делать - воевать. В Пензе мы расстались с Машей как добрые друзья. Адреса я не взял.

В Москве нас разместили в подземном укрытии где-то между Ленинградским и Ярославским вокзалами. Отсюда мы быстро разъехались по назначению.

Я здесь пробыл сутки. Под вечер в день приезда я решил навестить своих знакомых, живших вблизи Казанского вокзала на Новобасманной улице. С собой пригласил товарища, с которым я ранее не был близко знаком. Это был геолог из Иркутского горного института, что и сблизило нас. В Москве он никогда не бывал.

Мы быстро нашли дом и поднялись на третий этаж. Фамилия знакомых была Берлин с ударением на первом слоге. Это были родственники моего школьного друга Юры Пиявского, который учился в Московском педагогическом институте им. К.Либкнехта, что на Разгуляе. Я надеялся узнать о Юре, а может быть, и об Одессе, где жили мои родители и брат, от которых после начала войны не пришло никаких известий. Мы долго звонили, стучали. Безответно. Мне все время казалось, что кто-то стоит за дверью, затаив дыхание. Я несколько раз назвал себя, напомнил о Юре. Вдруг нас окликнули сверху:

- Вы кого ищете? Так это я Берлин, - ответил женский голос.

- Да нет же, они здесь живут, вот и табличка сохранилась.

- Мы однофамильцы, - убежденно сообщила с четвертого этажа старушка, которую мы наконец рассмотрели. -

Идите сюда.

Мы поднялись. Старушка нас критически оглядела и сказала, что о наших знакомых лучше знает ее соседка.

- Подождите, я сейчас.

И она постучала в соседнюю дверь. Вскоре она вышла с такой же старой женщиной, которая отрекомендовалась переводчицей французского, немецкого и английского языков. Обе они уговорили нас спуститься вниз и зайти в домоуправление, где есть сведения о всех жильцах. По дороге они просили помочь им идти, так как им тяжело, и крепко держали нас под руки. Но как только мы вступили в ярко освещенное помещение в подвале, старушки бодро захлопнули дверь и объявили, что задержали подозрительных субъектов. В просторной комнате за большим столом сидело около десятка людей, преимущественно женщин с красными повязками на руках. Это были дружинники, охранявшие дом и прилегающую улицу.

Что больше повлияло: надежность наших документов, мое знание Москвы, близость нашего вокзального пункта? Так или иначе, но нас быстро признали за своих, и старушки, всячески извиняясь, пытались нас задобрить. Здесь выяснилось, что наступил комендантский час и нам нельзя возвратиться на пересыльный пункт без риска попасть в комендатуру. Пленившие нас старушки взялись организовать нам ночлег. Мы возвратились на четвертый этаж. Поместили нас у переводчицы. Спали мы на огромной тахте, не раздеваясь, так как отопления не было никакого. Для утепления закатались каждый в отдельности в толстые мягкие ковры. Утром мы, отказавшись от предложенного кипяточка, добрались до своего расположения.

Позавтракав, мы с иркутянином поехали в Московский геологоразведочный институт. Мне очень повезло. Прямо в вестибюле встретил я дорогого мне человека, Нину Карасеву. Мы учились в одной группе, жили в одном общежитии и входили в одну "коммуну". Когда в 1939 году были отменены студенческие стипендии, вернее, их оставили только отличникам, студенты организовывали группы: объединяли свои средства, разделяли обязанности. Тогда и возникла наша "коммуна", куда входили мы с моим другом Левой Арешкевичем и трое девчат: Нина Карасева, Лида Прозоркевич и Вера Живлюк. Девчата вели хозяйство: готовили, стирали и прочее, а мы слевой ходили в бригады: разгружали картошку на станции Москва-товарная, работали на ручном бурении под стройку консервного завода. Пробовали работать на строительстве метрополитена, но быстро ушли - работа многосменная и такая тяжелая, что для учебы сил не оставалось. Были и удачные для нас работы: разбирали каменную коллекцию в научно-исследо-

вательском институте удобрений и инсектофунгисидов (здесь работал знаменитый геолог Александр Вольдемарович Пейве), делали чертежи по заказу. На лекции ходили поочередно. Конспекты при этом делались самые подробные. Затем запись обрабатывалась с помощью литературы и готовые полноценные лекции использовались всеми "коммунарами".

Жизнь предвоенная студенческая нуждается в отдельном рассказе. А пока о том, что было при встрече в Москве в ноябре 1942 года. Кроме Нины была здесь наша однокурсница Маша Крестьянинова и еще девчата из соседних групп. Они рассказали, что директор бросил институт, приказав уничтожить все документы и разбить все приборы. За директора временно остался преподаватель физкультуры Феодосий Митрофанович Степанов, который был уже мобилизован и ходил в форме старшего лейтенанта. Он-то и спас институт от разгрома. Документы, касавшиеся геологоразведочного факультета, забрала к себе на дом секретарь деканата Нина Евгеньевна Руссет и сохранила их. Когда я в 1946 году возвратился в институт, эта скромная женщина, на которую студенты обычно не обращали внимания, принесла мое студенческое дело и за руку сводила меня к директору, так что с ее помощью я был в течение одного дня восстановлен во всех студенческих правах.

Нина повела нас в палеонтологический музей, где шли занятия. Преподаватель Александра Ивановна Золкина рассказывала группе закутанных до неузнаваемости девчат (мужчин не было) что-то о жизни вымерших звероящеров. В музее было так холодно, что, казалось, даже скелет динозавра съезжился. Золкина поговорила с нами, показала главные экспонаты музея. Конечно же, студентки были рады неожиданному разнообразию лекции.

Особую радость и шемящую грусть об ушедшей студенческой жизни испытал я, забежав в институтскую библиотеку. На своем месте за барьером-столом увидел я свою добрую фею - библиотекаршу Марию Константиновну. Она знала меня еще по общежитию, где раньше заведовала библиотекой и рабочей комнатой. Относилась Мария Константиновна ко мне как к родному сыну. Зная мою привычку заниматься с 4-5 часов утра, она с вечера оставляла мне ключи от своего хозяйства, и я работал ранними утрами в одиночку, успевая до 9 часов освоить больше, чем потом за весь день.

Сейчас она всплакнула, увидев меня. Мы поговорили совсем немножко, но это было так хорошо, так по-родному.

На прощанье девчата принесли нам булку пышного са-

ечного белого хлеба, что было неслыханной роскошью в то тяжелое время. И как мы ни отказывались, нам пришлось взять этот действительно бесценный дар. Мы даже не смогли отблагодарить чем-нибудь из своего пайка, так как время нам не позволяло сделать это. Успели только посмотреть из окна библиотеки на Кремль...

Из Москвы поезда вышел, когда стемнело. Вагон был насквозь промерзший, весь продувался, раскачивался толчками и нестерпимо скрипел. Единственная свеча в фонаре чуть освещала середину вагона, концы прохода терялись в темноте.

Проводница, завернутая во множество одежек, туго опоясанная какой-то вожевиной, говорила таким простуженным басом, что пассажиры не сразу признали в ней женщину. Ехали одни военные. Некоторые пытались уснуть, другие что-то жевали.

Через несколько часов остановились в Калинин. Ночь была безлунная, но безоблачная, звездная и в ее белесом свете, кое-где поддержанном засиненными фонарями, были видны нагромождения обломков разбитого вокзала, изуродованный перрон.

За полночь добрались в Бологое, где я с небольшой группой попутчиков перешел в состав из нескольких вагонов, который, напористо пытая, потащила старый паровозик типа "ОВ". Ехали через Окуловку и к рассвету добрались до глухой малой станции Неболчи. Неподалеку от нее разместился штаб Волховского фронта. С помощью уже имевших опыт соседей по вагону я быстро нашел комендатуру и получил направление в пропуск и в гостиницу.

Гостиницей оказался большой деревянный барак. Стены его были в дырах, которые, как мне рассказывали позже, остались от обстрела крупнокалиберным пулеметом при налете немецких самолетов. Внутри были нары по обе стороны широкого прохода, в котором стояли две "буржуйки" - металлические печки-временки. Помещение эти печки не нагревали, но можно было согреть руки, просушить портянки. Был кипяток. Без конца входили и выходили куда-то спешившие офицеры. Некоторые возвращались на нары, другие хватали кто вешмешок, именуемый "сидором", кто чемодан и спешили на выход.

Прожил я в этом неуютном пристанище только сутки. Поутру дежурный лейтенант выкликнул несколько фамилий, в том числе и мою. В поисках штаба инженерных войск я прошел мимо КП командующего фронтом - деревянного дома с небольшим крыльцом. Перед крыльцом стояли по двое друг против друга полковники. Все четверо были в серых солдатских шинелях, двое в сапогах, а двое в ботинках с обмотками, но на всех были полковничьи шапки-полукубан-

ки, а в петлицах - по четыре зеленых "шпалы" (прямоугольники). Стояли они как по команде "Смирно", и вид у них был невеселый. Зрелище для меня было удивительное, и я даже приостановился, откозыряв полковникам, на что они не обратили внимания. Пробегавший мимо штабник подморгнул мне:

- Эти из окружения, жаут приема, судьба решается...

Я подумал, что очень туго пришлось полковникам, если они вынуждены были одеть обмотки. Обмотки - это часть экипировки русского солдата в первой мировой войне: длинные до двух метров и шириной сантиметров десять полосы очень плотной материи, которыми обматывались голени от верха ботинок до колен. Остались на армейских складах эти обмотки, и пришлось их носить рядовому и сержантскому составу и в эту войну, особенно в тыловых частях. Поносил их и я. Одеть обмотку - это умение, даже солдатское искусство. Если уронишь свернутую бинтом обмотку, она раскатается на свои два метра, все бегут на построение, а ты со слезами собираешь ее и за опоздание получишь наряд вне очереди на конюшню. Если намотаешь туго - нога быстро устанет, заболит, если намотаешь слабо - сползет в самый неподходящий момент. Но спасали обмотки от колючих трав и кустарников, от пыли, песка, мелких камешков, даже легкую влагу не пропускали. Нога оставалась сухой, чистой.

В инженерном штабе никакого разговора не было, мне вручили назначение и объяснили, как добраться в Малую Вишеру, а оттуда в штаб 59-й армии.

В РЕЗЕРВЕ

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

Ю. Друнина

Первое задание

В армейском резерве я был долго - около пяти месяцев. Задания у меня были самые разные. Первое поручение мне было доставить в качестве офицера связи пакет в штаб второй дивизии, что находилась на плацдарме за Волховом. Пакет был из политотдела армии. Задание как будто простое, но оно было моим первым боевым и я его выполнял с большим напряжением. Куда идти, мне разъяснили очень скупо, а расспросить я постеснялся. Сказано было так: нужно выйти на переправу, а на плацдарме свернуть влево и добираться до ближайших землянок. Главное зат-

руднение было в том, что я не представлял себе расстояние от штаба армии до переправы. Лишь после выполнения задания я узнал, что штаб 59-й армии располагается у населенного пункта Папоротное примерно посередине между г. Малая Вишера и р. Волхов (Селищенские казармы). Дорога была одна: почти полностью настиланная поперечными бревнами, перекрытыми двумя продольными дощатыми колеями. Вышел я во второй половине дня. У дороги покуривали два старших лейтенанта с эмблемами артиллеристов в петлицах. Я осведомился: не на плацдарм ли они, и получил утвердительный ответ. У них был вид опытных вояк. Одеты они были в хорошо подогнанные шинели, на головах красовались добротные меховые шапки. Они ждали попутной машины. Машины долго не было. Я уже изрядно подмерз и предложил попутчикам идти пешком. Они взглянули на меня как на что-то несерьезное и молча отвернулись. Приближался вечер, и я решил идти. Машина так и не догнала меня, а старших лейтенантов я больше не встречал.

Шел я около трех часов, что по той дороге составило где-то километров двенадцать. У переправы - понтонного моста - стоял часовой в длинном до пят кожухе. Он ничего не спросил, а когда узнал, что я некурящий, то и вовсе потерял интерес ко мне. Неопределенно махнул рукой влево от моста. И я пошел. Именно в этом направлении, где-то выше по течению Волхова, методически рвали тяжелые снаряды, земля глухо вздрагивала. Было неуютно, даже страшно.

На плацдарме не было такой хорошей дороги, как от штабс-арма к переправе, и я шел тропой среди снега. Землянок все не было. Тропа вошла в лес. Стало совсем жутко. На задание мне выдали наган (с оружием было туго), который я и сжимал в правом кармане. Если бы встретились диверсанты, то взяли бы меня они запросто. В ушах у меня стоял звон, все тени и шорохи пугали меня. Снег под ногами, казалось, прямо гремел. Внезапно перело мной появились какие-то фигуры. Холодный пот прошиб меня.

- Новенький, что ли? - негромко спросил молодой голос. - Не дрейфь, мы разведка. Куда тебе? Во вторую? Тошай прямо еще с полкилометра. Справа от дорожки ищи землянки. Света там нигде нет. Наткнешься на автороту. Шоферня тебе поможет.

Землянки я нашел, но там не только не было света, но не было и часовых. Я толкнулся в первую попавшуюся дверь. Внутри было тепло, изрядно подванивало портянками и дымом. Я нашарил чьи-то ноги и подергал их.

- Какого черта, - хрипло сказал хозяин ног.

- Я из армии, мне нужно в штаб дивизии, - объяснил я в темноту. Человек встал, помешал в печурке и, не

очень меня рассматривая, сказал:

- Отогрейся, покури и сосни. Часика через два я направляю тебя по адресу. - И тут же снова залег. Я решил не испытывать судьбу, тем более что срок исполнения мне не оговорили, и послушался доброго совета.

В политотделе, где я вручал пакет, меня задержали, собирая сведения для штабс-арма, так что я и в обратный путь вышел позано.

Шел я уверенно и только беспокоился, чтоб не пропустить сворот к переправе. Однако вскоре, стремясь сократить расстояние, я сошел на тропку, которая, по моему, должна была срезать дугу поворота основной торной тропы, но на последнюю не вышел.

Было пасмурно, вечерело, и я окончательно потерял всякую ориентировку. Ничего не оставалось делать, кроме как идти на авось, куда глаза глядят, что я и сделал. Сколько я шел? Показалось, что очень долго. Во всяком случае, уже заметно потемнело. Вдруг раздался окрик: "Стоять!". От неожиданности и, не видя, кто кричит, я шарахнулся назад и тотчас над головой просвистела пуля. Я остановился как вкопанный. Ко мне бежали двое. Заставив поднять руки и нещадно матерясь, бойцы-артиллеристы отвели меня к командиру. Здесь стоял зенитно-артиллерийский дивизион, охранявший переправу.

- Под счастливой звездой ты родился, - посочувствовал мне капитан - командир дивизиона. - А вот часового из-за тебя придется наказать: раз стрелял, то должен попасть.

Пришлось мне еще одну ночь провести на плацдарме. А к фронтовым путям-дорогам с тех пор стал я относиться внимательней.

Точка смерти

На очередное задание нас направили двоих. Моим напарником стал капитан с необычной фамилией - Бессмертный. Инженер на гражданке, он был взят с запаса в саперные войска, как специалист-понтонер. Лет ему было тридцать - тридцать пять. Высокий ростом, чернявый, был он скромнее до робости. Во всяком случае, ничего командирского в нем вовсе не было.

Направлялись мы на плацдарм с задачей помочь пехоте на переднем крае укрепить оборонительные сооружения своими силами. Не запомнил я, в какую дивизию, в какой полк мы попали. Может быть, потому, что всеми официальными делами ведал Бессмертный, а я даже не везде заходил в штабы.

Не задерживаясь в дивизии и в полку, мы пришли в

штаб стрелкового батальона. Начальник штаба - старший лейтенант - говорил с сильным грузинским акцентом:

- Вы пойдете, товарищи, в самую напряженную точку обороны батальона, да и всего полка, а может быть, и более. Не знаю, сумеете ли вы что-то сделать в укрепленных позициях - людей там нет. Но вот поддержать гарнизон своим присутствием, вестями с "большой земли". Это да! Конечно, и вам наука неплохая будет. Вопросы есть? Да что тут спрашивать. Пойдемте, покажу дорогу. - Он вывел нас на тропку и объяснил: - Двигайтесь по дорожке с километр до кривой березы, там будет ответвление влево - это к соседям, а вы берите правее, пока не наткнетесь на какой-то из наших блиндажей. Там вас проведут в первую роту.

Мы шли, вслушиваясь во все усиливающийся гул переднего края. Вскоре стали посвистывать пули. Иногда они светились. На тропку упала срезанная пулей ветка. Непривычная обстановка пугала, заставляла невольно пригибаться, замедлять движение. Шедший впереди шагах в 5-6 Бессмертный вдруг резко остановился, как будто наткнувшись на стену-невидимку, негромко ойкнул и стал оседать на снег. Он неловко опрокинулся на левый бок и привалился плечом к дереву, к той самой кривой березе, у которой тропка разветвлялась. Я с ходу почти наткнулся на него:

- Что с тобой?

- Нога...

Я нагнулся и разглядел круглую дырочку на заднике валенка: пуля на излете пробил валенок и задела пяtku до кости. Крови почти не было. Лицо капитана было искажено от боли. Что делать? Я попытался поднять раненого, но он застонал сильнее, даже слезы появились у него на глазах. Не удалось и снять валенок с раненой ноги. Возвращаться в батальон, оставив капитана одного, я не решался.

На тропинке со стороны переднего края появились люди: четверо в маскхалатах.

- Помогите, ребята. Капитан ранен. Мы шли в первую роту в третий взвод.

- На проклятую точку? - спросил передний из полшедших. - А ну, ребята, возьмем капитана, - сказал он.

Я быстро снял шинель, на которую уложили Бессмертного. Бойцы шли ходоком, иногда меняясь местами. Беззлбно матерились. Один раз перекурили. Но вот штаб батальона, из которого мы час тому назад вышли. Начштаба повертел головой:

- Ну и точка, до нее дойти и то не у каждого получается.

Здесь Бессмертному повезло: его не только перевязали, но и сразу отправили на санях в медсанбат.

- Что ж, лейтенант, - сказал мне начштаба, - придется тебе одному идти на задание. Только вот я тебя припарую к связному, что идет в первую роту. Он и термос понесет для дальней точки. Вот с ним и двигай.

- Слушаюсь, товарищ старший лейтенант.

Минут через сорок мы пришли в роту. В прокуренной землянке сидели лейтенант - командир роты - и старшина. Узнав, кто я и зачем, комроты разочарованно сказал:

- А я думал, пополнение. У меня взводных не осталось, а "карандашей" - один на 800 метров. И пулеметы есть, и минометы есть, а людей нет. Хорошо хоть к смертникам идешь. Все же им будет веселее. Никакой обороны ты там не построишь, там осталось всего три человека. Это весь взвод.

Я, как замороженный, не мог оторвать взгляда от гимнастерки лейтенанта, на правой стороне которой было восемь нашивок за ранения: шесть "золотых" и две красных. Шесть тяжелых ранений! Слева скромно поблескивали орден Красного Знамени и медаль "За отвагу". Такие награды в то время, в психоте?! Не простой человек сидел передо мной.

Увидев мое удивление, лейтенант засмеялся:

- Ни черта. Я еще дождаюсь, когда его попрут отсюда. Не на того напал. Я с "Металлиста", слышал про такого?

- Вроде завод такой в Ленинграде...

- Вроде! - рассвирепел лейтенант. - Это не вроде. Это на Васильевском острове. Оттуда вся сила ленинградская. Понял. На-ка, хлебни.

Он набулькал в кружку из фляги и протянул мне. Сам он был бледен, изрядно "на взводе" и, когда мы выпили, завел песню, которую я впервые слышал:

Гулял в рубашке шелковой
Веселый гармонист
С Васильевского острова,
С завода "Металлист"...

Позже, когда я стал постоянным обитателем плацдарма, я полюбил эту песню и выучил ее так, что запомнил навсегда и сейчас повторяю на память.

- Нужно торопиться, товарищ лейтенант, - напомнил связной из батальона.

И мы уже в темноте двинулись по траншее. Здесь никого не было. Траншея вскоре кончилась, и мы поползли, как мне показалось, по снежной целине. В действительно-

сти здесь тянулся ход сообщения, но он был отрыг совсем мелко и терялся под снегом. Передний край бушевал: сплошной свист пуль, непрерывный треск автоматов, таканье пулеметов, разрывы мин и снарядов сливались в гремющий всеунитожажущий поток, который вот-вот захлестнет и меня. Настильный огонь противника буквально сек у самой спины. Что-то звякнуло совсем рядом, и связной зло выругался:

- Опять пробило, мать твою за ногу!

- Что пробило? - не понял я.

- Термос. Теперь баланды осталось чуть-чуть, и та холодная.

Наконец мы вновь свалились в траншею, по которой можно было идти. Вскоре нас остановил окрик:

- Стой, кто идет?

Связной назвал себя по фамилии, не прибегая к паролю. Мною часовой не заинтересовался.

- Поди еще тепленькое приволок?

- Кой черт! - огрызнулся связной. - Но фляжки донес в целости.

Я понял, что связной говорит о водке. Мы спустились в низенький тесный блиндаж. У одной стены находились сплошные нары, где можно было лечь впритык четырем человекам. Между входом и нарами стояла крошечная печурка сечением 30x30 см и длиной не более полуметра с трубой в одно колено, выведенной прямо в потолок. На чурбане возле нар стояла коробка с полевым телефоном. На нарах сидели двое: командир взвода - младший лейтенант - и помкомвзвода - старший сержант Кузнецов (только эту фамилию я и запомнил). Они уже знали о моем прибытии и явно были рады мне, как, наверное, любому, кто бы ни пришел сюда.

Связной быстро освободился от поклажи - остатков супа, двух фляжек с водкой, пакета с хлебом и сахаром, достал из-под фуфайки газеты. Затем он надел на спину пробитый термос, взял донесение у младшего лейтенанта и растворился в ночи.

Пока младший лейтенант и его помощник расправлялись с холодным супом, я горячо и сбивчиво рассказывал им, как усилить здесь оборону. Они не возражали, правильно решив, что я еще "не созрел" для понимания обстановки.

- Я сменю, - сказал Кузнецов.

Он наглухо застегнул полушубок, завязал шапку, проверил автомат и вышел. Почти тотчас же зашел боец, что дежурил в окопе. Когда боец снял шапку и откинул воротник полушубка, я увидел, что он далеко не молод - где-то лет за сорок. Он был лысоват и имел какой-то

благообразный вид. Мне казалось, что он перекрестится перед едой. Но он только крикнул, увидев неприглядные остатки холодного синеватого перлового супа, глотнул единым духом водку, достал ложку из-за голенища валенка и быстро начал хлебать. После Кузнецова пошел дежурить младший лейтенант, затем снова боец.

Когда рассвело, мы осторожно осмотрели взводный участок. Днем здесь работать было нельзя. Точка находилась от немецких позиций всего лишь в 40 метрах. Добрый мужик мог добросить гранату. Нельзя было даже выбрасывать снег, так как противник немеленно открывал по участку шквальный пулеметно-минометный огонь. Немец еще не знал о слабости точки, иначе ее уже не было бы, но вел тщательное наблюдение за ней. Двумя днями ранее точку взял под контроль снайпер. Он и убил четвертого члена гарнизона, которого я уже не застал. Стоило чуть приподнять над окопом какой-либо предмет, как в него сейчас же чмокалась пуля. Нельзя было и топить в землянке, так как дым и искры демаскировали ее. Обогревались собственным теплом. Полушубки не снимали. Гарнизон сменялся через две недели или раньше, если не оставалось людей.

Точку держали согласно приказу Народного комиссара обороны СССР N227 (июль 1942 г.), суть которого была "Ни шагу назад". В самом прямом, буквальном, жестком своем значении. Много людей, не сумевших выполнить этот приказ, отправились в штрафные роты и батальоны.

Линия окопов в этом месте выступала острым углом в сторону немецкой обороны, и на острие угла стояла эта злополучная точка. Она была и нам, и немцам, что называется, "белым на глазу". Но срезать этот выступ мог разрешить только командующий фронтом. И точку держали. Время от времени противник подвергал точку ожесточенному минометному обстрелу. Артогонь он не вел, видимо, из-за близости выступа к своей обороне. За месяц было две попытки захвата участка, но оба нападения были отбиты, главным образом, благодаря умелым действиям наших пулеметчиков, прикрывавших точку с обоих флангов, и минометчиков, имевших позицию непосредственно за точкой. Сигнал тревоги подавался ракетами, так как телефонная связь часто прерывалась и восстановить ее можно было лишь ночью.

Мы с комвзводом наметили ночную работу: усилить бруствер снегом и укрепить амбразуры. Часовой вел наблюдение из двух амбразур с расстоянием между ними 15-20 метров.

С наступлением темноты мы поочередно выбрасывали снег из окопа за бруствер, очищая окоп и наращивая бру-

ствер до 5-6 метров в сторону противника, то есть, чтобы он был непробиваем пулей. Вылезти и спрофилировать бруствер мы не могли из-за непрерывного настильного огня. Так что путного мы ничего не сделали. Лучшее, что я сумел, так это включиться в боевое дежурство, облегчив действия группы. Спать я не мог. Землянка непрерывно тряслась, как в лихорадке, отовсюду сыпалась и ползла земля, а мины рвались, казалось, у самых стен. Соседи мои спали мертво.

На следующий вечер вместе с пищей принесли письмо старшему сержанту. При свете коптилки, которой служила гильза 37-мм снаряда с фитилем из лоскута шинели, Кузнецов прочел письмо и коротко сказал:

- От нее.

Письмо было от невесты. Что было в письме, Кузнецов не сообщил. Он прочитал письмо еще раз, не торопясь смял его и положил в печурку. Зажег, протянул руки над огоньком и запел:

Пой, гармоника, вьюге назло,
Запугавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

Пел он с такой тоской, с такой болью, что рвало сердце, вызывало слезы. Чистый тенор был у Кузнецова. Пел он тихо, но ясно. У всех тяжело было на душе. Ночь прошла в угрюмом молчании. Под утро на дежурство вышел боец. Стало светать, и я решил сменить его. Часового я не увидел и заспешил по траншее к дальней амбразуре. Ближе я споткнулся: на дне траншеи лежало засыпанное снегом тело. Боец был мертв. Снайпер попал ему точно в глаз.

Мы положили труп на тыльную часть траншеи, освободив проход. Младший лейтенант позвонил в роту. Оттуда сообщили: "Ждите кротов". Вечером связной подтвердил, что придут армейские саперы. Действительно, где-то в полночь к нам приползли саперы, подтягивая на нарточках и волоком мешки с песком. Было их человек двадцать. До утра они успели выложить часть бруствера, укрепить амбразуры и уши, забрав с собой двух раненых и тело нашего бойца.

А утром позвонили, что меня отзывают и я должен немедленно прибыть в штаб полка. Задушевно я простился с двумя оставшимися на точке "могилками". Вечером и их ожидала смена, и вновь должны были прийти саперы, чтобы надежно укрепить участок.

Засунул я за пояс четыре "лимонки" ("лимонка" -

ручная граната яйцевидной формы, умещающаяся в ладони и имеющая прижимной рычаг на корпусе, за который ее можно прицепить на поясной ремень) - по две с каждой стороны пряжки - и пошел. Дорогу я, конечно, не помнил. Ведь лобились мы со связным в ночь, да еще кое-где ползли. Но думалось, что по траншее я выйду к роте без труда, а снег уже шел хлопьями. Вскоре я перестал чувствовать траншею и, вспомнив, что она не сплошная, с перерывом, пополз, как мне казалось, по ее продолжению. Видимости не было никакой, и я стал двигаться перебежками, вернее, прыжками, потому что снег стал таким глубоким, что я уже барахтался в нем. Я ждал, что вот-вот свалюсь в ход сообщения, ведущий к ротному блиндажу. Впереди что-то затемнело, я напрягся и наскочил на проволочные заграждения. Аккуратные металлические опоры, туго натянутая с частыми колючками проволока не оставляли места сомнению - это был передний край немецкой обороны. Я судорожно лапнул пояс - гранат не было. Я их растерял в глубоком снегу. Кровь бросилась мне в голову, все тело охватила палящая жар. Я развернулся и кинулся по своему еще не затянущемуся следу. Боже мой, с какой силой я преодолевал сугробы, стремясь уйти, во что бы то ни стало, уйти от этой страшной проволоки. Сам ведь пришел к врагу. Безоружный. Берите меня тепленького... Какой-то торпедой буравил я снег. Наконец (как это казалось долго!), я споткнулся о какой-то бугор и, вырвавшись на него, провалился в яму. "Бруствер и окоп", - молнией мелькнуло в мозгу. Мгновенье я лежал загнанно дыша, затем побрел по ходу, не думая, куда он ведет, что мог быть застрелен своими. Но нет, никого я не встретил. Так и добрал, никем не замеченный, до ротной землянки. Я ввалился в нее весь заснеженный. Когда немного отряхнулся, увидел того же лейтенанта - комроты - и рядом сидящего бойца с телефонной трубкой, прижатой к уху.

- Что-то ты назад больно торопишься, - отметил лейтенант. - Зажегся так, что на тебе снежок можно тащить и чаек кипятить.

Не задерживаясь, я ушел с попутчиком-связистом в полк, где получил документы и направился к переправе, чувствуя себя в такой безопасности, как если бы я находился где-то на Урале. Разрывы тяжелых снарядов чуть выше по Волхову совсем не тревожили меня.

Малая Вишера

Из резерва меня упорно не отпускали. Здесь я и встретил новый 1943 год. По случаю праздника нам выдали по сто граммов водки, которую мы выпили за ужином в

офицерской столовой. Тост был, конечно, "За победу!".

У меня было, пожалуй, впервые после начала войны, такое приподнятое настроение, что я даже поухаживал за девушкой-официанткой. Сначала я без задних мысли поинтересовался, где она училась. Девушка ответила, что в ленинградской школе (она назвала номер). Вот тут меня вдруг и понесло:

- Так и я там учился, - совершенно серьезно заявил я, - только на три года раньше.

Я самозабвенно рассказывал о своем классе, часто спрашивая:

- Ну, а кто физику? Вадим Иванович, говоришь? Он и у нас был.

Девушка была совершенно убеждена, что я учился в той же школе, что и она. За время ужина мы стали друзьями и даже договорились о встрече. Но мои пылкие "воспоминания" были лишь импровизацией, я не только не учился в Ленинграде, но и никогда не был в этом городе. Свиданию нашему не суждено было сбыться.

В домике резерва со мной жил капитан наших саперных войск. Про себя я называл его бабовидным. Было он среднего роста, плечи округлые, широкий тяжелый зад - ни дать, ни взять баба рязанская. Он часто всплескивал, именно всплескивал руками, ударяя ими об полы шинели. И говорил голосом тонким с повизгиванием. Говорил много, сладко улыбаясь, при этом круглое полное лицо его прямо-таки светилось. Любил анекдоты с перцем. Не знаю, брился ли он когда-нибудь, но никаких следов бороды и усов у него не проявлялось. Иногда вечерами он вполголоса пел. Пел хорошо, без фальши. Запомнилось мне, как с глубокой сердечностью и теплотой высказал он:

"Милый друг, наконец-то мы вместе,
Ты пави, наша лодка, пави.
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей большой любви."

С тех пор действует эта песня на меня завораживающе. Думалось, что добряк он, покладистый и сговорчивый. Как удивлен был я, когда услышал его разговор с майором в инженерном отделе армии. Нас вызвали вместе, но мне велели подождать, я стоял близ дверей, и мне был отчетливо слышен весь разговор. Майор давал капитану задание, а тот неожиданно резко, твердо отказывался:

- Я не подрывник, - говорила капитан. - Я дорожник, а взрывать, да еще в населенном пункте - этого я не могу.

Капитан настояла на своем. Задание досталось мне.

Нужно было ехать в город Малая Вишера и на разбомбленном стекольном заводе снять с помощью взрывов станки, опоры - в общем, все, что можно было использовать как металлолом. В Вишеру машины ходили гораздо чаще, чем на передовую, да и расстояние всего где-то 10 км. Так что вскоре я уже был там со своим все еще сохранившимся студенческим чемоданчиком, в котором умещались все мои нехитрые пожитки.

Небольшой этот город на новгородской земле вошел в историю Великой Отечественной войны, как первый советский город, который был освобожден от немцев (18 ноября 1941 г.) и удержан нашими войсками. В городе осталась некоторая часть мирных жителей, преимущественно старые да малые. Здесь располагались тылы 59-й армии, через железнодорожную станцию шло снабжение армии, эвакуация раненых. Станция была сильно разрушена, но деревянные частные домики города в большинстве своем сохранились и давали приют многим военнослужащим, приезжающим по разным делам.

Естественно, что я прежде всего явился в городскую комендатуру. Коменданту - пожилому майору - я не понравился. Он критически оглядел меня, остановил свой взгляд на моих двух "кубарях" в петлице и назвал меня "техником-интендантом 2-го ранга", хотя я представился как должно:

- лейтенант Руткевич.

Но майор упорно и в дальнейшем также величал меня "техником-интендантом".

Мне необходимо было узнать, где квартирует сержант и два бойца армейского батальона, которые уже несколько дней находились здесь со своим имуществом, необходимым для взрывных работ, и ждали командира, которым оказался я.

Комендант очень неуверенно объяснил мне, куда нужно идти, но я все же быстро нашел своих соратников. Саперы остановились в старом деревянном доме, где заняли большую холодную комнату-светлицу. Старуха-хозяйка встретила меня приветливо, а саперы даже обрадованно:

- А то сидим, ждем, неудобно даже, - сказал сержант.

В тот же день мы с сержантом осмотрели остатки стекольного завода и наметили задание на несколько дней. Среди стен разрушенного цеха попали мы под самолетную бомбежку, которая для меня была первой. Пережили мы ее в какой-то яме у стены. Ощущение было ужасное. Бились в голове лихорадочные мысли:

- Ведь еще не воевал и такой конец... пронеси мимо, пронеси мимо...

Осталось чувство стыда за животный страх, за потерю самообладания.

Привыкнуть к бомбежкам нельзя, но встречал я их впоследствии внутренне подготовленным, верил, как и многие на фронте, что в меня не попадет.

Опыт пошел на пользу, теперь мы заранее определяли укрытие. Бомбил же немец Вишеру по тринадцать раз в день.

А с комендантом не везло. Однажды утром я явился доложить, что буду взрывать, и застал у майора девушку-сержанта, которую он распекал за неуставной вид. Я глянул на девушку и... Воистину и смех, и грех! У нее рельефно выпирал не менее чем шестимесячный живот. Тут майор увидел мою гримасу, взглянул на девушку, понял, в чем дело; и побагровел. Он сунул девушке документ и отпустил ее. Затем он стал нещадно придирааться ко мне за необеспеченность работ людьми, нарушения порядка и прочее. Формально он был во многом прав, и я проглотил все молча. Даже обращения ко мне как к технику-интенданту 2-го ранга не вывели меня из равновесия. Антипатия наша усилилась. Дальше было посложнее.

Вскоре в поездах, в тупиках, на постах нас "усвоили", признали за своих, и работали мы поспокойнее. Но неприятность все же настигла нас. Как-то комендант, не знаю с какой целью, явился к санпоезду и завел игривую беседу с медсестрой, стоявшей на ступеньках вагона. Мы в это время взорвали довольно большой заряд в 2 кг тогда. Такой взрыв, да еще на поверхности, вполне мог сойти за бомбовый, как и понял его майор. С криком "Ложись" он плюхнулся на грязный снег. Медсестра, зная о нашей работе, зашлась неудержимым смехом, глядя на нелепо распластавшегося коменданта. Бешенству его не было предела.

Спасло нас только то, что майор не решился приблизиться к заводу и не смог проверить, что и как у нас делалось. А когда я явился в комендатуру, он уже остыл, но взрывы запретил категорически. Уговорить его было невозможно.

На следующее утро я после бессонной ночи пошел к нему, так и не придумав, что же предпринять. Как же я был удивлен и обрадован, когда узнал, что он срочно уехал, а его место занял какой-то капитан, вернувшийся из госпиталя после тяжелого ранения. Провидение спасло нас от неминуемых больших неприятностей, но собственно задание все усложнилось.

Работа нас выматывала. Сначала мы выбирали и очищали подходы к цехам с расчетом, чтобы можно было бы в считанные секунды отбежать в укрытие или на безопасное

расстояние. Внутри помещения, вернее, среди обломков стен прокладывали проходы к станкам. Работа эта была долгая, утомительная и требовала постоянного внимания, чтобы, освобождая проход к одному станку, не загоразничать другой. Перетаскивание обломков казалось совершенно бессмысленной работой, но другого варианта не было. Станки рвали поодиночке, не решаясь в таком хаосе производить многозарядный взрыв. Крупные агрегаты рвали дважды. Станки имели очень сложную конфигурацию и закреплены были на фундаменте с чисто немецкой надежностью (все оборудование было из Германии). Частыми бомбежками они были искорежены, с острыми рваными выступами, так что мы изрядно оборвались да и остерегались ранения. Не просто было найти место для заряда, а еще труднее было сделать фигурный заряд, обеспечивающий успех. Работать со взрывчаткой можно было только голыми руками, а заиндевевшее железо прямо обжигало. Но главной доюкой была бомбежка. Звучала сирена, и мы прятались в шель. После отбоя обычно все приходилось делать сначала. После того, как заряд был наложен и закреплен, бойцы уходили в оцепление, я отходила на 10-15 метров, чтобы зафиксировать момент, когда сержант зажигал бикфордов шнур, и мы с ним уходили к оцеплению. Зажигательная трубка была длиной 1-1,5 метра, то есть запас времени до взрыва 1,5-2,5 минуты (скорость горения шнура 1 см/сек).

Как-то произошел отказ. Я прождал 10 минут и пошел к заряду, у меня не было сомнений, что шнур погас. Конечно, мог отказать и детонатор. Совершенно твердой рукой я вынул трубку и отбросил ее далеко в глубь цеха. Через мгновение раздался резкий шелчок детонатора. Вот теперь мне стало не по себе. Причину выяснили сразу: проверили 10 метров шнура, он оказался бракованным - не горел, а тлел.

Большую мороку мы имели с рельсовыми арками, которые являлись опорами перекрытий. Самого перекрытия не осталось, но арки стояли. Рвали их мы у основания на бетонном полу, а упавшие рвали на такие куски, чтобы можно было погрузить на платформу.

Вечерами мы были свободны. Бойцы мои, не помню их по именам, еще мальчишки, лет по 18-19, нашли себе полезное занятие. Ночью приходили эшелоны с боеприпасами, продуктами и снаряжением, со всем, что требовалось огромному организму армии. А разгрузить было некому. Интенданты собирали всех, кого только можно было. Вот тут-то и наши ребята пристроились. Часа два проводили они на разгрузке и обычно приносили "поощрение": банку консервов, сухари. Однажды они торжественно внесли кусок засахаренного меда, светло-желтого, искрящегося, ну

прямо слюнки текут. Пробу поднесли хозяйке, которая ахнула и скривилась. За "мед" ребята приняли застывшее хлопковое масло. Но для хозяйки - это был очень ценный подарок.

Принесли они как-то целый ящик круглых баночек типа консервных. Я даже усомнился, что им дали такой подарок. Бойцы обиделись. Нет, все честь по чести: старшина на разгрузке разрешил взять упавший и разбившийся ящик и объяснил, в чем его ценность. В баночках была воскоподобная масса, пропитанная спиртом и предназначенная для подогрева пищи. Увы, славяне быстро распознали прелесть содержимого, и эти баночки стали называться "жми-дави". Массу из баночек заворачивали в полотенце или чистую запасную портянку и выжимали из нее спирт. Мой "гарнизон" немедленно занялся этим делом. Хозяйка подала несколько полотенец и ведро-подойник, куда и стали собирать спирт. Он был мутным с отвратительным запахом. Чтобы облагородить напиток, решили добавить в него клюквенный сок. Клюкву достали у соседки. Однако сок не растворился в этой жидкости, а свернулся в мелкие кусочки, наподобие клочков мелко порванной бумаги, которые пришлось удалять шумовкой.

Появились новость откуда взявшиеся гости, наверное, из тех, кто был на разгрузке. Соседка, давшая клюкву, еще игривая женщина, выпила наравне с мужчинами и, быстро освоившись в собравшемся обществе, начала выступать с актуальными частушками:

Я любила лейтенанта
И ремень через плечо.
Получает маловато,
Но целует горячо...

Затем, выразительно взглянув на меня, встала и с приплясом продолжала:

Лейтенантики-друзки
Понаделали брюшки:
Кому сына, кому дочь.
Сами смылись в полночь.

Я был среди присутствующих единственным лейтенантом и чувствовал себя неловко, вроде частушки метались в мой адрес. К полуночи "жми-дави" под картошку с солью уничтожили, все угомонились, и я облегченно вздохнул. Больше приносить такое "развлечение" я не разрешил.

Иногда мы ходили в кино. Стихийно возникали у нас самодеятельные вечера, душой которых был сержант. Гово-

рил он мягко, задушевно, часто употребляя украинские слова. Любил песни про осенний дождик, который он ласково называл "мигичка". Научил нас своей любимой песне, и мы вчетвером выводили:

Ні тучки, ні хмарки, ще й дощик іде,
Козак до дівчини ще й з вечора йде...

Работа наша все усложнялась: оставались изуродованные и труднодоступные машины, какие-то плиты, столбы. Кроме того, нужно было проделать такую же работу в Большой Вишере, где также был стекольный завод, превращенный в груду развалин. Правда, работы здесь было меньше, и я решил ее делать наездами из Малой Вишеры. Переносить базу было сложно, да и жить там было негладко. Мы собирали все необходимое в мешки и поутру, еще затемно, стоя на задней тормозной площадке (всего-то 10 км) "Передачи", уезжали в Большую Вишеру. В ночь таким же образом возвращались.

Капсюли-детонаторы мы хранили в комендатуре, откуда их получали перед выходом на задание. Для выезда в Большую Вишеру коробку с детонаторами прятали в своей комнате, в углу за иконой. Взрывчатку - четырехсот- и двухсотграммовые толовые шашки - мы складировали в кладовке, что была в сених. Тол безопасен в обращении и хранении, и мы не очень о нем беспокоились. Ключ от кладовки находился у сержанта. Вообще вся материальная часть числилась на сержанте, который получил ее в своем батальоне.

Основная часть задания была выполнена, и мы решили "подбить бабки": хватит ли нам взрывчатки на завершение работ. Пошли в кладовку... и обомлели: оставшийся ящик с толлом был почти пуст. Мы не на шутку обеспокоились. Сам по себе факт исчезновения ВВ в армейском тылу - это уже ЧП. А главное - нужно выполнить задание. Решили вместе с сержантом осторожно поговорить с бойцами, с хозяйкой. Секрет открылся в тот же день. Под вечер я, не заходя в избу, задержался на крыльце и услышал в сених женский разговор:

- Я вот мекаю, Петровна, чегой-то им столько мыла выдали? Может, они на что выменивать хотят?

- Не знаю, соседка. Только мыло, как и все по нынешнему времени, совсем плохое: не мылится и все белье пережелтило.

Тут меня и осенило: за мыло бабоньки приняли тол и растащили его. Ведь мыло это какой дефицит был!

Кашлянул. Зашел в дом. Разделся и на кухню. Стал толковать, что у нас толовые шашки пропадать стали.

- Может, - говорю, - кто из женщин их по ошибке за мыло посчитал. Беды бы не вышло.

Женщины ни в какую: ничего, мол, не знаем. Как ни бился - бесплодно. Тогда решился я на недозволенный прием. Приказал бойцам вырыть посредине огорода приямок около полуметра глубиной, а затем послал их собрать из 10 окружающих домов всех жителей. Сержант подготовил толовую шашку и зажигательную трубку.

Люди собрались, ожидая, какие еще неприятности, по военному времени, подстерегают их.

- Что это? - показываю толовую шашку.

Молчат. Потом одна хмуро:

- Что спрашивать? Мыло это.

Я вставил в шашку детонатор, положил ее в приямок и поджег бикфордов шнур. Стояла мертвая тишина, даже слышно было, как шипел, сгорая, шнур. Через минуту раздался взрыв.

Демонстрация была убедительна. К ночи все "мыло" возвратилось в кладовку.

Это происшествие имело и другое последствие. Среди пришедших на огород увидел я довольно красивую девушку лет около двадцати. Оказалось, что это местная учительница Дуся Разина. Жила она, правда, не рядом, но попала в нашу "облаву".

С этого дня все мои помыслы вертелись вокруг Дуси. Зачастая я в дом, где она квартировала. Ее хозяйка отнеслась к этому неодобрительно. Сказала:

- Жених у нее есть, лейтенант-пограничник.

Подтвердила это и сама Дуся. Но друзьями мы остались. Брал я у нее книги, которые не читал. Писал ей стихи. Но более настойчивые ухаживания она твердо отклоняла.

Пришел конец нашему заданию. На заводе и во всей округе мы металлолом привели в транспортабельное состояние. Из саперного батальона пришел отзыв на сержанта и бойцов, предложили и мне возвратиться в штаб.

В последний день сержант предложил, чтоб не возиться с оставшейся взрывчаткой, а особенно с опасными детонаторами, сделать еще несколько взрывов на заводе, где остались неудобные для погрузки гнутые рельсы.

- Вам незачем ходить, товарищ лейтенант, - убеждал меня сержант. - Вы пишете рапорт о выполнении задания, а мы часа за два справимся.

На том и порешали. Группа ушла, а я засел за рапорт. Писалось легко, складно, ведь все было успешно.

Подрывники задержались... Наконец возвратились одни бойцы. Вид у них был подавленный.

- Что случилось? Где сержант? - спросил я.

- ЧП, товарищ лейтенант. У сержанта в руке детонатор сработал, и двух пальцев как не бывало. Проводили мы его в медсанчасть.

Боже, как я проклинал себя, что отпустил группу самостоятельно. Как будто при мне этого не могло случиться. Волнение до дрожи охватило меня. Я бросился в медчасть. Капитан-хирург развел руками:

- Операцию сделали быстро, опасности для него нет, но и двух пальцев нет. Я его отправил в госпиталь. - Затем внимательно посмотрел на меня и раздумчиво сказал: - На руке слабый ожог, а на трех оставшихся пальцах следов нет.

Я вначале не понял, о чем он мне толкует. И только когда пришел на квартиру, меня осенило: врач намекнул, что сержант подорвался умышленно, а три пальца были во что-то завернуты. У заряда он оставался один. Самострел!

Это был один из горьких уроков, которых мне на войне пришлось пережить немало.

После обеда за бойцами приехали из саперного батальона, а я остался до следующего дня.

Вечером пошел дождь. Такие капризы природы в здешних местах не редкость. В состоянии душевного расстройства пошел я к Дусе, хотя уже простился с ней накануне. Добирался я в кромешной тьме и провалился в какую-то яму, зачерпнув воду через край сапог. Дуси не было дома, но хозяйка пустила меня в ее комнату и предложила обсушиться. Через несколько минут пришла Дуся. Она ничего не расспрашивала. Помогла мне разуться, быстро простирнула портянки и устроила их сушиться у маленькой печурки. Мирно потрескивали дрова. Мы молчали. Дождь, зимний дождь, ледяной, пронизывающий, секущий, стучал в окна все сильнее и сильнее.

Простились мы как близкие-близкие люди, разлучающиеся надолго, навсегда. Горьким и жгучим был наш единственный и прощальный поцелуй.

Трофеи и погоны

Самое страшное было, как доложить в штабе о событиях в Малой Вишере. Я передумал много вариантов, но так ни к чему и не пришел. Набрался смелости и, получив разрешение:

- Войдите, - перешагнул через порог.

- Товарищ майор... - И осекся. Начальник отдела инженерных войск штаба армии был уже подполковником. Встретивший меня очень строгим взглядом подполковник увидел мое замешательство и явно смягчился.

- Простите, товарищ подполковник, - упавшим голосом произнес я.

- Что же ты, лейтенант? Недосмотрел? - с досадой, но без угрозы спросил подполковник.

Я понял, что ему также очень не хочется, чтобы история с сержантом-самострелом получила огласку.

- Откомандирую тебя на несколько дней в трофейный отдел, а там и направление в часть получишь. Уже наметились две вакансии.

Не без труда нашел я стоявшую на отшибе избушку трофейного отдела. Отдел состоял из двух человек: начальника отдела - майора - и его "штата" в одном лице - старшего лейтенанта. Люди эти были совершенно не схожи между собой, но уживались превосходно. Общее в них было то, что оба пожилые и взяты из запаса.

Майор был крупный сильный, несколько неуклюжий мужчина с громким густым голосом. Поведения простецкого. Характером добродушен. Ко мне сразу отнесся покровительственно, по-отцовски. Старший лейтенант был из "бывших": поручик царской армии, дворянского рода. Среднего роста, хорошо сложенный, с аристократическим мраморно-белым лицом, с густыми русыми с малой проседью волосами. Говорил четко, правильно, красиво. Казалось, что его баритон поставлен как у хорошего певца.

Мне отвели угол за перегородкой, где была "спальня". Майор был главной "движущей силой". Он без конца куда-то бегал, ездил. Старший лейтенант постоянно находился в отделе, вел всю бумажную канитель, телефонные переговоры. Работы им хватало. Главная задача состояла в поиске и отправке в тыл металлолома. Задаче этой уделялось большое внимание. Командующий 59-ой армией генерал-лейтенант И.Т.Коровников упоминает в своей книге "На трех фронтах", что Военный Совет армии "поддержал также инициативу молодежи по сбору трофейного оружия и военного имущества. Только в одной 377-ой дивизии комсомольцы собрали на нейтральной полосе много шанцевого инструмента, немецких автоматов, станковых пулеметов и прикатали противотанковую пушку".

Моя задача состояла в ежедневном обходе отделов штаарма с целью сбора сведений о возможных источниках металлолома. По утрам майор, собираясь в поездку, грозился взять меня с собой, так как где-то что-то нужно взрывать, но тут же успокаивал:

- Плацдарма тебе не миновать, так что покантуйся у нас еще немного.

Я составлял карту с пунктами нахождения различного имущества и металлолома, заполнял какие-то журналы. Мне хватало времени, чтоб сочинять стихи Дусе:

На крылечке березовом
Ты осталась сама,
К ножкам маленьким розовым
Подбирался туман.
И пока за туманами
Видеть мог я твой дом,
Ты надежды обманные
Посылала платком.

Стихи были плохим подражанием известной песне, и я сам в этом убедился тотчас же после их написания. Всегда с благодарностью вспоминаю своих родителей, которые не препятствовали моему пристрастию к сочинению стихов, но очень тактично научили меня понимать и ценить стихи. Поэтому я никогда не пытался печатать свои "произведения", зная их слабость.

По вечерам долго не ложились. Разговоры больше всего касались "всеармейской" темы о женщинах. Вернее, майор не признавал женщин, говорил лишь о бабах, а старший лейтенант вспоминал пикантные истории из своей до-революционной жизни. Я по своему незрелому положению среди этих "зубров" помалкивал. Между тем речи более всего были адресованы мне, как свежему слушателю.

Майор смаковал подробности интимных отношений, называя все своими именами. Меня это угнетало. Что вся армейская среда пропитана матом - с этим я примирился, как с неизбежным злом. Но никак не мог привыкнуть к серой штампованной ругани, когда без всякой причины, без выражения, "чувств никаких не изведав", а просто как жвачку тупо повторяют на каждом шагу одни и те же матерные слова. Я вырос в Одессе, в порту, в Иностранной гавани. Там не было беззубого мата "просто так". Безликий мат считался унизительным, присущим деревенским "глобам". Ругались в порту по какому-нибудь поводу и с конкретными изъяснениями. Поскользнулся, например, грузчик на трапе или, хуже того, уронил мешок весом в 70 килограммов, вот тогда он разряжался. Доставалось и грапу, и мешку, башмакам и погоде, и, конечно, всем ангелам и архангелам, апостолам и самому господу богу, предкам и потомкам во всех коленах. Сам я ругался крайне редко, и, как говорили мои друзья, мне это "не шло". Совсем иначе рассказывал бывший поручик. Нецензурные слова ему были не нужны. Он увлекал фабулой и чувством.

- В 1913 году был я произведен в офицеры. Вечера проводил чаще всего в Мариинском театре и, как мальчишка, а я и был мальчишка, влюбился в популярную актрису. Носил ей цветы и на сцену, и за кулисы, писал стихи, но

она меня не замечала. Тогда я решился: спрятался среди разбросанных декораций и, когда схлынула толпа поклонников и артистов, ворвался к ней в уборную и упал перед ней на колени. Актриса уже собиралась уходить и милостиво разрешила мне проводить ее. Жила она в гостинице. Я был допущен в святая святых для меня - в ее комнаты. Конечно же, заказал ужин с шампанским. В общем я остался у нее, но она потребовала от меня обязательства, что я оправдаю себя как мужчина. "Подумайте, - предупредила она меня. - Я не потерплю слянявого юнца". Сгорая от страсти, я согласился на все условия. Увы, я потерпел полное фиаско и был изгнан с позором. Как она меня обозвала, да еще выставила в коридор, куда сбежалась прислуга. Я мчался по предрассветным улицам Питера, чувствуя страшное унижение. В театр я больше ни ногой. И любви как не бывало.

В трофейном отделе застала меня кампания по замене петличных знаков погонями. Указ о введении в Красной Армии новых знаков различия был издан 6 января 1943 года. Практически в 59-ой армии эта замена проводилась в феврале. Казалось, время совсем не подходящее для таких реформ. Шло самое решающее сражение Великой Отечественной войны - Сталинградская битва. До погон ли? Но это был жест уверенности, отмечающий всякое сомнение в силе и величии Красной Армии, в ее несокрушимости, в ее способности победить. Весь мир почувствовал это. Многие говорили, что только Сталин мог решиться на такой шаг. Оперативность была исключительная. В течение нескольких дней погоны надела вся армия. Подавляющая часть воинского состава восприняла введение погон как должное. Молодые офицеры - плеяда лейтенантов - говорили о традициях русской армии, о поручике Лермонтове, о чести погона, о дуэлях и о всякой романтике. Среди старшего поколения, особенно среди тех, кто участвовал в гражданской войне, были недовольные. Хмурились, брюзжали:

- Рубали мы золотопогонников, а теперь я сам должен натянуть эти погоны, как будто я беляк какой-то...

Я вспомнил, как в 1929 году, когда наша семья жила на станции Застава 1-я под Одессой, отцу подбросили в сарай пару старых красных солдатских погон. Отец занимался в сарае своим любимым делом - переплетал книги. Откуда ни возьмись пришли с "проверкой" представители власти и сразу же обнаружили погоны. Отца забрали. Спасло его то, что он жил на Заставе еще с дореволюционного времени, был учителем и директором местной школы и никакого отношения ни к какой армии не имел. Придаться было не к чему. Причина, как позже выяснилось, была в том, что какому-то начальнику нужна была квартира. Нас

все-таки переселили поглуше и похуже.

Погоны прижились быстро. Не обошлось без происшествий. Некоторые офицеры пробовали шеголять в повседневных "золотых" погонах на переднем крае и стали добычей немецких снайперов. Более того, немцы использовали этот момент и охотились за офицерами, не трогая солдат: не против солдат, мол, воюем, а только против командиров-коммунистов.

Среди офицеров велись разговоры, что на этом реформа не кончится, что будет введено обращение "господин" и прочее. Больше всего неувязок при введении погон было у политсостава. В связи с упразднением института Военных комиссаров в октябре 1942 года происходила переаттестация военно-политических работников. Некоторые долго оставались неаттестованными и при введении новых знаков не получали права на их ношение. Я встречал еще такого командира без погон с тремя "кубарями" в петлице весной 1944 года.

Старший лейтенант навесил на пласчи погоны, такие же, какие он носил, будучи поручиком. Он говорил:

- Совсем те же, только новенькие.

Я написал ему в журнале:

В Трофейном отделе
Мы погоны надели

Провожали меня "трофейшики" на плацдарм, как общего сына. Впоследствии, бывая в штаарме, я не забывал навестить их.

ПЛАЦДАРМ

В марте 1943 года я получил, наконец, "постоянную прописку" - назначение командиром взвода в 440-й отдельный саперный батальон 377-й стрелковой дивизии. Дивизия стояла на плацдарме.

Мне повезло: на рассвете еще затемно я доехал на попутной полуторке к уже знакомой переправе. Машина остановилась, не доезжая моста у развалин Селищенских казарм. Из кузова выгрузили несколько тяжелых ящиков, и полуторка тотчас же ушла. Здесь задерживаться было небезопасно. Местность хорошо просматривалась противником. Имея опыт, я предупредил часового у моста, что жду попутчика в 377-ю и ушел в укрытие возле стен казармы среди густых зарослей.

Селищенские казармы, находящиеся в 54 км севернее Новгорода на правом берегу Волхова, были построены стараниями графа А.А.Аракчеева в 1820 году как одно из во-

енных поселений. Споры нет, что аракчеевщина тяжелым бременем легла на русских людей. Все это правда. Но вот постройкам Аракчеевским, что зданиям, что дорогам - цены нет, столь они прочны и надежны. И в эту войну в этой глухой местности сослужили они нашей армии службу верную. Многими бомбежками и обстрелами тяжелыми снарядами перекрытия и часть стен казарменных были повреждены, но огромные подвалы с массивными сводами сохранились и использовались как перевалочный склад для снабжения войск на плацдарме. Сохранилась выступающая вперед колоннада главного входа, дверные и оконные проемы с полукруглыми верхними сводами. Даже изувеченное - это здание позволяло представить себе его стройность, строгость и красоту.

Дорога к Селищам представляла собой отремонтированный отрезок старой, действовавшей еще при Аракчееве, Большой московской дороги: на правом берегу она шла к Малой Вишере и далее на Москву, а на левом берегу - к Спасской Полисти и далее на Ленинград.

Вскоре подошел ко мне попутчик. Им оказался замполит 440-го ОСБ капитан Хангиальдин.

- Уж не к саперам ли? - спросил он.

- К ним.

- И наверное в 440-й?

- Да. Как Вы определили?

- Мы давно ждем взводного. А в штабе сказали, что уже назначен.

День выдался удачный. Выглянуло неяркое раннее весеннее солнце, превешая оттепель. На переправе было спокойно. Мы быстро проскочили мост, прошли заснеженную полосу надпойменного луга, за которым поднималась неровная стена черного леса.

Капитан мне понравился. Он располагал к себе простым дружеским обращением. Был он средних лет, порядка тридцати пяти. На смугловатом лице его выделялся широкий рот и темно-карие веселые глаза. Он часто улыбался, показывая крупные целые с легкой желтизной зубы. Башкир по национальности, он говорил с легким акцентом.

Здесь я должен отвлекаться от своего повествования и заняться описанием того, что представлял собой плацдарм против Селищенских казарм на западном берегу Волхова. Природные условия, окружающая среда существенно влияли на военные действия, как на плацдарме, так и на всем Волховском фронте.

Река Волхов берет свое начало в озере Ильмень, течет по древне-ледниковой долине на север на протяжении более 220 км и впадает в оз. Ладожское. Ширина реки в районе Селищ около 200 м. Она достаточно глубока для

судоходства. С ноября по апрель скована льдом.

В конце 1941 года - начале 1942 года советские войска, освободив Тихвин и преследуя противника, вышли на реку Волхов и вблизи Новгорода с ходу форсировали ее, захватив плацдарм, который действовал с января 1942 года по январь 1944 года. Плацдарм начинался в 15 км к северу от г. Новгорода у д. Теремец и простирался далее вниз по течению Волхова на 30 км до д. Дымно. На глубину, то есть к западу от реки, плацдарм имел 8 км.

Когда наши войска заняли плацдарм, стояли лютые морозы, достигающие 30-35 градусов. Нужно было искать спасение от холода. От тамошних деревенок ничего не осталось, кроме их названий на карте. Попробовали окапываться, но на глубине 50-60 см появилась вода. Пришлось строить хвойные шалаши, обкладывая их снегом и обливать водой. В этих ледяных убежищах и спасались. Передвижению мешал довольно глубокий снег. Сильные морозы временами очень резко сменялись оттепелями с дождями. Не лучше было и в другие времена года. В 1942 году в этих местах находился писатель Муса Джалиль - он был корреспондентом газеты 2-й Ударной армии "За отвагу". В письме жене 20-го мая он писал: "Мы на самом трудном участке фронта. О боях не стану распространяться. А природа - ужасная, кругом сплошной гнилой лес и болота. Болота, болота, болота!.. Ходим по колено и по пояс в грязи и по болотистой воде. Наши цветущие края, где текут серебряные ручьи, Волга, Кама, Белая, где цветут иблони, черемуха, вишни - нам только снятся. По сравнению с той природой этот район - просто помойная яма!.. Такую грязь, таких болот'я никогда не видел".

Более строго, но не менее впечатляюще описывает эти края маршал К.А.Мерецков: "Я редко встречал местность, менее удобную для наступления. У меня навсегда остались в памяти бескрайние лесные дали, болотистые топи, залитые водой торфяные поля и разбитые дороги. Трудной борьбе с противником сопутствовала не менее трудная борьба с природой. Чтобы воевать и жить, войска вынуждены были строить вместо траншей дерево-земляные заборы, вместо стрелковых окопов - насыпные открытые плашадки, на протяжении многих километров прокладывать бревенчатые настилы и гати и сооружать для артиллерии и минометов деревянные платформы". И далее: "Вколотив в болото сваи, бойцы крепили к ним пол. Этот пол через несколько дней, как правило, уходил под воду. Тогда строили новый, а внутри блиндажа под самым потолком настилали палаты, на которых лежали наши воины, ведя огонь через прорубленные отверстия - амбразуры. После ледя приходилось перебираться на крышу. Блиндажи прев-

рашались в островки, на которых советские воины честно несли боевую службу".

Плацдарм был покрыт преимущественно мелколесьем - густой, непролазной, но чахлой порослью осины, березы, ели, разных кустарников.

Для постройки дерево-земляных заграждений трудно было найти поблизости подходящий лес. Приходилось вязать из прутьев фашины, а из фашин строить двухрядные заборы, между которыми забрасывалась грязь. В таких местах невозможно было отрыть даже отхожий ровик и естественная надобность составляла проблему. Бойцы приспособились опрашивать на лопатку и накопление выбрасывать в сторону фрицев, сопровождая свои деяния непередаваемыми комментариями. И, конечно же, дороги, вернее, бездорожье. Полное. Беспросветное. Повсюду приходилось делать сплошные жердевые или даже бревенчатые настилы. Помню, что в один из полков мы настилали дорогу бревнами 16 раз, и все 16 настилов один за другим в течение года ушли в топь. В слабом болотистом грунте оседали АЗОТы, тонули артиллерийские позиции.

К. А. Мерецков вспоминает, что внезапная оттепель, неожиданная для января, превратила поросшие кустами колючеватые ледяные поля в грязное месиво.

Более чем через 40 лет в мае 1985 года приехали однопольчане к местам боев на плацдарме. Остановились мы в деревне Трегубово, которая находилась в войну на самом переднем крае, неоднократно переходила из рук в руки, но все же удерживалась немцами.

Поутру пошли на встречу с учениками. Пришлось нам добираться к новопостроенному зданию школы по дощечкам, под которыми так знакомо хлюпала ржавая вода. Как зашемило сердце. Ярче всего запомнила плацдарм хлюпающая вода.

21-го мая 1943 года я писал Нине Карасевой: "Обрадовался как ребенок, когда увидел пыль. Да, просто старую пыльную дорогу, на которой не было воды. Уже восемь месяцев я не видел сухого места в этих краях и поэтому пришел в восторг от такого прозаического зрелища".

Держать оборону на плацдарме приходилось, как сказали бы теперь, вахтовым методом: периодически сменяя бойцов переднего края. Но у этого метода был большой недостаток: для смены не хватало людей, и поэтому "вахту" приходилось нести одним и тем же солдатам днями, неделями, а иногда и месяцами.

Казалось нам, что нет горше земли, чем в долине Волхова. Конечно, не все было безрадостно в этой суровой местности. Редко где можно встретить такое буйное изобилие ягод, как в Приильменской низменности, по ко-

торой протекает Волхов: голубика, черника, малина, ежевика, княжевика, костяника, брусника, клюква... Однажды по неведению прилег я в густой траве и сильно таки попортил только недавно полученную офицерскую форму, на которой отпечатались темные пятна от раздавленных ягод черники.

На водоразделе рек Волхова и Луги расположено гигантское Тесово-Нетельское болото. С одного гектара мелких болот можно собрать до 200-300 кг клюквы.

Да еще отмечу, что Волхов - река рыбная. Как-то глушили мы рыбу под Званкой, бросая с лодки пятикилограммовые заряды. Всплывали поднятые со дна огромные весом до 6 кг лещи, старые, покрытые какой-то ржавой коркой, обсыпанные ракушками, облепленные илом. Были они малосъедобны, но ловля их была событием в нашей армейской жизни, тем более, что глушили их буквально под носом у немцев. От командира дивизии прибыл специальный "посол" за этими музейными рыбинами.

Не знали мы в то жестокое время, что места эти приволховские почитались дивными, что затяжные весны и осени ценились, как чудесные явления природы. Особенно осень: погожие пригретые нежарким солнцем дни, разноцветная мозаика лесов, серо-синяя гладь Волхова, тихое течение его притоков с солнечными бликами на воде - Полести, Керести, Вишеры. Успокаивали и пасмурные дни с мелким-мелким дождиком, когда хорошо мечтается на лесной тропинке.

В конце XVIII столетия и в XIX столетии знатные дворяне облюбовали себе на берегах Волхова места под родовые имения.

В Званке возвел двухэтажный особняк, окруженный множеством служб, российский поэт Гаврила Романович Державин, живший здесь с 1779 по 1816 год. В этом имении он написал отрывками одно из лучших своих произведений "Жизнь Званки", в котором предсказывал:

Разрушится сей дом, засохнут бор и сад,
Не вспомнится нигде и имя Званка.

Пророчество Гаврилы Романовича во многом сбылось. Правда, имя Званка еще вспоминается, а вот самого поселения нет. На Званковском бугре ничто не растет. Ржавеют там осколки, толстым слоем устилающие бывшую усадьбу, валяются каски, пулеметные ленты и прочий металл. От церкви остался фундамент и остатки стен высотой 1-1,5 метра. Черными пустыми глазницами глядят входы в подвалы.

Заречная часть Званки граничила с землями самого

сиятельного всероссийского деспота графа Алексея Андреевича Аракчеева, чье имение находилось в д. Грузино.

В Селищенских казармах располагался Гродненский гусарский полк, в котором служил в феврале-апреле 1838 года опальный поэт М.Ю.Лермонтов, переведенный сюда с Кавказа.

В старинном селе Коломно, что расположено на левом берегу Волхова против Селищ и которое упоминается в писцовой книге за 1499-1500 годы, в 1878 году жил несравненный мастер художественного очерка писатель-революционер Глеб Иванович Успенский.

По берегам Волхова в районе нынешнего города Чудово хаживал на охоту Николай Алексеевич Некрасов.

В тиши здешних мест в имении Онег, что располагалось по левому берегу Волхова ниже Муравьевских казарм (также построенных Аракчеевым) в конце XIX века родился композитор Сергей Васильевич Рахманинов.

Несколько севернее плацдарма по Волхову близ города Кириши в Сольцах в начале XIX века жил писатель-декабрист Бестужев-Марлинский.

Так что эти края были не такими глухими, как представлялось нам в войну. Но все это мы узнали потом, потом...

Весной 1943 года на плацдарме дислоцировались шесть стрелковых дивизий, стрелковая и танковая бригады. 377-я СД, куда я следовал, занимала оборону на северной окраине плацдарма между селениями Дымно на севере и Спасская Полисть на юге.

Передний край обороны представлял собой не замолкающую ни на мгновение зону огня. Пулевой ливень никогда не утихал. Огонь противника был настолько плотным, что на полкилометра в глубину нашей обороны растительность была срезана под один уровень, как под гребенку. Нейтральная зона между немецкими и нашими позициями, имевшая обычно 100-300 м ширины, была покрыта осколками. У печально известного Мясного Бора, где в июле 1942 года велись ожесточенные бои для вывода 2-й Ударной армии из окружения, слой осколков был совершенно сплошным, даже трава не пробивалась.

По всей территории плацдарма немцы вели методичский артиллерийский обстрел, а временами производили внезапные огневые налеты с помощью артиллерии разных калибров, причиняя нам немало беспокойства. Летом 1943 года штаб 377-ой СД подвергся настолько сильному артналету, что его пришлось перенести в более надежное место. "Музыка" переднего края никогда не замолкала. И лишь во второй половине 1943 года, когда наша артиллерия начала получать достаточное количество снарядов,

немец несколько присмирел, так как после каждого сильного обстрела плацдарма наши артиллеристы отвечали губительным огнем по уже засеченным позициям немецких батарей.

Оборона плацдарма никоим образом не являлась "классической" позиционной войной - стационарным сидением в окопах с традиционными перестрелками и разведками. Постоянно велись ожесточенные бои за каждый холмик, за каждый клочок земли.

Важнейшей задачей являлся захват возвышенностей, на которых, естественно, располагались населенные пункты. Недаром в армейском лексиконе есть выражения: "Командные высоты", "Овладеть высотой". Владеющий высотой при общем равнинном характере местности имел преимущество в наблюдении, в контроле за дорогами, в корректировке огня, в оборудовании позиций, в условиях бьга, наконец.

Особенно ожесточенные и многократные бои велись за важнейший опорный пункт плацдарма Званковский холм, имеющий высоту 40 метров и расположенный на левом берегу Волхова непосредственно у реки. Этот холм доминировал на местности и позволял врагу вести обзор полосы нашей обороны на глубину до 25 км. Высота переходила из рук в руки, но ценой огромных потерь немец все же удерживал Званку. Здание на холме было разрушено: обломки его накрыли мощным чехлом подвалы, в которых немцы оборудовали опорный наблюдательный и огневой пункт, практически непробиваемый нашими огневыми средствами, разве лишь прямым попаданием авиабомбы.

Маршал К.А.Мерецков пишет о Званковском опорном пункте немцев: "Каждый день и каждую ночь холм изрыгал огонь и свинец, на многие километры вокруг себя разрушение".

Пункт этот, как чирей на присутственном месте, задавал нашей обороне немало хлопот, ограничивая возможность дневного передвижения.

Сложная обстановка на плацдарме усугублялась еще тем, что над переправами через Волхов часами висели "костыль" или "рама" - немецкие самолеты-наблюдатели.

Во второй половине 1943 года и эти "соглядатаи" не смели столь нагло появляться над плацдармом. Набрали силу наша авиация и зенитная артиллерия.

ОТДЕЛЬНЫЙ САПЕРНЫЙ БАТАЛЬОН

Где дикий зверь не проползет,
Где танка не возьмут моторы
И где пехота не пройдет,
Пройдут отважные саперы.

(Строевая песня)

Когда прибыли в расположение части, капитан завел меня в домик, где размещались взводные командиры. На месте никого не было. Я оставил свои пожитки и пошел по указанному замполитом направлению к командиру батальона. В просторной комнате рубленного дома сидели двое: командир батальона майор Николай Михайлович Исаев и дивизионный инженер подполковник Ефрем Иванович Русанов. Оба они, как я узнал чуть позже, только на днях получили повышение в званиях.

Попросив разрешение у подполковника, я представился, как положено, командиру батальона, что прибыл для дальнейшего прохождения службы.

- Значит, из Черниговского училища? - переспросил комбат.

- Да, - подтвердил я, - специализировался в минно-подрывной роте.

При моих словах командиры переглянулись и улыбнулись. Я не понял, чем вызвал такую реакцию. Как оказалось, я назвал ту самую специальность, при которой сапер ошибается только один раз, и рекомендоваться ею было не принято.

Майор поинтересовался жизнью училища. Оказалось, что он окончил это училище как раз накануне войны. Он был моим одноклассником, то есть рождения 1920 года, но выглядел гораздо старше. Волжанин - он был несколько грузноват, рост имел средний. Лицо полное, слегка овальное, волос светло-русый, глаза светло-карие нарочито строгие. Чувствовалась в нем сила, основательность, но и грубость натуры.

Дивизионный инженер резко отличался от комбата. Было ему лет 40. Его отличала живая правильная речь, не лишённая остроумия, мягкие сдержанные жесты. Был он худощав, с заостренными чертами лица, с заметно оттопыренными ушами. Серые глаза его смотрели внимательно и доброжелательно. Было он рыж и веснушчат. Мне казалось, что он схож с умудренным жизнью матерым лисом. Инженер-архитектор из Харькова Русанов представлял собой типичного интеллигента - хорошо воспитанного выдержанного человека.

Подполковник расспросил меня о моем институтском

образовании, о службе в Забайкалье. Особое внимание он уделил моему знанию топографии, умению пользоваться картой, составлять кроки и абрисы.

Я был определен во 2-ую роту командиром 2-го взвода.

После визита к комбату я отправился во вторую роту, где представился ее командиру капитану Захарову. Захаров - блондин неопределенных лет, но еще достаточно

Офицеры 440-го отдельного саперного батальона 377-й стрелковой дивизии у штабной землянки на плацдарме за р. Волхов близ с. Спасская Полясть. Стоят слева направо: командиры взводов И. Балакирев и В. Руткевич, медик Карасев, пом. командира батальона Стрельников, командир взвода Алексеев, начхим Васильев, интендант Шевалдин; средний ряд: командир взвода В. Круглов, начальник особого отдела Гореленко, комбат Н. Исаев, дивизионный инженер Е. Русанов, начальник штаба П. Пясковский, командир взвода В. Баталов; внизу: командиры рот П. Захаров и Биссоветский.

молодой (лет тридцать), отличался хитростью и ловкостью, умением налаживать гладкие взаимоотношения, как с начальством, так и с подчиненными. Светло-серые глаза его бежали, он постоянно улыбался, выворачивая наружу всегда влажную нижнюю губу. Держался он шеголом, ревниво следил за своей одеждой и особенно за сапогами. Взводные за глаза называли его просто Пашей.

Паша больше всего заинтересовался моим внешним видом и посетовал, что у меня нет личного оружия.

Боевые задания командиры взводов зачастую получали непосредственно от начальника штаба или, как его официально именовали, адъютанта старшего батальона капитана Петра Петровича Пясковского.

Фигурой капитан Пясковский был, что называется, поджарым; даже тощим. Руки тонкие с длинными "пианинными" пальцами. На худощавом лице его выделялся длинный нос. Возрастом он был ровня взводным, то есть где-то 21-22 лет. Нравом был веселый, насмешливый. Любил тонкие анекдоты, каламбуры. Часто разыгрывал подполковника Русанова, зная, что тот был очень брезглив. Когда бывали у нас общеофицерские обеды, Пясковский вдруг начинал притворно возмущаться:

- Что это за макароны? Какие-то глазки, хвостики, прямо черви, да еще свернутые в колечки. А подливка? Ну и мерзость, просто насморкали...

Русанов багровел и не выдерживал:

- Капитан Пясковский, прекратите эту болтовню. Где Вы находитесь?! Что себе позволяете?!

Пясковский делал недоуменные глаза, пожимал плечами. На следующий раз все повторялось.

- Вкусно, очень вкусно, - нарочито громко говорил Пясковский, делая вид, что не замечает Русанова. - Но цвет, что за цвет? Что-то вроде детского поноса...

Пясковский часто болел, но службу нес "справно". Штабной работник он был прирожденный. Бумаг не боялся и легко избавлялся от них. Все успевал, имея лишь одного постоянного помощника - писаря старшину Румянцева.

Пясковский с охотой объяснил мне структуру батальона. По штату военного времени батальон имел 90 человек, в том числе 16 офицеров, к которым относились: командир батальона, заместитель командира, адъютант старший, замполит, парторг, помощник командира батальона, начальник химической службы (начхим), начальник финансовой службы (начфин), медфельдшер, два командира роты и пять командиров взводов.

В батальоне было две роты: трехвзводного и двухвзводного составов. Кроме того, был хозвзвод. Каждая рота имела старшину. В каждом взводе был помощник командира

взвода и 2-3 младших командира на правах командиров от-дасний и несколько бойцов. В целом взвод имел 10-12 человек, из которых на задание ходили 7-9 человек. На задание не ходили по неписанному закону орадинарцы (свя-тые), а также некоторые умельцы, прикрепляемые к хозвзводу, в котором были: сапожник, банщик-прачка, повара, портной, конюхи-ездовые и другие службы.

Основным звеном офицерского состава были командиры взводов, так как подавляющее большинство боевых задач решалось взводом. Были операции, выполняемые ротой и батальоном, были задания, выполняемые отделением, небольшими группами в 2-3 сапера и даже индивидуально отдельными бойцами или младшими командирами, но большинство заданий выполнял взвод.

Взводные были не только главными исполнителями операций батальона среди командного состава, но и застрельщиками всего нового. Ими были найдены новые способы минирования, снятия вражеских заграждений, наведения мелких мостов, беспереправочный промер рек, проводка танков в болотах, применение камнететов, подрыв танков на открытой местности. И конечно же великая заслуга лейтенантов в том, что они держали порядок в своих взводах в любых условиях, были бойцам и командирами и друзьями.

Важную роль командиров взводов хорошо понимали в большинстве своем вышестоящие командиры и обычно заботливо относились к нам. Несмотря на загрузку портного и сапожника, которые выполняли работу не только для нужд батальона, но и для штаба дивизии и нередко для "милых женщин", взводным без промедления были пошиты шинели - каждая из двух коротких английских - и сапоги. Стирка белья, баня - все это делалось иногда даже для одного прибывшего с задания лейтенанта. Взводный мог построить силами своих бойцов отдельную удобную для себя землянку, выбрать себе связного по душе, питаться по желанию вместе с бойцами или отдельно. Были случаи, когда свободному от задания лейтенанту комбат отдавал свой "выезд" - лошадь - для личной поездки. Даже старшины, которые нередко подчеркивали свою независимость от командира взвода, так как непосредственно подчинялись командиру роты, обычно были внимательны к лейтенантам и выполняли их поручения как для обеспечения взвода, так и для нужд самого офицера.

Самыми близкими мне - дорогими товарищами - стали командиры взводов - лейтенанты Владимир Круглов, Иван Балакирев и Василий Баталов.

Главным среди нас - взводных - считался Володя Круглов. Внешне это ничем не проявлялось. Он себя вел

как все, и все к нему относились как и к другим лейтенантам. Но при близком знакомстве появлялось то неуловимое, что выделяло его среди нас. Он был более сдержан, чем остальные, более рассудителен. Нередко удерживал того или иного из нас от излишних выходок. Как-то, когда я нарочито громко произносил тираду о "ваньках-взводных", на которых не обращают внимания, чтобы услышали "отцы-командиры", Володя твердо остановил меня:

- Это уже слишком. Сколько можно...

Внешностью он был ничем не примечательным, выделял его, пожалуй, небольшой аккуратный нос, да еще редкая обаятельная улыбка.

Круглов был единственным награжденным среди нас: он носил медаль "За отвагу", полученную за бои 1942 года.

Иван Балакирев командовал первым взводом - взводом инженерной разведки. Это был особый взвод по сравнению с другими. В нем были собраны молодые ребята, в большинстве своем со средним образованием, уже побывавшие в боях, отличающиеся наблюдательностью и самостоятельностью. Взвод не занимался наравне с другими взводами минным делом, строительством, дорогами и прочими обычными саперными работами. Взвод вел непрерывное скрупулезное изучение немецкой обороны. Затаившись, как снайпер, сапер-разведчик часами наблюдал передний край немецких позиций, наносил на схему огневые точки, окопы, заграждения, артиллерийские и минометные позиции, пулеметные гнезда, канавы, водотоки, подходящие тропки и прочую ситуацию. Запоминал и записывал действия противника: уходы и приходы, усиление движения, изменения в интенсивности огня, работы в полосе обороны, в общем буквально все, что там происходило. Иногда приходилось, наметив место наблюдения, выползая туда ночью, к самому переднему краю, так что ясно были слышны голоса, и почти не шевелясь вести наблюдение весь световой день. Благодаря действиям 1-го взвода в штабе батальона и соответственно в штабе дивизии имелись надежные сведения о состоянии переднего края обороны противника.

Иван Балакирев как нельзя лучше подходил к своей должности. И обликом и нравом был он истинный русский Ваня. Среднего роста, плотный, румянец во всю щеку, чуть вздернутый нос, брови, о которых говорят соболиные, ясные светло-карие веселые глаза. Всегда он был в движении, энергичный, с выразительной речью. Часто кипятился. Но в трудную минуту был находчив, действовал уверенно.

Больше всех прослужил в батальоне Вася Баталов. В саперные войска попал он еще в октябре 1941 года после

трехмесячного обучения в Борисовском военно-инженерном училище, что располагалось тогда в г. Архангельске. В составе фронтового саперного батальона строил мосты и дороги, держал ледовую переправу через Волхов. Весной 1942 года наводил понтонный мост близ деревни Шевелево, по которому выходили остатки 2-й Ударной армии, прорвавшейся из окружения у Мясного Бора. В мае того же года получил Баталов направление в 377-ую СД, где служил недолго командиром саперного взвода 1247-го СП. Недолго, потому что в начале лета подорвался в болоте под Чудово на противопехотной mine. Получил ранение ноги и контузию в голову, которая напомнила о себе сорок лет спустя анкими головными болями, ухудшением зрения. Наверное, сказалось и само "лечение". Из-за полного бездорожья Василия, как не нуждающегося в сложной операции, оставили в санроте полка, даже в медсанбат (в тылу дивизии)

Лейтенант В.А. Баталов
командир взвода
1943 г.

Лейтенант В.Г. Руткевич
командир взвода
1943 г.

не отправили. Тяжело раненных выносили на руках до восьми километров. На такое же расстояние таскали патроны и снаряды от берега Волхова до переднего края. Все лечение в санроте заключалось в лежании на земляных нарах, постланных лапником (хвойными ветками) и накрытых плащпалаткой. Только где-то в августе 1942 года возвратился Василий Баталов с палочкой-костылем из санроты на должность того же командира взвода, но уже в отдельный саперный батальон.

Среди нас - лейтенантов - Вася был самый "основательный": пошире всех в кости, с несколько тяжеловатой нижней челюстью, наиболее спокойный и неизменно в хорошем настроении. Любил он шутки, простые анекдоты, всякие побасенки. Знал множество частушек и присказок, которыми щедро делился с окружающими. Заведет что-нибудь, вроде -

Раскудря-кудря-кудрявый,
А поли ты в пим дырявый...

А то и похлеще выдаст "Вологодские" частушки:

Не хотите ли, ребята,
Песню спеть из матюков...

И выдавал такое, что я и в Одессе не слышал.

Не терпел Василий несправедливости: если был уверен, что прав, то не шумел, но и не уступал, добивался правды, упорно, до конца. В трудную минуту любил он энергично тряхнуть головой и воскликнуть "Прорвемся!".

Познакомился я еще с одним командиром взвода - лейтенантом Алексеевым, тихим, застенчивым, очень похожим на стеснительную девушку. Кто-то даже предлагал раздеть его для проверки.

И лишь понаслышке, а точнее со слов Баталова, я знаю о лейтенанте Болотникове. Он был родом откуда-то из Сибири. Жил очень просто, спал и питался вместе с солдатами. От офицерского круга держался отчужденно.

Своим положением, своей призрачной независимостью взводные иногда бравировали. Модным было выражение:

Дальше фронта не пойдут,
Меньше взвода не дадут,
Носом в землю не воткнут.

В целом офицерская семья батальона была сплоченной. Благоприятному климату в офицерском коллективе способствовала определенная культура саперных команди-

ров, имевших не менее чем среднее образование, а на командных должностях все были со специальным военно-инженерным образованием.

Я охарактеризовал только часть офицеров - тех, с которыми встретился в первое время пребывания в батальоне. Об остальных командирах и бойцах речь будет впереди.

40 НОЧЕЙ В НЕЙТРАКЕ

Апрель 1943 года - это месяц затихья на Волховском фронте.

К.А.Мерецков

В расположении батальона я провел лишь несколько часов и в ночь отправился к своему взводу с тем, чтобы на следующий день приступить к выполнению боевого задания.

На первый взгляд задание выглядело буднично просто и даже смахивало на учебное: уточнение границ минных полей. Нужно было в нейтральной зоне, то есть в полосе "ничейной" земли между нашими и немецкими позициями, установить положение минных заграждений и привязать их к постоянным ориентирам, имеющимся на местности и обозначенным на топографической карте (планшете). Данные по каждому минному полю фиксировались на специальном формуляре, представляющем собой анкету с напечатанными на двух сложенных стандартных листах вопросами. В формуляре описывалось местоположение минного поля, его размеры, тип мин, система их установки, техническое состояние, вид маскировки, наличие проходов и другие сведения, которых я сейчас и не перечислю. В формуляре помещалась также схема привязки минного поля в определенном масштабе и с ориентировкой по отношению сторон света (линии север-юг). Для этого нас даже снабдили цветными карандашами. Формуляр составлялся в двух экземплярах. Для формуляра нужно было еще заготовить выкопировку квадрата из топокарты, который охватывал место работы, с увеличением масштаба и в цветах, что отнимало уйму времени. Кроме привязки приходилось упорядочивать минные поля: переставлять некоторые мины, где это было нужно и возможно, маскировать мины, вести дополнительное минирование.

Задание это было чрезвычайно сложным и столь же опасным. Минные поля как нашими, так и немецкими саперами устанавливались многократно в зависимости от положения переднего края, которое постоянно изменялось в ходе жестоких боев за каждую пядь земли в течение всего

1942 года. Сведений же о расположении мин не только немецких, но и своих мы не имели. Людей, которые устанавливали эти мины, найти было нельзя, да их и не осталось. Формуляры на заграждения, сделанные в боях с переменным успехом, никто не составлял и не мог составить. Порой и никаких минных полей, где мины установлены в каком-то порядке, не было, а были просто разбросанные в спешке группы мин и отдельные мины. Иногда мины обнаруживались в 4-5 метрах от своих окопов. Все это было так далеко от того, чему нас обучали в инженерном училище.

Работы велись, естественно, только ночью, так как днем ничто живое в полосе непосредственного постоянного сражения, где все просматривалось и простреливалось всеми видами оружия, уцелеть не могло.

За достоверность сведений о минных полях командир саперного взвода отвечал не только своим добрым именем, но и головой. К тому же мы были заинтересованы в упорядочении заграждений, так как нам самим приходилось делать проходы в минных полях, закрывать их, устанавливать новые мины и вести прочие операции. С удовлетворением даже, пожалуй, с гордостью отмечу, что случаев недостоверных привязок минных полей в батальоне не было. Иногда приходилось повторно, а то и в третий раз ползать на тот же участок, но задание обязательно выполнялось. Но какой ценой! Каждую ночь кто-то был ранен или убит.

Впрочем, все по порядку.

Связной привел меня к землянке, где помещался взвод, уже в темноте. Я чиркнул спичкой (спички - этот фронтной дефицит - я всегда носил с собой, хотя и не курил) и в ее неверном свете рассмотрел длинные сплошные нары и проход вдоль них. Это и было все жилье солдатское. На нарах крепко спали восемь человек. При моем появлении никто и не шелохнулся. Воздух в землянке был спертым, крепко пахло мужским духом. Кое-кто похрапывал. Я углядел у входа на краю нар небольшое пространство и примостился на нем. Уснуть я не мог. Ружейно-пулеметный огонь сюда не достигал - до переднего края было около 4 км. Но все время то ближе, то дальше рвались снаряды и тяжелые мины. Легкое перекрытие землянки - в один накат - все время вздрагивало, с потолка что-то сыпалось. Бойцы мои (уже мои) спали сном праведников.

Полутру, когда сквозь маленькое мутное оконце в стене, что у прохода, проник слабый свет, первым поднялся помкомвзвода - старший сержант Аверьянов (фамилию помню неточно). Он сразу оценил обстановку и, поздоро-

вавшись, отвел меня в землянку для взводного командира, где находился оставшийся по наследству от прежнего командира связной - сержант Петр Николаевич Разборшиков.

Разборшиков - уже пожилой, без малого годившийся мне в отцы, невысокого роста, кругленький, даже с небольшим брюшком - повинулся, что не узнал вовремя о моем приходе, и принялся за сервировку завтрака. Держался он спокойно, вежливо. Между нами сразу установилось доброе взаимопонимание. Разборшиков был давний член партии, причем активный. Ненавязчиво он постепенно посвящал меня в образ жизни взвода, роты и батальона в целом, чем немало помог мне быстро обжиться в новой среде.

После завтрака я официально принял взвод. Старший сержант построил всех девять человек, и я познакомился с каждым в отдельности. В большинстве это были пожилые люди. Сказывалось упорное стремление кадровиков, комплектовавших войска, направлять в саперные части изрядно потрепанных жизнью людей. Кому-то в штабах представлялось, что саперы - это мирные труженики, спокойно строящие дороги и копающие землю. Конечно, были специальные дорожные, мостовые и строительные части, которые работали в фронтовых тылах. Кстати, они несли тяжелую изнурительную нагрузку и нередко попадали под бомбежку. Но в стрелковых дивизиях и полках нужны были сильные ловкие и сметливые саперы, участвующие в самых ответственных задачах: разведочных операциях, в преодолении и установке заграждений, в проводке пехоты и танков по бездорожью, в переправах через реки и болота, в подрывах вражеских укреплений и, конечно, в тяжелых строительных работах под огнем противника. Приходилось саперам замечать выбитую пехоту. Задач саперных не счесть, они не складывались ни в какие рамки.

Старшее поколение в саперах - это был наш профессиональный бич. Иногда приходилось посылать на задание "леда" со слезами, так как оно явно было ему не по плечу. Но другого не было дано. Жалость была так же опасна, как и насилие. Не только саперы, но и большинство воевавших, делали все свыше своих сил.

Из того первого состава моего взвода я запомнил, кроме Аверьянова и Разборшикова, еще сержанта Гомзикова, ефрейтора Семичева, бойца Потапова. Остальных не называю, так как среди долго служивших во взводе были пришедшие в часть несколько позже, и я их сегодня разделить по срокам службы не могу. Знаю только, что к концу войны из этого первого для меня состава взвода не осталось никого.

Единодушно каждый в отдельности и все вместе бойцы и младшие командиры взвода заявили, что с минным делом

они не знакомы. Если к этому добавить, что и я не знал минных полей в боевой обстановке, то можно понять мое состояние, близкое к отчаянию. Но апеллировать было не к кому.

Я приказал навести во взводе порядок: проверить и вычистить оружие и инструмент, убрать в землянке, укрепить ее, настелить на нары свежей хвои, сделать второй накат, каждому привести себя в "божеский вид".

Сам я занялся тщательным изучением планшета, на котором начштаба нанес положение переднего края, и наметил, где начнем проверку, точнее, поиск минных заграждений. Ситуацию нужно было выучить на память, смотреть на карту в нейтральной зоне будет некогда, а то и невозможно.

После обеда проверили со старшим сержантом выполнение приказа, сделали замечания.

Разборщикову я дал задание собрать все мины (незагражденные), что есть в расположении, сходить в батальон и привезти с помощью старшины еще разных противопехотных и противотанковых мин не менее 30 штук. Аккуратно складировать их в укромном месте.

Под вечер выступили в стрелковый батальон. Направляющим шел Аверьянов. В дороге пришлось перекуривать. Минут через 40 пришли на КП. Я представился комбату и начштаба. Отсюда позвонили в роту, в полосе обороны которой намечалось начало работ.

Саперов разместили в траншее вместе с дежурившими стрелками, а мы с комроты обошли все огневые точки, предупредив везде, что впереди будут работать "кроты", то есть саперы.

Здесь все двигались быстро, пригнувшись. Ложились, когда рядом рвались мины, а то и снаряды. Треск автоматов и пулеметов, свист пуль были столь сильны, что трудно было разговаривать. Обменивались знаками.

Совсем стемнело, и мы с Аверьяновым поползли в нейтралку, взяв с собой двух бойцов, ползших следом. Остальные остались в траншее и должны были напоминать пехоте, чтоб не обстреляла своих.

Двигались мы под пулевым и осколочным ливнем на животе, прикрываясь лишь собственной спиной. Сначала трудно было оторвать голову от земли, но вскоре я приспособился. Дергал Аверьянова за ногу, чтоб он остановился, и, чуть приподняв и повернув голову, ждал, когда немец подвесит "фонарь" - осветительную ракету. В ее мертвенно белом свете осматривал несколько метров. Вот и мины. Обнаружить их оказалось легче, чем думалось. Снег уже растаял, а трава еще не поднялась. Набросанные без приямков и маскировки круглые противотанковые мины

четко были видны. Это были старые мины в картонном корпусе с пластмассовым взрывателем. Они совершенно раскисли и были очень опасны, так как их головная начинка не боится воды и размокнувшая сохраняет свои свойства, а взрыватель с перержавевшей чекой (предохранитель взрывного устройства) мог легко сработать и без танка от легкого нажима. Кое-где виднелись маленькие противопехотные мины ПМД-6 - небольшие деревянные коробочки. Я жестом отправил находившихся сзади бойцов в траншею, а сам начал составлять схему на подготовленном листе, что был у меня в планшетке. Так мы и приспособились. Аверьянов полз между минами и находил границы поля, а я замерял по компасу направление на него и примерно наносил на схему, записывая азимут. К четырем часам утра мы облазили намеченный участок и в конце его попали в небольшую ложбинку, где можно было приподняться и даже сидеть на корточках. Это помогло мне надежно заполнить схему.

- Товарищ лейтенант, товарищ лейтенант, - сдвоенно прошептал Аверьянов. - Вы на mine.

Я глянул под ноги и увидел, что стою обеими ногами по краям противотанковой картонной мины, а между носками сапог торчит не сразу заметная головка взрывателя.

"Как же встать?" - молнией мелькнуло в голове. Я всерьез сидел на корточках. Любой перекося и - прощай молодость! Я резко откинулся на каблуки, которые были на земле, оперся на руки, развел носки и встал во весь рост. Быстро отошел в сторону, и тут же пришлось падать. Минометный огонь накрыл нас. Мы лежали, вжавшись во все силы в дно ложбинки. Вдруг рядом раздался оглушительный все перекрывший взрыв. Рассеялся дым, осела земля, и мы увидели воронку в том месте, где находилась "моя" злополучная мина. Видимо, осколок попал на взрыватель. В дальнейшем я такие случаи взрыва мин от обстрела наблюдал еще несколько раз.

На рассвете взвод возвратился в расположение без потерь. Разборщиков приготовил мне умывание, быстро накрыл в землянке столик, налил в алюминиевую кружку боевые сто граммов, подал горячую овсяную кашу и грубо нарезанные куски черного хлеба.

После завтрака взвод отдыхал, а я кропал формуляр из двух экземплярах. Валил сон, но отчитаться обязан я был сегодня. Спал до обеда три часа. В обед ротный старшина Бельтиков привез мины. Я поделился с ним, что хочу наладить во взводе обучение миному делу. Бельтиков испытующе поглядел на меня и сочувственно сказал:

- Хорошо Вы придумали, товарищ лейтенант, только во взводе у Вас все опытные минеры: Потапова как специалиста-минера прислали нам из фронтового батальона,

Аверьянов и Гомзиков неоднократно делали проходы, и все остальные бойцы тоже "сажали картошку" (картошкой называли мины при телефонном разговоре).

- Спасибо за информацию, товарищ старшина.

Я был потрясен. Ведь они так искренне уверяли, что ничего о минах не знают. Но я промолчал.

С 3 до 5 часов я провел занятие по устройству мин, причем каждый должен был основательно повозиться с миной, чтоб досконально знать ее конструкцию.

Следующая ночь прошла так же, как и предыдущая. Из соседних взводов пришли сообщения о подорвавшихся и раненных под обстрелом. После обеда я вновь провел занятия: сначала я опросил каждого о выученных накануне минах. Все отвечали четко, правильно. Видно, бойцы чувствовали мое настроение, а настроен я был жестко. Если б кто-то заюлил, то я мог бы и сорваться. Затем я разбил взвод на два отделения, во главе которых стали Аверьянов и Гомзиков. Развел отделения на невидимые друг другу участки и приказал поставить мины в указанном порядке, замаскировать их. Через полчаса обменял отделения местами и дал задание разыскать мины и снять их.

Такие занятия я проводил ежедневно несмотря ни на что. И никто теперь не смел сказать, что он не знает мин.

При этом режиме мне доставалось больше всех из-за проклятых формуляров, которые приходилось оформлять и представлять в штаб без задержки. Формуляры мучили нас - взводных - как зубная боль. Самое сложное было найти ориентир. В лесной болотистой местности даже в мирное время найти топографический знак, видимый из нужной точки, было не так просто. Что же теперь? Все было разрушено. Кое-где сохранились пересекающиеся просеки, колодцы, можно было использовать устья ручьев, столбы на Большой московской дороге (у Спасской Полисти). Однажды мне удалось найти репер - землемерный столб.

Меня спасало знание глазомерной съемки, которую я освоил на геологических практиках в институте. Привязывался я к ДЗОТам, резким изгибам траншей, концам проводочных стенок, отдельным характерным пням. Ставил промежуточные временные вехи для передачи привязки с минного поля на выбранный ориентир. Больше всего я применял метод засечек, так что положение поля определялось на схеме без измерений расстояний на местности. Пытаться измерить границы минного поля шагами или трассшнуром было равносильно самоубийству: либо тебя поразит вражеский (а иногда и свой) огонь, либо подорвешься на mine, либо еще хуже - захватит немецкая разведка, а я так и ползал без оружия, правда, в карманах шинели лежали

гранаты. Временные ориентиры я, в свою очередь, привязывал к постоянному топографическому объекту, который находился уже на своей территории. Все построения наносил в карандаше на топопланшет еще здесь, на участке стрелковой роты. Одновременно знакомил с обстановкой в нейтралке командира стрелковой роты. Ко всей премудрости нашего задания взводные доходили своими мозгами. В лучшем случае обменивались опытом при редких встречах. Время от времени нас вызывали в штаб, большей частью по поводу не так составленных формуляров. Здесь я встречался с "друзьями по несчастью" - другими взводными, узнавал горькие новости: еженощно кто-то выбывал из строя. Больше всего было подрывов на плохо заметных замаскированных грязью противопехотных минах, а это означало, что у сапера отрывало ногу или руку.

Были курьезы. Вася Баталов с глубокой досадой рассказал мне, что у него "увели" часы.

- Пошмаешь, карманные золотые часы с двумя крышками. Я их оставил на стене перед глазами, чтобы как проснулся увидеть: сколько еще можно спать (просыпался часто, боялся проспать и опоздать с выходом на задание). Проснулся, глянул, а часы исчезли.

Видимо, и в этих условиях кто-то надеялся уцелеть и взял на память "сувенир".

Теперь я определился в работе. На задание брал всех, а на минное поле выходили четверо: я, Аверьянов и очередные два бойца. Минера Потапова я берег, зная, что у меня впереди самый трудный заболоченный участок.

Прошло десять дней, уже шел апрель. Потерь у меня не было. В батальоне говорили: "Везет новенькому". И все же в каждый выход что-то случалось. Как-то на подходе к передовой я с ходу так резко споткнулся о выпиравший камень, что упал как подрубленный и лишился на мгновение сознания. Подбежали бойцы, но я встал сам.

- Плохая примета, товарищ лейтенант, - сказал кто-то из бойцов.

- К черту, - буркнул я.

В действительности я расстроился до отчаяния. В приметы я верил с детства. Была у меня неродная тетя - мамина подруга. Эта тетя Вера гадала на картах и не без успеха. Была она страшно суеверной. От нее перенял я суеверие и гадание на картах.

Ночь прошла благополучно, и я перестал верить в приметы. Теперь, когда черный кот дорогу перебежит, я внутренне съеживаюсь, но смело иду дальше.

Однажды мы с Аверьяновым остались в нейтралке взводом, заканчивая привязку очередного минного поля, и обнаружили листовки. Рассыпаны они были довольно густо,

а взять их в таком месте охотников не нашлось. Одну я сунул себе в планшетку, и позже мы прочитали ее. Составлена она была умело. В ней говорилось, что немцы воюют не против русского народа, а против коммунистов, угнетающих людей, что Ленин призывал к братанию русских и немецких солдат, и приводилась цитата: "Ясно, что братание есть путь к миру". В конце был призыв к бойцам и командирам переходить на сторону немцев и приписка, что листовка служит пропуском. Листовки были отпечатаны на плотной непромокаемой светло-коричневой бумаге. Ленинскую фразу я нашел уже теперь, когда писал эти воспоминания. Ее выдернули из текста статьи "Значение братания" (Ленин, т. 31, стр. 459, изд. V).

Нужно отдать должное немцам, агитировать они умели. Часто использовали местные данные. Например, через громкоговоритель передали сведения, что командир 3-го батальона такого-то полка капитан Ян-ский трус, на передовой не бывает, а живет со своей любовницей Люськой. Пришлось капитану срочно и сильно "заболеть". Перебежчики выступили на следующий после ухода день и обращались пофамильно к бывшим соратникам.

Очень досаждало мне курение. Только двинемся на задание, сейчас же просьба:

- Товариш лейтенант, разрешите прикурить.

Как быть? Ведь ведешь людей, да еще в отцы тебе годящихся, на возможную смерть или увечье и не дать им прикурить? А с другой стороны, остановки эти расхоложивают, сбивают настроение перед тяжелой боевой операцией. И я принял решение. Я закурил. Теперь все было просто: я кончил курить, всем встать и вперед. Впоследствии я бросил курить без сожаления, без сомнения и без подготовки. Оборвал сразу и навсегда. Есть у меня свой счет к этой отвратительной привычке, в том числе и в военное время. И когда я слышу такой завлекательный задумчивый призывный голос дорогой всем фронтовикам Клавушки Шульженко:

Давай закурим, товарищ, по одной,
Давай закурим, товарищ мой!

меня охватывает грусть, возникают в памяти картины несчастий, вызванных "давай закурим": раненные и убитые товарищи, по огоньку которых ударил немецкий миномет или снайпер; пожары в лесах, блиндажах, домах, машинах, на сеновалах; измученные без курева больше, чем от отсутствия пищи и воды, солдаты; прожженные шинели, вешемшки; сгоревшие письма и документы. А снабжение табаком? Ведь это была проблема: для 5 миллионов воюющих на

всем протяжении в 3000 км от Мурманска до Севастополя нужно было доставить курево да еще сухое. В день полагалось солдату 10 граммов махорки, а офицеру 25 граммов легкого табака. Если взять примерно в среднем по 12 г курева на каждого воюющего, то нужно было доставлять ежедневно 60 тонн этого зелья. Это два танка Т-34. Но танки из фронтового тыла сами могли выйти на позиции, а табак нужно было донести до каждого курящего. Сколько это было заботы, труда, а нередко и жертв.

В первой половине апреля испортилась погода. Небо заволокли сплошные тучи, шел непрерывный мелкий дождь. Земля раскисла. Работа в нейтралке стала невыносимой, непосильной. Людей крутила простуда, душил кашель, у многих появились чирьи. Сократился отдых, так как возвращались насквозь мокрые и в грязи, нужно было чиститься, сушиться, что было очень трудно. Имевшихся двух железных печек для просушки не хватало, а костров разводить было нельзя. Шинели выкручивали вавоем, сушились поочередно. Сапоги распозались, их отправляли в батальон, в замену старшина привозил обычно БУ (бывшие в употреблении), которые нужно было подбирать, подгонять. Занятия сократились до одного часа, да и то проводились в землянке. Некоторое оживление вызывала почта, но письма были редки, а при чтке газет солдаты засыпали. Я устал настолько, что, не дождавшись, пока Разборщиков поставит завтрак, засыпал за столом. Люди стали засыпать на ходу, когда шли на задание. В это время и достался нам для обследования болотистый участок в узкой, 100-150 метров, нейтральной зоне, где нас легко мог обнаружить противник. На этот раз я все надежды возложил на Потапова. Но он вдруг заупрямился.

- Не берите меня сегодня, товарищ лейтенант. У меня плохое предчувствие. Если пойду, то уже не вернусь.

Заменить его мне было нечем, да и считать предчувствие причиной для невыхода на задание я не мог, не имел права. Как же остальные бойцы?

- Вы самый опытный, Потапов. Без Вашего участия и задание может не выполниться, и товарищи Ваши могут пострадать. А Вы не раскисайте, у Вас ведь хорошая выдержка. Все на этом.

Действовали по выработанному плану: обошли точки, уведомили пехоту. В нейтралку пошли вчетвером: впереди Потапов, за ним я и сзади два бойца. Двигались очень осторожно. При свете ракет замирали, но и осматривались. Потапов быстро нашел мины, сделал проход и ограбил его жердями. Особо опасная обстановка обостряла наши чувства, повышала энергию. Мы быстро оконтурили минное поле. Оно оказалось небольшим и простым: мины в ша-

хматном порядке. Несколько раз попадали мы под пулеметный и минометный огонь. Один раз начали стрелять в нашу сторону свои. Пришлось отправить одного бойца, чтоб успокоил пехоту.

Все. Молча, осторожно поползли назад. У прохода встали и быстро пошли к своим окопам, Я шел впритык к Потапову, где-то в метре от него. Казалось, миновало самое страшное. И тут раздался взрыв. В лицо ударила горячий воздух, обсыпало землей. Мы упали.

- Потапов, жив?

- Жив, только ногу повредило, встать не могу.

Видимо, немец засек нас. Рядом стали рваться мины. Я, уже не таясь, крикнул бойцам:

- Вернитесь, заберите Потапова.

Бойцы подхватили раненого под руки, за низ шинели и вынесли из нейтралки. Положили за первым блиндажом. У Потапова была оторвана ступня. Он подорвался в своем же проходе, по которому мы уже прошли дважды. Ногу мы ему сразу перетянули ремнем выше колена, и я бросился в ротную землянку за фельдшером. У ротного было жарко натоплено, он зажег обычную "лампадку". Встал и фельдшер. У него были длинные всклокоченные волосы, бледное с заостренным носиком лицо, испуганные глаза. Одет он был в глухой серый свитер.

- Давай быстрее, - в бешенстве крикнул я ему. - Потапова спасать надо. Слышишь?!

У фельдшера тряслись руки. Когда он начал перевязку, из рук выпал бинт и раскатился по земле. Я был не в себе и стал крыть диким матом. Раненого нельзя было занести в землянку, так узок и крут был вход да еще с поворотом. Вообще нельзя было заносить его в удушливую жаринь этого логова. Ротный "сидел" на телефоне, вызывая из батальона подводу. У фельдшера текли слезы. И вдруг меня осенила догадка: это ведь женщина! Да, это была женщина. Плоскогрудая, в мужских брюках, в солдатских кирзачах. Вид у нее был затравленный. Ротный понял меня и спокойно устало сказал:

- Жена.

Боже мой, какой стыд охватил меня. Какой позор. Я ведь никогда не ругался, тем более так площадно. И вдруг, на тебе, прорвало. Готов был провалиться сквозь землю. Я выскочил наружу. Лицо у меня пылало, уши горели. Присел возле Потапова на какое-то бревнышко. Немец неистовствовал, засыпая минами место, где он нас засек. Туда же длинными очередями непрерывно бил пулемет.

Подводы не было. Потапов стал замерзать. Мы накрыли его двумя шинелями. Наконец я послал одного за другим через полчаса двух бойцов. Бойцы не возвращались.

Подводы не было. Понесли на руках, встретили подводу. В медсанбат его доставили еще живым, но через два дня он умер. Это было одно из самых тяжелых моих переживаний на фронте. Утром за завтраком, который я не мог есть, Разборшиков налил побольше водки (видимо, сэкономил свою) и тихо сказал:

- Седой волос у Вас, товарищ лейтенант.

С той поры я стал быстро седеть. И добрых лет двадцать, а то и побольше остро ощущал я бесперемонную простоту своих знакомых, из которых почти каждый, встречая меня даже после небольшой разлуки, восклицал:

- Как Вы поседел!

Вышло, что предчувствие Потапова сбылось. Очень я боялся за своих бойцов. Как отнесутся они ко всему произошедшему. Удивительное дело. Будто подменили их. Стали очень исполнительными, безотказными. Действовали так умело и смело, что потерь почти не было. Двое раненых от обстрела и только.

Во взвод поступило пополнение. Жизнь на грани смерти продолжалась. Возвращаясь после очередной ночной вылазки, попали мы под артиллерийский налет. Сначала снаряды рвались метрах в двухстах позади нас и почти сразу огонь перенесся вперед. "Вишка", - понял я. Из всех сил крикнул:

- Бегом! Бегом!

Мы бросились стремглав вперед, облираясь на сучьях и кустарниках. Скорее, скорее... Послышался нарастающий вой летящих снарядов, и я скомандаловал:

- Ложись!

Все попадали. Там, где мы только что были, рвались снаряды, фонтаном взлетала земля, все гремело. Осколки свистели над нами.

- Встать, вперед!

И снова бегом. Трижды в это утро нас настигал огненный вихрь, и трижды мы сумели избежать его.

По приходу в расположение я спросил Разборшикова, какое сегодня число.

- 15 апреля, товарищ лейтенант.

Мне захотелось страстно, до боли поговорить с дорогими мне людьми, и я написал письмо далекому другу Нине Карасевой в форме белого стиха. Я привожу это письмо, ничего не изменяя.

"Болотная рапсодия.

(экспромт).

Вспомни февральские вьюги... Снежные вихри кружатся в причудливом вальсе войны, хлопьями белыми кроют траншеи, прячут в сугроб блиндажи. Под темным накатом

при спичечных вспышках товарищ читает письмо. Мокрый с растаявшей надписью, с дальнего юга клочок. Родимые строки, слезами залитые... с дальнего юга письмо. Кончились спички. Треск автоматов, вой завирuhi, пляски метели. Сквозь темень и треск товарища песня чуть слышна порой:

Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Маленький город, разбитый снарядами, взорванный бомбами тонет в весенней грязи. Юная девушка, мне незнакомая, чем-то привлекающая, рядом со мной:

- Зачем ты в шинели, серой и гадкой, зачем ты военный как все?

Мгновенье смущен был я странным вопросом, но радиорупор запел за стеной:

Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Пришла твоя весточка в кочки болотные - свежий и странный аккорд в канонаде боев. Я вспомнил Москву, свой подаренный белый цветок... леса Подмосковья, крымские ночи, закаты над Ялтой, шум моря в Одессе, песнь ветра в Иркутске, читинскую зиму, сады над Днепром. Но вечер приходит, я грусть прогоняю - сейчас ухожу на задание в шорох ночной:

Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Может быть, еще раз я вымою на рассвете сапоги в ручейке и не дождавшись солнечного света забудусь крепким сном. Может быть... Все может быть в эту безлунную мрачно дождливую и своенравную, нашу саперную ночь. Но как бы там ни было, вспомни и спой:

Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Не сердись, друг, может, завтра придет к тебе письмо с приключениями и шутками. Ведь это все тот же Вовчик, хотя и седоват, но смешной и глупый".

Запомнился мне еще один эпизод, произошедший в конце апреля. В это время главным исполнителем заданий во взводе стал сержант Гомзиков. Длинный, худощавый, он, возможно, в нынешнее время стал бы баскетболистом. Действовал он в нейтралке уверенно и все более самостоятельно. Гомзиков приспособился просматривать заграждения немцев, и я его данные наносил на схему, как дополнительные и, конечно, очень важные сведения.

В очередной раз он возвратился из нейтралки позже всех и, улыбаясь, подарил мне пистолет.

- Подарок Вам, товарищ лейтенант!

Пистолет был совершенно новый с рубчатой рукояткой, с белым кружочком, на котором была выгиснена монограмма. В магазине был один патрон калибра 7.65. Четко выделялась марка "Маузер Верке". Это была "сюрприз" - минимизированный предмет, рассчитанный на неосмотрительность сапера. Но Гомзиков не клюнул на эту приманку, а умело обезвредил оружие. Когда мы на обратном пути проходили КП стрелкового батальона, я зашел к комбату в надежде разжиться трофейными патронами для полученного пистолета.

- Есть, есть, - заулыбался комбат. - Я про твой трофей уже знаю. Ты его отдай мне. У тебя ведь все равно отберут.

И откуда он узнал, чертяка?

- Нет уж. Никому не отдам.

- Смотри, - сказал комбат, - а патроны я тебе дам.

В расположении взвода меня встретил свой комбат - майор Исаев. Ответив на приветствие, он хмуро произнес:

- Давай трофейный пистолет.

- Не дам, товарищ майор. У Вас есть оружие, а я на задание хожу с гранатами.

Майор усмехнулся.

- Не нужен мне твой трофей. Комдив - генерал требует.

Тут я молча отдал пистолет и патроны.

В полночь на 30-е апреля задание завершилось. Приехал старшина и передал приказ вывести взвод в расположение батальона. Бойцы заторопились, но я остановил их.

- Вычистить оружие, шанцевый инструмент, собрать имущество и сложить по указанию помкомвзвода. Побриться, подшить подворотнички, почистить обмундирование и сапоги. На все-провсе даю один час.

До батальона всего-то было где-то 2-3 км, но возвращались как в родной дом. Всех ждала баня, чистое белье, убранные землянки, усиленная еда. Царило предпраздничное настроение.

Я подумал, что командиру дивизии - генерал-майору Николаю Прокопьевичу Ковальчуку - уже доложили о выполнении саперами задания и представил себе, как дивизионный инженер Русанов, комбат Исаев и начштаба Пясковский развернули карты, на которых по всей 25-километровой полосе обороны дивизии было нанесено расположение минных полей.

ВЕСЕННИЙ МЕСЯЦ МАЙ

Письма твои получая,
Слышу я голос живой...
Я. Галицкий и М. Максимов
"Синий платочек"

Первомайское утро выдалось светлым, солнечным. Такая погода не часто баловала нас в здешних местах. Видимо, многим "волховчанам" запомнился этот приветливый день и еще несколько таких дней в мае. Военный корреспондент Т. П. Анарейкович, находившийся в то время на плацдарме у Спасской Полисти, вспоминает в своей книге "Сражались на Волхове" (Лениздат, 1986):

"Шел май 1943 года. Ярко светило солнце..."

Мы трое: Баталов, Круглов и я жили вместе в рубленом домике. Спали крепко, но поднялись рано. Мылись, обливая друг друга ледяной водой, так, что от спин наших шел пар. Быстро навели "шик, блеск и красоту". Баталов и Круглов побежали к взводам, а я задержался. Как будто ожидая этого момента, зашел комроты Захаров. Он был подозрительно ласков, уважительно поручался со мной.

- Зачем тебе, Руткевич, наган? Возьми вот мой.

И он протянул мне начищенный до блеска, отливающий серебром револьвер. Я обалдело смотрел на него, ничего не понимая. Мы все знали, что наган Захарова был неисправен - заедал спуск.

- Не хочешь? Зря. Подумай сам: как это командир взвода будет с новым оружием, а я, командир роты, с этим старым. И портупей тебе ни к чему.

- В чем дело, товарищ капитан? - не выдержал я.

- Не кипятись, не кипятись, Руткевич. На вот, бери, черт с тобой.

И он откуда-то из-за спины достал новый вороненый наган, кобуру и скрипящий ремень с портупеей.

- Что это? - Я боялся взять это богатство.

- Не знаешь? Командир дивизии генерал-майор Ковальчук приказал вручить это оружие тому лейтенанту, который принес трофейный немецкий пистолет с миного поля. Понял?! Может, все-таки обменяемся!

- Ну уж, дудки. Генеральский подарок не отдам. Это ведь награда.

Наган только поступил с завода, на нем была выбита дата изготовления: 1943 г. Было он грубой обдирки без шлифовки, но это было настоящее оружие. Так я стал героем дня, но сюрпризы на этом не кончились.

В 12 часов офицеры собрались на праздничный обед.

Во главе стола сидел комбат. Обстановка была торжественная. Еще не произнесли тост, как, постучавшись, вошел боец с почтовой сумкой и начал выкликать:

- Руткевичу...

Я был удивлен и обрадован, но еще:

- Руткевичу, Руткевичу, Руткевичу...

Одно за другим почтальон вручил мне 22 письма! И больше никому, ничего. Эффект был неопиcуемый. Расспросы. Удивление. Смех. Комбат хмурился. Сорвалось задушевное им торжественное начало. Наконец я понял, что произошло. В конце марта, в самую тяжелую неделю работы на минных полях, я написал под настроение письмо в Москву, в радиокомитет. Очевидно, адрес мой объявили по радио и вот результат. Так я вторично стал героем первомайского дня. Письма я раздал всем желающим, даже не вскрывая их. Себе оставил несколько писем из Москвы. С этого дня письма шли мне "косяками": каждый день до 20-ти посланий. 4-го мая я писал Нине Карасевой, что получил 62 письма. За неделю собралось 120 писем. Приходили они по областям: сначала из Московской, Ярославской, затем из Горьковской, Молотовской (Пермской), со всех уральских, из Средней Азии.

21-го я писал Нине, что "на переправе мне передали целую пачку писем... с разных концов России: из Астрахани, из Гусь-Хрустального, из Москвы".

Я снабдил свой батальон письмами досыта. Ко мне было настоящее паломничество за письмами из всей дивизии. Впоследствии меня нередко благодарили за состоявшееся удачное знакомство.

Все без исключения письма были от девушек, женщин. В большинстве из них были общие фразы: "Слушали Ваш призыв к работникам тыла", "Слушали Ваше обращение к девушкам тыла", "Слушали Ваше обращение к девушкам СССР", "Восхищаемся Вашими подвигами" и еще такое, о чем я не только не писал, но и не думал. Ставшая моей постоянной корреспонденткой москвичка Галя Соловьева писала, что по радио просто объявили мой адрес в перечне других. Галя и ее подруга - восьмиклассницы - давно собирались написать на фронт, но не решались. Наконец они загадали: чей первый адрес объявят, по нему напишет Галя, а по второму адресу - ее подруга. Первым адресом была моя.

В действительности я писал в радиокомитет в надежде, что отзовутся родные, близкие, знакомые. Письмо было горячим - крик души. Помню, что заканчивалось оно примерно так: кто бы Вы не были - пожилой корреспондент или девушка, но Вы находитесь в Москве, с которой много связано в моей жизни, так что мы с Вами земляки. Прошу

ответить мне.

Письмо нашло отклик. Письмо попало к пожилой сотруднице, которая отдала его своей дочери - студентке 4-го курса педагогического института. С дочерью-студенткой у нас завязалась переписка, но когда я послал ей стихотворение "Девушкам тыла", то ответ был очень холодным, что ее это касается лишь как одной из девушек тыла, но стихи не для нее. Переписка вскоре зачихала. Стихотворение это у меня назревало давно, и оно не было адресовано никому лично, даже подспудно. Грубо говоря, это была дурь по молодости. Получилось вычурно с замком на "красивость". Но оно оказалось одним из тех, которые запоминаются:

Помню я взор зачарованный,
Ленту в тяжелой косе,
Слов ее шепот взволнованный
Там на Можайском шоссе.

Свет с абажурной истомою,
Томик Альфреда Мюссе.
Комнату так мне знакомую
Там на Можайском шоссе.

Такое идущее платье
Из складчатой ткани плиссе
И рвущие сердце объятья
Там на Можайском шоссе.

Девушки, девушки тыла,
Конечно, красивые все,
Но самая милая Мила
Там на Можайском шоссе.

Все "переписчики" и я в том числе запрашивали у своих адресаток фотокарточки и получали, конечно, только очень красивые. У меня накопилась целая пачка фото-красавиц, которую я щедро раздавал.

Из всех адресаток удержалась до конца войны только Галя Соловьева. Она поверяла мне свои школьные дела в восьмом, девятом, десятом классах. И засыпала меня вопросами. Иногда совсем наивными: куда лучше пойти учиться по окончании десятилетки: в геологоразведочный или кинематографический. В августе 1945-го я приехал в Москву и зашел к Гале с приветом "от фронтового друга Володи Руткевича". Жила она на Новокузнецкой совсем близко от станции метро. Застал я ее одну, у стола, загруженного книгами: Галя готовилась к поступлению в Московский геологоразведочный институт. Когда я уходил, Галя, прощаясь на лестнице, тихо сказала:

- Я узнала Вас, Володя...

По возвращении в институт в 1946 году я застал ее уже второкурсницей гидрогеологического факультета. Трудно сказать, чем бы кончилось наше знакомство, даже, скорее, дружба. Но мама - Галина мама - объяснила мне (конечно, в тайне от дочери, взяв с меня слово о молчании), что я не тот жених, который нужен Гале.

Майские письма были непростым событием в нашей фронтовой жизни. Некоторым определили судьбу.

В ночь на второе мая мы ушли на задание. Дивизия получила приказ на строительство двух промежуточных оборонительных рубежей по берегам р. Волхов. Нам - дивизионным саперам - было приказано продолжить работы по укреплению своего переднего края и изучить вражескую оборону. Вновь мы вернулись на минные поля. Но мы теперь усиливали уже зафиксированные поля и ставили новые. Казалось, что все та же прежняя работа. Но мы теперь были другими. Я писал Нине: "То, что было раньше очень тяжелым - стало обыденным и ежедневным".

Нейтралка больше не подавляла нас. Мы проводили сплошное минирование, оставляя лишь временные проходы для разведки. Кроме мин мы ставили фугасы, так называемые ФОГи (фугасно-осколочные гранаты).

Подполковник Русанов, наиболее чутко, внимательно относившийся к взводным, любивший бывать в нашем кругу, говорил не то в шутку, не то всерьез:

- Вы думаете, зачем ведется сплошное минирование? Против немцев? Это тоже нужно. Но главное против перебежчиков.

Тут следовали рассказы о разных случаях. В 1943 году были еще и перебежчики, и дезертиры.

Занятия свои я охарактеризовал в очередном письме Нине Карасевой следующим образом: "...ставлю капканы непрошенным гостям под их же ружейно-пулеметный аккомпанемент. Живу среди пыльных болот, не менее 12 часов в сутки принимаю ванны - если не полностью, то до колен; наслаждаюсь музыкой артауделей; питаюсь тем, что пошлет бог, то есть старшина. Полезных ископаемых не нахожу, но каждый метр земли здесь покрыт густо металлом: латуновою пулью, алюминием и никелем снарядов, чугуном гранат. Целые роши деревьев выбиты и лишь торчат пеньки... Олессит, завязнувший в болотах, - вот игра прихотливой судьбы!"

На соседнем участке под Спасской Полистью минировали взводы лейтенантов Баталова и Болотникова. Они ставили 3-килограммовые заряды-сюрпризы в проволочные ограждения в 200 метрах друг от друга, в том месте, где проходит Большая московская дорога. Участок этой дороги от Спасской Полисти до переправы через Волхов

был закрыт маскировочными щитами, которые перемежались как зубчатое сцепление: щит поперек дороги больше ее половины, следующий поставлен так же, но с другой стороны, и так далее. И по высоте щиты перекрывали друг друга так, что по дороге можно было пройти незамеченным противником.

Напряжение было чудовищное. Всех охватывала тяжелая усталость. Постоянно хотелось спать. Не выдержал испытания взводный Болотников. Баталов вспоминает, что услышал сильный взрыв в полосе, где минировал взвод Болотникова. "Взрыв был весьма звонким, - пишет Баталов, - Болотников, видимо, заснул, потом пополз в другую сторону, наткнулся на проволоку... Взрывом оторвало у него голову, остался только подбородок".

Моему взводу достался участок, где линия переднего края немцев огибала болото, образуя полукольцо, в котором - в этом полукольце, прямо в болоте пришлось нам работать пять ночей. Нередко мы слышали то слева, то справа от себя, как переговариваются немцы.

На этом задании "наелись" мы грязи по уши. Холодная липучая, она набивалась в рукава и расползалась по телу вплоть до того, что вылезала через воротник. Проникала грязь и в сапоги, но неглубоко, так как сапоги были надеты туго. Дело в том, что мы намазывали на голень вторые портянки - это был солдатский способ просушки портянок, которые и служили пробкой, не пропускающей грязь.

Я упорно проводил ежедневные занятия, причем начал с разбора прошлого задания. Иногда мы приносили снятые ночью немецкие мины и изучали их. На минирование теперь выходили всем составом: двое, выбрав позицию у края намеченного участка, вели наблюдение за противником, двое ставили мины и маскировали их, двое были подносчиками мин. Старший сержант Аверьянов руководил работой на минном поле, сержант Гомзиков обеспечивал подачу мин, я привязывал минное поле, составлял схему. Солдаты подали мне мысль, что мины нужно устанавливать не в знакомом противнику шахматном порядке, а так, чтоб он не мог разгадать систему расположения мин.

Настроение у солдат было бодрое, появился смех, анекдоты, интерес к газетам. Обо всем расспрашивали. Один все добивался, чтоб я успокоил его насчет жены, как там на Урале она живет. Как ни тяжелы и трудны были майские задания, но той неуверенности, того полного обессиливания, что мы испытали в апреле, не было. Мы стали взрослыми на войне. И так уже повелось, что кто прослужил примерно три-четыре месяца, тот уже держался долго, становился старожилом.

Не менее, чем при минировании, а в физическом отношении значительно тяжелее, доставалось саперам при постройке огневых точек. Часто взводу, состоящему из 10-12 человек, приказывали поставить на переднем крае на короткую летнюю ночь незаметно для противника ДЗОТ (дерево-земляную огневую точку). Что это значило? В 2-3 километрах от переднего края нужно было заготовить сруб, три наката (три ряда бревен для перекрытия, предохраняющего от ружейно-пулеметного огня, осколков и малых мин), в сумерках все заготовки поднести на плечах к месту постройки, выкопать котлован, поставить сруб и перекрыть его накатами, засыпать землей, убрать остатки земли, щепки, все, что могло указать противнику на новую огневую точку. К четырем часам утра до рассвета ДЗОТ должен быть готовым. Работа велась под непрерывным обстрелом, а то еще и под дождем, и выматывала людей дотла.

Во второй половине мая обстановка осложнилась. По всему фронту усилились разведки, артиллерийские атаки - шло перемалывание врага огнем. Началась операция, которую маршал К.А.Мерецков - бывший командующий Волховским фронтом - в своих мемуарах вспоминает под названием "Мальница".

Несколько раз поутру, когда мы уходили с передовой, я встречал двух неразлучных друзей - двух младших лейтенантов, так схожих меж собой, что я называл их "близнецами". Мы познакомились. По возрасту они были нашего потока - лет двадцати - двадцати двух. Одеты во все новенькое со скрипом, они несколько кичились своим внешним видом, своей подтянутостью. "Близнецы" мне рассказали, что недавно прибыли из училища, что их прикомандировали к разведроте и они изучают местность, знакомятся с обстановкой.

Где-то недели две я с ними не встречался. Мы несколько ночей минировали на участке узкой нейтральной полосы. Непосредственная близость противника, более плотный, чем в других местах, огонь действовали на нашу пехоту угнетающе. Бойцы здесь были какие-то хмурые и непонятливые. Как мы ни предупреждали, они время от времени обстреливали нас, когда мы выходили в нейтралку. Не мог я добиться толку и от взводных и ротных командиров. Подойдя в очередной раз к этому участку, я не узнал его и подумал, что мы не туда вышли. У блиндажей было чисто, все вокруг посыпано песочком. К входам вели проволочные заборчики-лабиринты с навешенными на них жестянками: чужой не пройдет - сразу все загремит, засигналист. Что-то прибывавший у входа боец резко выпрямился и по-уставному приветствовал меня. Он был опря-

тен, чисто выбрит, приятно виднелся свежий подшитый поворотничек. Он вызвал командира взвода. Из блиндажа выскочил один из "близнецов" и радостно пожал мне руку.

- Что здесь происходит? Почему ты здесь? Где Петя (второй "близнец")?

- Петро в соседнем взводе. Вызвал нас комполка и объяснил, что нужно поднять пехоту, вдохнуть жизнь в бойцов, а то они совсем завяли, а тут еще случаи ухода к немцам были. Вот мы и наводим порядок. Сейчас концерт будем слушать. Заходи.

Что за концерт, подумал я. Через несколько минут немецкая оборона притихла и с ее стороны донеслась усиленная установкой музыка: бравурные марши, вальсы... И так минут пятнадцать. Затем раздалось:

- Внимание! Внимание!

Тут наш комвзвода выскочил из блиндажа, мы за ним.

- Давай! - гаркнул младший лейтенант.

Наша пехота открыла ураганный огонь по немцу, к пулеметам, винтовкам и автоматам присоединились минометы, и даже несколько раз ударила артбатарея. Бешеный этот обстрел длился, пока не замолчала немецкая перадача. С той поры немецкая агитация не имела успеха. Просто и здорово было сделано. И мои саперы почувствовали себя в таких условиях уверенней.

В мае выпадали дни, когда в расположении саперного батальона взводные собирались вместе. Главным связующим звеном у нас были песни. С моей легкой руки на мотив "Синего платочка" распевали:

В роте мне весело стало
Средь взводных хороших дружков:
Балакирев Ваня, Вася Баталов,
С ними Володя Круглов.

Это и было у нас, выражаясь нынешним языком, неформальное объединение. Выяснилось, что мы все по тем или иным причинам побывали в Малой Вишере. Вася Баталов и Виктор Титов были там летом 1942-го года, как откомандированные туда из 34-го понтонно-мостового батальона. Под Малой Вишерой стоял одно время штаб фронта, так что все направлявшиеся в части побывали в городе. Вот мы и распевали на мотив модной тогда, казалось нам народной, песни "Ростов-город, Ростов-Дон" (в действительности это песня А. Софронова и С. Каца):

Мы жили в Малой Вишере,
Любили в Малой Вишере,
Ходили в Малой Вишере в кино.
И помним на плацдарме мы,
Как с девушкой встречались мы,
Сигналили в заветное окно.

Работать на переднем крае у нас называлось "трясти костями по нейтралке". Когда расходились на задания, Наси Баталов возвещал:

- Прогремим костями по нейтралке!

Откуда взялось это присловье, неизвестно, но пришло оно прочно.

В память о тяжелых апрельских ночах написал я песенку под "Синий платочек":

Однажды апрельскою ночью
Я минное поле искал
И под обстрелом
(уже светлело)

Синий платок потерял.

Сердце тоской изнывало,
Товарищ меня утешал...
И вдруг, мне поверьте,
Прибыл конвертик -
Синий платок в нем лежал.

Под штампом "Просмотрен цензурой"
Почерк ее дорогой,
Синий платочек,
Несколько строчек:
"Милый, желанный, родной".

Решили мы наше свободолюбивое общество как-то назвать. Главное, чтоб непонятнее было. Вначале обсуждались варианты популярного тогда слова "Сабантуй". Но решили, что это слишком общеизвестно. После множества предложений родилось необъяснимое название "Кильдьм".

"Кильдьм" представлял собой совершенно свободное открытое для всех общество, в котором, однако, выделялись постоянные или действительные члены и временные или пригласившие к нему. В начальном составе "Кильдьма" постоянными были взводные командиры саперного батальона, а также полковой инженер Салун и хирург Галеркин.

При приеме в "Кильдьм" каждый вступающий должен был выдержать экзамен. Экзаменационные задания всегда были новыми, индивидуальными. Например, лейтенанту Виктору Титову было назначено взять коробок спичек и на каждую спичку наматывать волосок из грешного места и

вырывать его. Под гомерический хохот присутствующих "абитуриент" выдернул несколько волосков, после чего был признан достойным стать действительным членом "Кильдыма".

Редкие сборы "Кильдыма" начинались традиционной сценкой "Утро в деревне", в которой каждый был обязан изображать какую-нибудь живность: петуха, корову, свинью и т.п. Несколько минут звучала такая какофония, которую не всякий мог выдержать.

"Кильдымные" встречи играли большую роль в нашей фронтовой жизни: они снимали напряжение, помогали отойти от нервных перегрузок, которые так часто возникали у нас на переднем крае и в нейтралке. Баталов не без основания считает, что "Кильдым" помог нам выжить во время войны и кое-чего добиться после войны. У "кильдымников" выработывался определенный скептицизм, даже презрение к трудностям и к самой смерти по формуле:

"...А козь придется в землю лечь,
Так это только раз!"

Естественно, что состав общества изменялся, но "Кильдым" функционировал до последних дней войны, точнее до расформирования дивизии.

ПОЛКОВЫЕ ИНЖЕНЕРЫ

При выходе на задание в полосу обороны полка командир взвода или роты саперного батальона обязательно представлялся командиру или начальнику штаба полка. Но главная увязка в проведении задания была с полковым инженером. По первому впечатлению должность полкового инженера могла показаться заманчивой. Формально он подчинялся лишь командиру полка, а в подчинении имел саперный взвод, непосредственную ответственность за который нес командир этого взвода.

Таким образом, полковой инженер был достаточно самостоятельным и необремененным никакими прямыми командирскими обязанностями. В действительности судьба полкового инженера была что называется собачья. Согласовывать свои действия ему приходилось не столько с командиром полка, сколько с начальником штаба, а то и с кем-то из ПНШ (помощники начальника штаба). Ему еще приходилось молиться на дивизионного инженера, который также давал свои указания.

На саперный взвод могли наложить руку и командир полка, и начштаба. Но главное, что одного взвода для инженерного обеспечения полка явно не хватало. И чтоб

использовать взвод как боевую единицу для выполнения задач полка, приходилось постоянно прибегать к помощи дивизионных саперов, что было непросто. Приходивший из саперного батальона взвод выполнял только ту задачу, что ему поставило свое начальство. И заставить кого-либо из нас - командиров взводов отдельного саперного батальона - что-то сделать, кроме заданного, было трудно. Вот и вертелся инженер полка, как белка в колесе, и, как правило, был всегда в чем-то виноват. Место полкового инженера не привлекало не только командиров рот нашего батальона, но даже командиров взводов, которых иногда приглашали на повышение в полк. А вот перевод командира взвода из полка в командиры взвода нашего батальона считался удачей. В таких условиях не всем полковым инженерам удавалось сохранять свою независимость и задерживаться на этом посту.

Самым устойчивым оказался инженер 1249-го СП капитан Савелий Абрамович Салуна, который прослужил в этой должности с весны 1942 года до конца войны. За две недели до начала войны он защитил диплом горного инженера-геолога в Московском геологоразведочном институте им. Оражоникидзе. Вместо Дальнего Востока, куда он должен был направиться по распределению, Салуна пошел в войскомат.

В институте мы не были знакомы, но общих знакомых вспомнили сразу, как только узнали друг друга. Возрастная разница между нами была всего два года, но я безропотно воспринял Салуна как старшего во всех отношениях, во многом его слушался и многому от него научился. Ближе сошлись с ним и другие взводные, и вскоре Салуна был принят в "Кильдым", как его постоянный и обязательный член. Салуна отличала исключительная выдержка в самых труднейших ситуациях. Мне приходилось неоднократно бывать с ним на переднем крае, как в обороне, так и в наступлении. Никакие обстрелы, артылеты не могли заставить его даже пригнуться. Не бежал он, когда вдруг отступала пехота. Никогда не кричал на подчиненных. В саперном взводе полка его почитали как бога. Если в штабе ему давали нелегкие или не относящиеся к его обязанностям задания, то он спокойно заявлял, что только по письменному приказу командира полка. И от него отступались. Но главная сила Салуна заключалась в том, что он досконально знал инженерное обеспечение полка и был готов к любым боевым операциям, которые требовали участия полкового инженера.

Неоднократно, закончив задание под утро, я оставлял свой взвод отдыхать до рассвета в расположении саперного взвода полка, а сам забирался в землянку к Са-

луну, где мы с ним вели беседы. Салун не выговаривал букву "л", и я часто поддразнивал его:

- Сава Савун сказав свое слово.

На что Салун лишь улыбался. Среди наших разговоров касались мы национального вопроса. Сава был из интеллигентной еврейской семьи, отец его был профессор Тимирязевской Академии в Москве (после войны я познакомился с ним), мать также была связана с наукой. В семье не признавали деления по национальному признаку. Саву глубоко обижало, когда говорили, что евреи плохие воины.

- А Доватор? А Драгунский? - спрашивал Сава.

Истины ради замечу, что в наш батальон попал однажды молодой боец-еврей. Вот он как раз принадлежал к тому типу людей, которые не любили воевать и которых можно было встретить и среди других национальностей. Комбат Исаев рассказывал, что этот боец предлагал ему

Капитан С.А. Салун
полковой инженер 1249 СП
1945 г.

А.И. Федорова (Ефимова)
снайпер
50-е годы

свои сбережения на книжке - 5000 рублей (по дореформенному курсу, то есть 500 руб.) - как помощь в домашних делах (комбат женился), намекал, что может быть хорошим ординарцем. Денег, конечно, комбат не взял и ординарца не сменил. Но боец сумел из батальона отправить.

В небольшом коллективе саперного батальона, где преобладали уральцы и сибиряки, вопрос о национальности не возникал. В дивизии было немало татар, башкир, казахов, узбеков. Некоторые из них не владели русским языком, и с ними проводили занятия. Главными учителями были политработники. Проявлений национальной розни и в помине не было... "Безнадежно глупыми были их (гитлеровских политиков) расчеты на раскол и сталкивания между народами Советского Союза. Дружба народов нашей страны выдержала все трудности и испытания войны" (И. Сталин). Конечно, в гитлеровской армии были формирования из перебежчиков и предателей разных национальностей. Некоторые из них в национальных костюмах видел я при капитуляции курляндской группировки немцев в мае 1945 года. В издававшемся при немцах журнале видел я снимок сотни донских казаков с пиками - явная показуха. Ни власовская РОА, ни украинские националисты, ни прибалтийские эсэсовцы ничего, кроме презрения, у нас не вызывали.

Не миновали нас при наших встречах и простые житейские происшествия. Однажды мы уединились с Салуном в его землянке. Сидели молча, каждый со своими мыслями. Рассвет только наступал: тонкая синева проявилась в маленьком окошечке. Вдруг послышался топот бегущего человека, именно влетел, старшина. Старшина саперного взвода был не из тех, кто мог так нервно заскочить в землянку по пустяку. Он был пожилой, степенный, угрюмый и молчаливый. Сейчас он тяжело дышал, как запаленная лошадь, раскрывал и закрывал рот, стараясь унять волнение.

- Товарищ капитан! - сдерживая голос, выкрикнул старшина. Он запнулся, взглянув на меня, но вновь обратился к своему капитану и ликующе закончил: - Стоит!

Ничего не понимая, я взглянул на невозмутимо сидевшего Салуна. Тот еще мгновение был спокоен, но вдруг засмеялся, нет, он захохотал, негромко, но так откровенно, так естественно, так безудержно, что я был поражен. Никогда ни до, ни после этого случая я не видел, чтоб Салун радовался так открыто от всей души. Наконец, дошло и до меня, и я, хотя не так бурно, но с удовольствием разделал веселье моих собеседников. Старшина успокоился и устало присел на корточки. Он улыбался, глядя на нас, и никак не мог принять свой обычный суровый вид. Я вспомнил рассказ Салуна о том, как старшина был

ранен в пах. В госпитале он был несколько месяцев, все зажило, но мужская способность не восстанавливалась. Врач успокаивал его, что все еще будет. А пока что его разыскала и приехала в госпиталь к нему раненному жена, да еще добилась для него отпуска на несколько дней, чтоб дома побыл. Старшина не решился признаться ей в своей беде, а она поняла, что где-то на фронте или в госпитале у него есть зазноба. Так и расстались они настороженно, недоверчиво. И вот старшина почувствовал в себе исцеление. Этому событию мы порадовались от души и даже отметили его несколькими глотками водки из традиционной алюминиевой кружки.

Салун неоднократно предостерегал меня от излишней откровенности и прямоты в разговоре с окружающими. Когда я рассказал ему о своем происшествии в "Точке смерти", то есть о выходе на немецкую проволоку, он живо спросил:

- Ты об этом кому-нибудь рассказывал? Если б узнал какой-нибудь расторопный политработник, могли бы затаскать тебя по допросам, а то и уехали бы в штрафбат.

Дружили мы с Савой Салуном еще долго после войны. Но жизнь нас разделила, и я узнал о его смерти в 1980 году лишь спустя пять лет.

В соседнем слева 1247-ом СП полковым инженером был капитан Комаров. Его хорошо знал лейтенант Баталов, который служил до ранения в 1942 году командиром саперного взвода полка в прямом подчинении Комарову. В то время после изматывающих боев на плацдарме в полку осталось пять саперов, включая Комарова. Все пять ходили на минирование: впереди полковой инженер - капитан Комаров, затем три сапера, и замыкал группу командир взвода лейтенант Баталов. Так они и воевали: малым числом да умением.

Одним из мест деятельности полковых саперов был бугор, на котором ранее располагалась деревня Дымно (на левом берегу Волхова выше по течению от высоты Званка, отделенная от последней сухим логом). От деревни ничего не осталось, кроме полчища крыс, которые явились настоящим бедствием для наших солдат: они прогрызали вещмешки и уничтожали скудный хлебный паек, портили все, что подавалось крысиным зубам. Боролись с крысами так: в землянках печки топили толстыми шашками, дающими черную густую копоть, расплывавшуюся по полу. От этого ядовитого дыма крысы выбегали наружу, и их расстреливали из карабинов. Второй живучей бедой были вши: они размножались так обильно, что от них белье очистить было невозможно, и его при смене просто сжигали.

Приходилось неоднократно встречаться с Комаровым и

мне. Помню я, что был он лет сорока, небольшого роста, чернявый, верткий, темпераментный. Страшно любил рассказывать, и это у него получалось. Рассказывая о женщинах, а это был "коронный номер", весь загорался:

- Такая она страстная, что лежать не может, стоит лугой на плечах и на носках, как струна натянутая.

Баталова он приобщил к потреблению "жми-дави", от чего тот сначала долго плевался, отказывался пить, и над ним посмеивались и солдаты, и Комаров.

Работать с Комаровым было легко, но всегда надо было быть начеку: старался он добавить что-то от себя, да так по-дружески, что не сразу поймешь, куда он клопнит.

Полкового инженера третьего в дивизии 1251-го СП я не помню по фамилии - был он недолго - но помню, что был он деловит и трудолюбив, как муравей. В небольшом домике, где он только ночевал, да и то далеко не всегда, было уютно, спокойно. При одной из встреч я посвятил ему экспромпт:

Избушка там на курьих ножках,
В ней инженер полка живет.
Там на полу сороконожка,
На потолке сверчок поет.

Нигде больше в войну не слышал я мирного звучания сверчка. Не держались в 1251-ом СП полковые инженеры. Появился там капитан из летного состава. Попал он в полк, в саперы, из-за какой-то провинности, о чем рассказывать не хотел. Сильно тосковал по небу, часто мотая головой с надрывом говорил:

- Лучше б я в какую-нибудь фашистскую колонну врезался своей машиной, чем гнить в этом болоте. - Строил несбыточные планы: - Ты еще молодой, незаскорузлый, говори он мне. - Ты рассчитай заряд - вес, а я выберу подходящее дерево, чтоб его согнуть можно было. Согнем, прижмем - натянем канатом, а к верхушке заряд пристроим. Потом, раз! Перережем канат, березка распрямится и бросит заряд прямо на Званку. Там, как ахнет! И не будет у немцев этой занудной точки.

Летчика сменил чрезвычайно хлопотливый вечно в бегах капитан-сапер. Он весь был поглощен только своей службой, и ничто его более не интересовало. Заботы о своем быте он полностью доверил своему ординарцу. Ординарец этот был очень ловким и хитрым пройдохой. Жил он у капитана, как у бога за пазухой. Он был из заключенных, добровольно пошедших на фронт. Сам он делал только то, что ему было по душе. Остальное он вымогал. Пишу

своему капитану он приносил от повара, готовившего командирскому полку. Девушки, что были на КП полка, "добровольно" убирали домики полкового инженера, стирали белье и мыли посуду. Капитан, конечно, ничего этого не знал. Ординарец совершал даже "героические" поступки. Однажды я сам видел, как он на утлом челне выплывал почти на середину Волхова и удили рыбу на виду у немецкого наблюдательного пункта в Званке. Однако никто не стрелял. И он хвастал, что часто кормит своего капитана свежей рыбкой. В отсутствии капитана он хлебосольно принимал нас, угощал, приглашал отдохнуть. Чем кончили сослуживцы - капитан и ординарец - я так и не узнал. Только вскорости их не стало.

Полковые инженеры остались в истории войны малозаметными, как необходимая, но непрестижная прислуга. Заслуживают они большего.

БОЕВЫЕ БУДНИ

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые.
Д.Самойлов

Замполит Хангилядин ревностно следил за моим политическим ростом. По его совету стал я комсоргом части, хотя были в батальоне боевые ребята, служившие гораздо дольше меня и более знакомые с личным составом. В июне исполнилось три месяца моего пребывания в части, и Хангилядин посоветовал мне подать заявление, чтоб стать кандидатом в члены ВКП(б).

- Нет тебе другой дороги, кроме как в партию, - говорил он мне.

Вторую рекомендацию дал Петр Николаевич. Разборщиков. Процедура приема кандидатом в члены партии на собрании коммунистов батальона прошла гладко. Здесь меня уже хорошо знали. С волнением пошел я на дивизионную парткомиссию. В комиссии были двое: председатель - майор - и с ним старший лейтенант. Майор был из старых большевиков: седоголовый, потянутый, аккуратный. Чувствовалось, что всем своим видом - простым и строгим - он подражает Сталину. Старший лейтенант - большой красношешкий парень лет двадцати пяти - показался мне выходцем из деревни. Весь его рыхлый облик не вязался с моим представлением о партработнике. После нескольких анкетных вопросов майор обратился к старшему лейтенанту.

- У тебя есть вопросы?

- Да. Вот ты... Вы учились в институте. Знаете Вы работу товарища Ленина "Материализм и капитализм", э, нет, "империализм"?

Я опешил.

- Может быть, "Материализм и эмпириокритицизм"? - робко спросил я.

- Во-во. Это самое. Так что там товарищ Ленин говорит? О чем это он там?

Не знал старший лейтенант, как больно он меня ударил. Ленинскую работу я не только знал, не только любил, я благоговел перед ней. В 1938 году вышло первое издание краткого курса "Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)". Среди студентов было массовое увлечение 4-ой главой, где излагались основы диалектического и исторического материализма. Тогда-то прочел я "Материализм и эмпириокритицизм". Не прочел, а проглотил. Сидел над книгой в общежитии всю ночь напролет среди спящих товарищей. Сегодня, когда в моей библиотеке стоят все 55 томов сочинений В.И.Ленина, все равно отдельно среди избранных произведений стоит темно-красная книга знаменитой ленинской работы. Время от времени я возвращаюсь к ней, и всегда у меня возникает мысль, что эту работу недооценивают. Она, кроме всего прочего, имеет блестящую литературную форму. Я бы назвал "Материализм и эмпириокритицизм", как гоголевские "Мертвые души", - поэмой. Когда я пишу эти строки, передо мной открыт титульный лист ленинской работы. Читаю прозаголовок: "Критические заметки об одной реакционной философии". Вспоминаю. Улыбаюсь.

Коротко я ответил на вопрос. Когда я вышел и ждал за тонкой дощатой перегородкой, услышал, как майор вполголоса, но гневно сказал старшему лейтенанту:

- Не знаешь, не лезь!

В летние дни "Кильдым" расцвел. Встречались чаще, много пели. По инициативе Салуна нашего полку прибыло: познакомил нас с хирургом медсанбата капитаном медицинской службы Львом Михайловичем Галеркиным. Как и Салун, Галеркин был выдержанным и хладнокровным, только гораздо живей. Он поражал нас неожиданным сочетанием слов, необычными оборотами речи и выражениями, вроде того, что "ему нужно поставить клизму из скипидара с натертыми иглоками" или что выработан "466-й способ рукоблудия - сапожными щетками".

У Галеркина уже проявились качества нерядового хирурга. В медсанбате знали это и ценили его. Во всяком случае использовали его способности на полную катушку. Начальство его не очень долюбивало за жалящую иронию,

но его терпели. В "Кильдьме", куда он немедленно был избран, Галеркин прославился как "король преферанса". Играл он мастерски, и вскоре преферанс стал обязательным атрибутом на заседаниях "Кильдьма". Играли запоем, как только выпадало время.

Была у Льва Галеркина еще одна особенность: любил он стихи и песни, многие знал наизусть, в том числе редкие, нам не известные. Помню, как он, отвернувшись к окошку, напевал с приглушенной горечью, волнуяше:

"Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокоен, но только не надо
Со мной о любви говорить..."

Не знали мы тогда, что это несколько измененные стихи Анны Ахматовой. Мы вообще не знали о такой поэтессе. Мы думали: старый петербургский романс. Лев - коренной ленинградец, вот и знает такие удивительные песни.

Баталов, Круглов и я стали частыми гостями мелсанбата. Как-то мы зашли в домик, где жили Галеркин и его напарник врач Линкевич. Увидев лежащий на столе дощпак - печенье с маслом - мы благополучно его умяли. Раскаяния мы не испытывали и сразу признались в содеянном. Галеркин и Линкевич долго дулись на нас.

Поскольку среди взводных у нас было два Володи - Круглов и я - то в "Кильдьме" стали распевать на мотив "Дядя Ваня, хороший и пригожий" свой вариант:

"Дни и ночи Володя на работе,
Дни и ночи Володя все в походе.
Его не любят ни отаих, ни уют,
Под каждой елкой ему приют".

На задания я по-прежнему ходил в 1249-й СП. У меня появился новый помощник командира взвода - старший сержант Фарафонов. Он был лет на десять старше меня. Среднего роста, приземистый, смугловатый. Очень любил порядок и взвод держал в строгости и повиновении, не применяя никаких грубостей. Грамотности он был не высокой, но что называется политически подкован. Он уже несколько лет - со времен коллективизации - состоял в партии.

Отправляя меня на очередное задание, капитан Пясковский предупреждал, чтобы я выполнял только порученное. Я почувствовал, что он что-то недоговаривает. Обычно нас не предупреждали: взводные твердо знали свои права и обязанности. Зачем-то понадобилось напоминание.

По приходу в полк я связался с полковым инженером

капитаном Салуном и здесь почувствовал что-то неладное. Салун против обыкновения напомнил, чтобы я доложил командир полка как положено.

Командира полка подполковника В.И.Титова на КП не оказалось, и я отправился вместе со взводом в расположение стрелкового батальона, где должен был находиться подполковник. Титов командовал полком со времен тяжелых октябрьских боев 1942 года в районе Трегубово, Спасская Полисть, Званка. Был он, как командир, на своем месте. Сидный мужчина, он обладал твердой волей, властным голосом. Но был излишне резок и часто попросту груб.

Разыскивая подполковника, мы вышли к переднему краю в расположение одной из рот. Здесь я оставил взвод в укрытии под командованием Фарафонова, а сам с ординаром пошел докладывать. Титов стоял у запасного наблюдательного пункта под защитой дерево-земляной стенки.

С ним были хорошо мне знакомый старший лейтенант - командир разведвзвода полка - кто-то из ПНШ полка и командир стрелковой роты.

- Вот ты-то мне и нужен, - не дав мне представиться, живо сказал Титов. - Даю тебе один час времени. Бери своих орлов и сделай мне два прохода - и у нас, и у немцев. Шириной метров по шесть. Пожалуй, хватит. Места тебе покажет начальник разведки. - Он кивнул на старшего лейтенанта.

Я понял задумку командира полка. Было 10 часов утра. В такое время немец не мог ожидать нападения, и разведвзвод двумя группами броском мог достичь немецких окопов и взять "языка". Но я детально знал оборону в этом месте и знал, что саперы при ярком свете дня на открытой поляне будут обнаружены еще у своей обороны. Никакой внезапности не будет, а потери будут неизбежные. "Вот о чем не договаривал Пясковский", - подумал

Зная характер Титова, я не пытался ему возражать.

- Слушаюсь, товарищ подполковник. Прошу Вас позволить в штаб саперного батальона, чтоб мне подтвердили данное Вами задание.

- Что?! - взревел подполковник. - Чтоб в моем полку командовали какие-то саперы? Выполняй и никаких звонков.

- Товарищ подполковник, я прибыл с другим заданием и менять его без приказа командира саперного батальона не имею права.

- Ну, хватит, - с угрозой сказал Титов. - За невыполнение приказа в боевой обстановке я прикажу расстрелять тебя. Немедленно приступай или...

- Не могу, товарищ подполковник.

- Старший лейтенант, отведи его вот к тем деревьям и прикончи, - приказал Титов.

Старший лейтенант нерешительно подошел ко мне. Вдруг послышался шорох шагов и раздался голос старшего сержанта Фарафонова:

- Товарищ подполковник, разрешите обратиться к лейтенанту.

Метрах в десяти от нас полукругом стоял взвод, карабины у бойцов были сняты с плеча. Рассудительный помкомвзвода понял обстановку и разрядил ее. Подполковник бешеными глазами окинул картину и, бросив резкое:

- Обращайтесь! - ушел со своими спутниками.

А позже Салун, а затем и Пясковский рассказывали мне, что Титов получил "втык" от командира дивизии за то, что полк никак не может добыть "языка", и решил на авантюру. Салун уговорил его, что полковые саперы не в состоянии проделать нужные проходы, а в саперном батальоне также отказались послать людей на верную гибель. На мне, вернее, на Фарафонове, попытка этой операции замкнулась.

В 1943 году поступил новый полевой устав Красной Армии, вернее, это был проект, изданный в конце 1942-го года. Кроме того, пришли новые наставления по военно-инженерному делу. Я с жадностью набросился на эти документы. Меня все больше увлекала мысль об установке оптимальных минных полей: максимум перекрытия площади при минимальном количестве и оригинальном расположении мин. В наставлениях об этом было мало указаний, но были другие очень интересные рекомендации, в том числе об оборудовании взрывного устройства - камнемета. Идея камнемета мне очень понравилась, и я решил ее проверить.

В один из дней боевой учебы, а их становилось все больше, что приводило нас к мысли о готовящемся наступлении, мы с Фарафоновым выбрали местами заболоченную поляну размером не менее 0,5x0,5 км и, тщательно осмотрев ее, приступили к устройству камнемета. Я рассказал взводу суть задания. На краю поляны мы вырыли шурф сечением 1x1 метр и глубиной 1,2 метра. Стенку в сторону "противника" - у нас это была вся открытая площадь поляны - выложили в виде аппарата под углом 45 градусов. На дно шурфа вдоль его тыльной стороны уложили 20 кг тола. Угол шурфа с зарядом накрыли косо поставленным дощатым шитом, а на шит уложили примерно полкубометра камней величиной с кулак. Это были в основном обломки кирпича и цемента, которые собрали накануне бойцы в развалинах недалекого строения. Вынутую землю мы аккуратно уносили в лес. В оставленное отверстие опустили на дно шурфа запальную шашку с капсюлем-детонатором и ме-

ханическим взрывателем. Гибкий кабель от чеки взрывателя вывели на 25 метров в "тыл" - в лес. Шурф-сюрприз замаскировали ранее осторожно снятым дерном.

Все ушли в укрытия, выбранные так, чтоб было видно поляну. По моей команде: "Огонь!" Фарафонов дернул кабель-шнур. Раздался оглушительный взрыв. После мгновения тишины послышался шум и удары падающих камней. Это был настоящий камнепад, охвативший овальную площадь длиной 300 и шириной 50 метров. Но эффект оказался больше ожидаемого. После взрыва, когда уже сыпались камни, в конце поляны появился человек, который крича и размахивая руками бросился в лес на противоположной стороне поляны. Там, на тропке, его задержали наши бойцы, которые были в оцеплении и хоронились в небольших окопчиках за толстыми стволами деревьев. Человек был невинен, но страшно напуган. Это был младший лейтенант - пехотинец. Он, оказывается, спал в старой неглубокой заросшей канаве. Камнепад его не достиг. Почему он так очутился, младший лейтенант объяснить не мог, и я его отправил под конвоем двух бойцов к уполномоченному Смерш ("Смерть шпионам" - служба НКВД). Вскоре мне удалось заинтересовать камнеметом одного из командиров стрелкового батальона, и с нашей помощью был сооружен камнемет у проволочных заграждений в месте, где были замечены признаки готовящейся разведки противника. Недалеко через две в этом месте действовала немецкая группа в составе человек около сорока. Командир стрелкового взвода, дезуривший в блиндаже, куда был выведен шнур от камнемета, обнаружил противника уже вблизи проволочки. Он подал сигнал тревоги и, когда вражеская группа стала отступать под накрывшим ее дружным огнем, взорвал камнемет. Эффект был потрясающий. Немцы бежали, не разбирая пути, многие, не попав в проходы, подрывались на своих же минах. Несколько трупов остались в нейтралке. Правда, пленного захватить не удалось. Место происшествия подверглось обстрелу с двух сторон. Несмотря на дополнительные потери, немцы, верные своему обычаю, все группы уволокали.

В дивизии очень серьезной стала проблема захвата "языка". Ни дивизионцы, ни полковые разведчики не могли захватить пленного. В "Кильдальме" мы задумали провести офицерскую разведку с захватом "языка". Решили обратиться непосредственно к командиру дивизии. В группу включились три лейтенанта: Баталов, Круглов и я, и два капитана - Салун и Галеркин. Нам хватило благоразумия предварительно посоветоваться с подполковником Русановым. Высмеял он нас, отругал и велел идти к кому не соваться:

- Зачем мы будем рисковать офицерами-инженерами и врачом, не имея при этом гарантии на успех? Поиск гораздо лучше и надежнее сделают опытные разведчики.

Однако идея наша отклик у комбата Исаева, но в другом преломлении. Он решил "утереть нос" разведчикам и достать "языка" силами своего батальона.

Операция была разработана в узком кругу. Место поиска наметил начштаба Пясковский, а выбрать его в натуре поручили Круглову и мне. Больше о задании не знал никто. Мы с Володей провели на переднем крае почти день. Заграждения, как свои, так и немецкие, мы знали и сосредоточили свое внимание на выборе наиболее удобного прохода в нейтралке. Преодолеть до немецких окопов нужно было около 300 метров. Линия обороны противника в этом месте была прямолинейной, огневые точки и ходы сообщения в тыл пореже, чем в других местах. Нейтральная полоса изобилвала воронками и соответственно бугорками, что позволяло укрываться от вражеского наблюдения и прицельного огня. Посредине намеченного пути виднелась верхушка крупного валуна, служившая хорошим ориентиром.

Возвращались мы с рекогносцировки под вечер. Шли ходко по тропинке, натопанной по невысокому - до одного метра - валу, скорее всего небольшому естественному водоразделу. От переднего края отошли примерно с полкилометра. Неумолчный огневой гул был еще слышен, пролетали отдельные пули, изредка с легким треском слетали срезанные веточки. Вдруг в сознание ворвался мгновенно оглушивший свист и неподалеку от нас громкоподобно взорвался тяжелый фугасный снаряд, подбросив землю. Мы бросились наземь слева от тропинки под защиту возвышенности. Снаряды стали рваться один за другим и по несколько вместе - стреляло не отдельное оружие, а стреляла батарея. Снаряды рвались так близко, что нас несколько раз забрасывало землей. Но осколки из глубоких воронок шли круто вверх, перелетая нас. Казалось, что хлывшая дождем земля выбросит нас вверх под секущий ливень осколков. Мыслей не было, время не существовало... Налет оборвался. В ушах гудело. Возникло острое желание сорваться с места и броситься бежать отсюда во весь опор. Как бы поняв меня, находившийся позади Круглов предупреждающе крикнул:

- Лежи!

Вновь налетел огненный смерч. Теперь он терзал землю подальше от нас, и к нам стали залетать осколки. Когда поднялись, тело было нечувствительным, хотелось присесть и спокойно отдохнуть. Но Володя двинулся вперед тем же размеренным быстрым шагом, каким мы шли до налета. Я шел за ним, как ведомый за ведущим, и восхищался

его самообладанием.

По возвращении мы немедленно доложили результаты нашей разведки ожидавшим нас комбату и начальнику штаба. Наш выбор был одобрен, и майор Исаев тут же сообщил, видимо, уже принятое решение:

- На поиск пойдет группа из трех добровольцев: лейтенант Руткевич - командир группы, старшина Толстиков и боец Кольцов (настоящую фамилию не помню).

- Товарищ майор, - обратился я к комбату, - в Кольцове я сомневаюсь...

- Знаю, - оборвал меня Исаев, - зря это ты. Кольцова не оставит ничто. Он наверняка станет главным исполнителем захвата. Давай по делу, времени у нас всего три дня.

Кольцова я недолюбливал, даже опасался. Был он мой многодок, недоужинной силы, нагловатый, с недобрым выходящим взглядом. Он попал к нам как доброволец из заключенных. Преступник он был не простой. Имел полное среднее образование - больше с таким образованием у меня во взводе солдат не было. Он третировал боявшихся его хозяйственников, поваров, был сыт и обут явно не по вину. Ходили слухи, что он повинен в убийствах. Комбат в нем души не чаял:

- Вот это мужик! - говорил он. - Кого хочешь задавит, его не испугает никакой фриц. Нам бы таких побольше, вот бы дела натворили.

Мы - трое "избранных" - отделились от батальона. Поселились в отдельной землянке, отдельно питались. Занимались до обеда, затем ночью. Тщательно готовили оружие: легкие немецкие автоматы-"козлики", ножи, гранаты, другие принадлежности - ракетницу, индивидуальные пакеты, фонарики, ножницы для проволоки, веревку, обувь, одежду. И Толстиков, и Кольцов тренировались со всем вниманием и старанием. Не ленились помногу ползать, вскакивать, бороться, отрабатывать присмы. Опробовали оружие и все снаряжение. Участником подготовки был и Круглов, часто навешавший нас.

До операции оставались сутки. О месте поиска не знали еще ни мои соратники, ни люди на передовой. Только артиллеристы батареи 122-мм пушек провели пристрелку заранее. Они должны были нас прикрывать в случае погони или неудачи.

В последнюю ночь решено было хорошо отдохнуть, а на следующий день выйти пораньше на передовую: познакомиться с местом прохода через нейтралку, увязаться с пешотой, освоиться с обстановкой.

Обедали мы в своей землянке.

- Товарищ лейтенант, - позвали меня снаружи. Я вы-

шел. - Товарищ лейтенант, Вас вызывают в штаб. Сказали, чтоб немедленно.

Это был связной из батальона. В штабе меня встретил капитан Пясковский.

- Два часа тебе на сборы. В ночь поедешь.

- Мы уже собрались, только ведь завтра в ночь, а не сегодня. Люди еще не знакомились с местом.

- В штаб ты поедешь. Понял? На вот, читай. - И капитан сунул мне отпечатанный на машинке приказ командира дивизии, в котором со ссылкой на приказ по 59-ой армии мне предписывалось немедленно прибыть в штаб армии для участия в слете лучших минеров-подрывников с проведением показательных учений по установке минных полей. Я ахнул.

- А как же поиск? Ведь все подготовлено.

- Вот именно, подготовлено. Круглов пойдет. А приказ обжалованию не подлежит. Так что, действуй. Возьми бумагу, карандаши. Выбери формуляр, как образец. Остальное на месте. Зайдешь за командировкой и аттестатом и на КП. Там будет машина.

Я ошалело выбежал из штаба и стал искать Круглова. Володя в своей землянке собирался.

- Знаю, - коротко сказал он. - Хорошо, что забегал. Расскажи, как Толстиков и Кольцов. - И вдруг засмеялся: - Уж очень я мечтал сходить за "языком". Значит, есть судьба.

Я коротко рассказал, как и к чему готовились. Мелькнула мысль предупредить о Кольцове, но я ее отбросил. Кольцов в подготовке был безукоризнен и зря тревожить Круглова нельзя. Мы обнялись. От такого поворота событий мне было не по себе. Мы ехали со старшим лейтенантом из дивизионной разведроты на полutorке и всю дорогу молчали.

В штабarme нас встретили очень радушно. Меня принял полковник - начальник инженерной службы.

- Наслышан о Вашем опыте фиксации "диких" минных полей и о нестандартной системе минирования, - сказал он. - Расскажите мне об этом поподробнее.

Беседа длилась долго - более часа, после чего полковник предложил мне составить список всего оборудования для проведения показательного учения, предназначенного офицерам - саперам и разведчикам. Помню, что интерес вызвала примененная мной система минирования по схеме "дубль-ве", когда противник, привыкший к шахматной установке мин, теряя ориентировку, наталкиваясь на как бы хаотически поставленные мины, на кажущиеся пропуски в минном поле и на непонятную глубину минирования. В действительности схема постановки проста и не

требует дополнительного расхода мин против обычно принятого.

За участие в учении мне была объявлена благодарность в приказе командарма. В инженерном отделе меня предупредили, что придется ехать на учения в штаб фронта.

Конечно, я зашел в трофейный отдел. "Штаб" был на месте, только старший лейтенант стал капитаном, и оба были с наградами: у майора - орден Отечественной войны 2-ой степени, а у капитана - "Красная звезда". Мне они были очень рады. Всячески тискали, хлопали по плечам и спине. Из записки достали угощение, даже кой-чего накатали в кружку. Поскулила надо мной:

- Где твой орден, где твои звездочки? Какого черта ты торчишь на плацдарме и не растешь?

Мне было неудобно, краснел и не знал, что отвечать. Неуклюже отшучивался.

Были мимолетные интересные встречи. Буквально столкнулся я у инженерного отдела с тем товарищем по Черниговскому училищу, с которым я был в Москве по дороге на фронт. Он служил в... геологической роте. Оказывается, что при штабе фронта была такая рота, занимавшаяся водоснабжением и изучением грунтов. Он был очень доволен своим положением, и я порадовался за него. Еще я встретил капитана-интенданта, с которым жил некоторое время в резерве. Он приехал в армию несколько позже меня. У него на груди красовались два ордена Отечественной войны 2-й степени. Такая пара орденов была редкостью в то время.

Возвратился я в часть через пять дней. В батальоне чувствовалась подавленность. Обо всем произошедшем информировал меня комроты капитан Захаров, страстный любитель рассказывать, нашедший во мне покорного слушателя. Перед самым выходом группы Круглова на задание разразилась гроза, сменившаяся долгим сильным ливнем. Для операции лучшей погоды не придумаешь. Трое ушли в мокрый мрак. Напрасно напрягали свое внимание у пулеметной точки комроты Захаров, командир стрелковой роты и командир стрелкового взвода, державшие здесь оборону, медфельдшер, бойцы. Сигналов не было. К утру прекратился ливень, поднялся густой туман. Группа возвратилась, не выполнив задание.

По рассказу Круглова, которому мы безоговорочно верили, он и Кольцов ползли впереди, а старшина сзади. В середине нейтралки Кольцов стал отставать и залег. Несмотря на ненастную погоду, огонь с немецкой стороны был непрерывным, как всегда, и Круглов решил, что боец ранен. Он подполз к Кольцову впритык и подергал его за

руку. Тот вдруг резко повернулся на бок и выставил в лицо лейтенанту ствол автомата. Круглов опешил. И здесь он совершил ошибку, он промедлил. Находившийся позади Толстиков при свете осветительных ракет, время от времени повешивавшихся немцем, видел впереди лежащих напарников и недоумевал, почему они медлят. Круглов решил возвратиться к старшине, но это стал делать и Кольцов. Видя, что двое возвращаются, попятился и старшина, стараясь, чтобы не сблизиться, как это обычно делалось в опасной обстановке. Так они и вышли к своей обороне. Кольцов рассказывал, что он, как боец, ждал сигнала от лейтенанта, но тот лежал недвижимо.

Обида за Володю Круглова была нестерпимой. Он уже представлялся к повышению и вот-вот должен был принять роту. Позже выяснилось, что операция не была известна командиру дивизии, наш комбат хотел сделать "сюрприз". Это происшествие просто замолчали, но горький осадок остался надолго.

Кольцов по-прежнему держался вызывающе и даже пытался не подчиняться командиру отделения. На мои замечания он огрызался, и мне пришлось арестовать его в землянке. Комбат пришел в ярость и освободил Кольцова без моего ведома. Я подаю рапорт. Произошел резкий разговор, обостривший и без того натянутые отношения с комбатом. Последний нашел выход из создавшегося положения и отправил Кольцова как "лучшего бойца" на курсы ефрейторов, откуда Кольцов в часть не вернулся.

За неудавшийся поиск никто Володю Круглова не винил, но он как-то сник, стал грустным. У него произошел душевный надлом, от которого он долго не мог оправиться.

Все это были наши маленькие события. А на огромном советско-германском фронте назревало гигантское сражение на Курской дуге. Отрадилась эта обстановка и на Волховском фронте. Необходимо было своими силами без надежды на дополнительные резервы сковать действия противника, чтоб он не мог из группы армий "Север", стоявшей против нас, передать часть войск группе армий "Центр", окружавшей Курский выступ. В соединениях и частях 59-ой армии состоялись совещания офицерского состава, нацелившие нас на активизацию действий. Противника тревожили на всем протяжении фронта.

Среди данных нам указаний было обращено особое внимание на то, что многие офицеры лично участвуют в мелких операциях, где их непосредственное присутствие не обязательно. Это ведет к неоправданным потерям среди командного состава. В нашем батальоне об этом конкретно пофамильно было указано командирам взводов.

Начались частые поиски и разведки днем и ночью. Мосму взводу было поручено провести поиск небольшой группой на участке, где нейтральная полоса была наиболее широкой - до 700 метров - и сильно залесенной. Нужно было выяснить возможность скрытого подхода к переднему краю противника, который с нашей обороны не просматривался. Мы со старшим сержантом Фарафоновым выбрали место и решили направить на задание трех человек: командира отделения младшего сержанта Семичева, опытного, очень сильного бойца Красавкина и послушного спокойного бойца Голутвина. Все трое были из старшего поколения, то есть возрастом около сорока лет. Моложе во взводе не было. Фарафонов возражал против отправки Голутвина. Тот был во взводе месяца четыре и никак не проявил себя за это время.

- Неудачный он, товарищ лейтенант, - говорил Фарафонов. - Молчит, все молчит. Непонятный он.

Я возразил, что не можем мы посылать на задание одних и тех же надежных бойцов и волей-неволей оберегать неактивных. Посылаем мы Голутвина не одного, а в хорошей "связке". В командире группы Семичеве я не сомневался. Он был крепкой сибирской закваски, внимательный и хладнокровный.

Группа вышла на рассвете около семи часов утра. В задание входило только наблюдение, не вступая в бой. Прошло два томительных часа. Группа не возвратилась, сигнальной ракеты не было. Я волновался: первый раз на такое задание не пошел сам, и вот что-то случилось. Пришлось мне расплачиваться за то, что не приучил людей к самостоятельности в бою. Сильно нервничал и Фарафонов, ворчал:

- Послали черте кого, а теперь как? Ну, что, пошли? - это уже с вызовом ко мне.

Я вынул наган, и мы пошли в направлении ушедшей группы. Шли в полный рост, быстро, уже при свете дня. Шли не остерегаясь, рискуя нарваться на мины. Метров через 400 вошли в чахлый, но густой лесок. Обнаружили узкую тропчку. Пошли тихо, осторожно, соблюдая между собой небольшую дистанцию метров пять. На небольшой поляне остановились. Затаились. Проверили, нет ли кого. Со стороны противника велся обычный обстрел, в том числе и в направлении к нам, то есть здесь вряд ли могла быть засада. Осмотрев поляну, обнаружили лежащего человека. Это был Красавкин. Он лежал навзничь с простреленной автоматной очередью грудью. Труп уже остыл. Сухие ветки вокруг были поломаны, но других следов, указывающих на борьбу, не было видно. Прошли еще немного. Стали видны проволочные заграждения и окопы немцев. Да-

льше идти было нельзя. Труп унести днем мы не могли, а главное - нужно было искать еще двоих. Мы бегом возвратились в свои окопы. Разошлись с Фарафоновым в обе стороны, проверили все точки. Нет, никто из нейтралки не появлялся.

Отчаяние мое было безгранично. Я оставил Фарафонову дежурить на переднем крае, а сам побрел в лес в состоянии сильной душевной депрессии. Билась в голове гнетущая мысль: почему не пошел сам? Струсил? Как теперь, о чем докладывать? Как дальше жить в таком позоре? Полезла дурная мысль: многие ведь побыли на войне меньше моего, а свое дело сделали. Значит, и я свое дело сделал. И хватит. Пора выходить из игры. Я проверил наган, даже выстрелил в дерево. Подумал, оставлять ли записку. А о чем? Ну, хватит сомнений...

Посылались быстрые шаги... Это был Ваня Балакирев.

- Ты что тут, Володя? - спросил он. - Знаю тебя, дурака, вижу насквозь. Спрячь наган. Пошли, пошли. Семичев тебя ждет в третьей роте. Его в медсанбат нужно отправить срочно, а он не дается. "Пока, - говорит, - своему лейтенанту не доложу, никуда не савинусь". А Красавкина мы выташим ночью, я тебе помогу.

Мы побежали на передок. В блиндаже у взводного полужал на полу Семичев. На ноге белела большая, во все бедро, грубо намотанная повязка. Семичев попытался приподняться, но я остановил его.

- Простите, товарищ лейтенант, - хрипло сказал Семичев, - не выполнил я Ваше приказание. Дошли мы до леска, а там - кто-то копошится. Окликнули. Отвечает: "Свои, разведка". Обрадовались мы и к ним. А оттуда автоматная очередь в упор. Красавкин упал, не издав ни звука. Я почувствовал удар в бедро и упал сознательно, чуть откатившись назад. Видел, как Голутвин поднял руки. Было их четверо, говорили по-русски - это власовцы. Схватили Голутвина под руки и потащили к себе, не оборачиваясь. Я чуть подождать, перетянул ногу ремнем. Убедился, что Красавкин мертв, взял его карабин и пополз. Вот только пополз, да своя пехота чуть-чуть не прикончила.

- Вижу, понимаешь, ползет. Кричу: стой! Поднимайся! А он ползет. Пальнул было, а потом подумал: ведь один ползет. Будем держать на мушке, живые возьмем. - Это быстро-быстро залопотал командир стрелкового взвода.

Но я уже не слушал его. Подошел Фарафонов с бойцами, Семичева унесли на носилках к уже подошедшей санитарной повозке. Семичев потерял много крови, но выжил и

писал нам. Более года прослужил он в саперном батальоне. В госпитале застала его награда - орден "Красная звезда".

Проводив Семичева, я отправился в штаб батальона. По дороге меня перехватила связной от уполномоченного Смерш, чтоб я зашел к нему. Этим уполномоченным был старший лейтенант Гореленко.

- Ничего, держись, - посочувствовал он. - Мы тебе верим и ценим тебя, лейтенант. Конечно, осечка вышла. В этом и моя вина есть. Были у меня подозрения, что Голутвин ненадежный. Не успел предупредить тебя. Иди. Тебя ждут.

В штабе сидели хмурые-прехмурые майор Исаев и капитан Пясковский.

- Знаем! - не дал мне рта раскрыть Исаев. - Иди.

Ночью мы с Ваней Балакиревым и шестью бойцами забрали Красавкина из нейтралки. Похоронили его как подobaет погибшему в бою солдату.

Я скоро вышел из шокового состояния. Проходили все те же боевые будни. Менялись люди. В конце августа вместо глубоко мною уважаемого генерал-майора Николая Прокопьевича Ковальчука командиром дивизии стал полковник Семен Сергеевич Софронов. Генерал Ковальчук ушел на повышение - стал начальником штаба 59-ой армии.

Тяжелое известие принесло мне письмо из города Бор Горьковской области. Прислала его сестра моего институтского друга Льва Дмитриевича Арешкевича, с которым мы были в одном выпуске Черниговского военно-инженерного училища. Лев уехал на Сталинградский фронт. Он погиб 24 августа 1943 года в 6 часов утра на окраине деревни Ясанки Лебедянского района Сумской области и похоронен бойцами его взвода. Сестра писала, что отец и мать еще не знают о страшном горе. Она просила отомстить за смерть брата. Я отвечал, что выполняю ее приказ. Я переписывался с семьей Левы до конца войны, встречался с его матерью и сестрой после войны.

Великую силу имело фронтовое братство. Жил и творил наш маленький "Кильдьм". Каждый в глубине души верил, что выживет. У каждого воспитывалась невероятная выдержка - иммунитет против всех переживаний.

Это не мешало нам подтрунивать друг над другом:

- Не храни допшаек, еще убьют, а жалко.

Замечу, что многие солдаты считали правильным "навернуть" утром всю пайку хлеба с супом, приговаривая при этом:

- А вдруг убьют, и останется хлеб.

Правда, как вспоминает Баталов, немало было и таких, кто сомневался, что останется жив, даже были уве-

ренные в том, что обязательно погибнут. Несомненно, большинство было оптимистами, иначе нам бы не победить. А пессимисты и после войны так же продолжали ныть и видеть все в черном свете.

Как-то намекнули мне ребята, что нужна хорошая строевая песня о саперах. В конце августа я ее написал, разве что недостаточно хорошую.

Песня саперов

Мы в ночь и в непогоду
Выходим на работу:
Снимаем мины, ведем мосты,
В завалы ставим ФОГи,
Окопов роем много,
Ведь нас недаром зовут "кроты".

Припев: Все саперы, разведчики, минеры
Необходимы любым войскам:
Друзьям-артиллеристам,
Товарищам-танкистам,
Родной пехоте - бойцам-стрелкам.

Упрямые ребятки,
Ползем мы со взрывчаткой,
И нет преграды для смелых нас.
Мы вертим вражьи танки
И ДОТы наизнанку.
Мы выполняем страны приказ.
Припев.

Латаем мы паромы,
Скоблим аэродромы.
Везде саперы должны поспеть.
Ведем разведку боем,
КП и НП строим
И всюду фрицам готовим смерть.
Припев.

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС

- Чем дорожишь ты во сто крат
Превыше славы и наград?

- Любовью к женщине!..

Расул Гамзатов

В саперном батальоне не было женщин. Совсем. Ни одной. Святость его мужских рядов дружно оберегали все офицеры. Комбат Исаев был женоненавистником. Как-то его помощник старший техник-интендант Стрельников заикнулся было, что с пополнением придут девушки и надо бы взять двух на хозяйство и вообще... Майор вышел из себя:

- Батальон загубить хочешь? Чтоб даже слуху об этих шалашовках не было.

Тут он добавил такое, что у видавшего виды Стрельникова голова затряслась.

"Киадым" тоже соблюдал монастырский уклад. 8-го апреля я писал Н.Карасевой: "Романов, Ни, здесь больше быть не может - женщин здесь нет совсем".

Но все было тщетно. Любовь стучалась в наши сердца. Толчком стали девичьи письма, которые после майского потока так и не иссякали. Мы делились известиями, обсуждали фотографии. Нередко перемывали косточки начальству, которое заводило наложниц. Бродили и во мне какие-то мечты:

Очень скоро закончатся войны,
Снова в жизни наступит весна.
Станут ночи нежны и покойны
Только временем ласки и сна.
Ты случайно без заданной цели
На грядущего светлых пирах
Вспомни юношу в серой шинели
И в солдатских больших сапогах.

Первую брешь в антиженском "железном занавесе" пробил капитан Пясковский. Неожиданно в батальоне появился новый фельдшер - лейтенант медслужбы Анелия Георгиевна Паевская, сменившая вскоре фамилию на Пясковскую. А затем произошло и совсем непредвиденное: влюбился комбат. Стал он часто навещать санитарный батальон, где его очаровала Анна Сергеевна - капитан медслужбы. Союз не ладился. Исаев очень нервничал, что отражалось и на жизни батальона.

Общая обстановка на нашем участке фронта характеризовалась как бои местного значения. Появилась возмож-

ность совсем мирных мероприятий. По инициативе политотдела в дивизии проводилась спартакиада, стержнем которой был длительный бег в противогазах. Участниками этого пробега стали и взводные саперного батальона. Соревновались две команды: мужская и женская. Мужская команда растянулась на дистанции, распалась, кое-кто перешел на шаг, некоторые отстегнули патрубки от коробок, были и пытавшиеся закурить. Задуманный марафон явно разрушался. Тогда я взял на себя инициативу, собрал всех "слабаков" и уговорил их прийти спокойным бегом всей группой до конца. Так и сделали к великому удовольствию политработников: 100% успеха! На финише мы встретились с женской сборной и немедля перезнакомились. Среди женщин преобладали медицинские сестры.

Круглов и я разговорились с неразлучными по их словам подружками: Леной Голубевой и Шурой Выриной. Очень они были несхожи меж собой. Лена беленькая с золотистым волосом и сама скромность, а Шура - смуглая, смоль в волосах, глаза черные и в них бесенки прыгают. Так уж вышло, что подружился я с Леной, а Володя с Шурой. Лена стала моей вотаиночкой, как говорят на Руси, светловолосой уралочкой, которую я про себя называл "Лесной зверек". Из этой группы медсестер нашлась подружка Васе Баталову - Павлина Крохалева. Эта пара отличалась тем, что Вася и Павлина были схожи характером, даже внешностью, и невольно возникала мысль, что они созданы друг для друга. Близким человеком Льву Галеркину была его помощница медсестра Маша Романишина - высокая стройная брюнетка. Они составляли очень видную пару. Самым стойким в нашей среде оказался Сава Салун, которого не поразила стрела амура, или же он был очень скрытен.

О фронтовой любви написано много песен. Одной из самых популярных была и остается песня Соловьева-Седого на слова Фатьянова "Соловьи". Меня эта песня просто бесила: я не мог себе представить во фронтовой обстановке такую идиллию, когда в лесу слышна песнь соловья и солдаты, охваченные лирикой, не спят. Во всяком случае, это было не типично. Но, если понимать "Соловьи" как символ великой всепобеждающей и всюду проникающей любви, то эта песня говорит правду.

Появление женщин в нашей среде не пошатнуло устоев "Кильдыма", мужская дружба с честью выдержала испытание на прочность. Создавшейся обстановкой немедленно воспользовался помкомбата Стрельников, и в августе к нам в батальон постушили два бойца: Аня и Зоя. Обе годов по двадцать. Аня - миловидная брюнетка, небольшого роста с внимательным пытливым взглядом темно-карих глаз. Она с

ходу, что называется "без пересадки", прилепилась к Стрельникову и стала полновластной хозяйкой в его домишке. В противоположность Ане Зоя отличалась крупным ростом, сильной фигурой. Была она рыжеватая с голубыми глазами, добродушная и немного с ленцой. Зоя прижилась в хозяйственном взводе и занималась, главным образом, кухней. Аня тоже делала кое-что по хозяйству, но лишь по своей доброй воле, а главной ее заботой был уход за Стрельниковым. Он даже полнеть начал.

Как-то я заметил Аню на поляне вблизи батальона, где она собирала в большую консервную банку ягоды с невысоких в полметра кустиков голубики.

- У тебя это очень мило получается, и движения такие упругие, смотреть приятно, - обратился я к ней.

- А Вы ко мне не подмазываетесь, товарищ лейтенант, - отшила меня Аня, - здесь Вам не отколетса.

Я опешил.

- Ты что-то не так поняла, - начал было я.

- Все поняла, все вы такие, а мне только один ну-

жен. Под вечер застал я у землянки своего взвода веселое сборище. Я тихо подошел и подал всевидящему Фарафонову знак, чтоб он не подавал команду "встать". Рассказчиком был боец Федор Брейляну. Брейляну - молдаванин из Бендер - был одним из самых старших во взводе - далеко за сорок. У него и вид, и повадки были стариковские. На подходе к переднему краю он всегда казался испуганным. На отдельные самостоятельные задания я его не посылал. Но на минном поле Брейляну преображался. Он не обращал ни малейшего внимания на обстрел и работал как мастер-огородник в теплице. Спокойно, споро, точно, быстро. Так он ставил и снимал мины. Уверенные действия его настраивали на успех других саперов. Отмечу, что Брейляну прошел через все испытания наступательных боев до самого конца войны и возвратился после Победы в родные Бендеры с достойными наградами.

Что Брейляну может быть захватывающим рассказчиком - этого я никак не ожидал.

- Лежит она на спине, - продолжал Федор, - расперилась и уцепилась пальчиками за большие пальцы ног, а он...

Тут я ушел, решив, что солдатское развлечение не стоит прерывать. Оказывается, Брейляну был прошлой ночью часовым и наблюдал сцену свидания Стрельникова с Аней, которую во всех подробностях передал взводу.

Конечно, для прямых саперных дел женщины совершенно не приспособлены. Трудно представить себе женщину на минном поле, или на преодолении проволочных загражде-

ний, или на проводке танков через болото. Однако отдельные случаи известны. По всему фронту шла молва о лейтенанте-женщине, командире саперного взвода в ШИСБР (штурмовая инженерно-саперная бригада). Она была награждена орденом Красного Знамени за участие в боях 1942 года.

Интерес к женщинам подогревало появление в дивизии снайперской роты, которая состояла из 90 девушек. Только командиры взводов и роты были мужчины. Все девушки были в возрасте 18-19 лет, здоровые, румяные, что называется "кровь с молоком". Окруженная забором и охраняемая часовыми в своем расположении снайперская рота подвергалась непрерывным атакам поклонников. И случись в эту пору беда: распространилась среди девушек чесотка. Объявили карантин. Но остановить поток кавалеров не удавалось, чему немало способствовали сами снайперки.

- Что Вы, товарищ старший лейтенант! При таком командире нам никакие мужчины не нужны, - очень серьезно говорила какая-нибудь нарушительница режима в роте, а у самой игривость в глазах.

Старший лейтенант был, образно выражаясь, "собака на сене". Ему-то влюбляться нельзя было ни под каким видом. Вот и оберегал он "чужое добро". Передавались досужие разговоры, что он на коленях вымаливал у генерала освобождения от своей должности, соглашаясь даже идти в штрафную роту.

Естественно, что снайперская рота представляла собой певчее царство. Много скрашивали девушки-снайперки неяркую армейскую жизнь самодеятельными концертами, песнями и просто своим присутствием.

Члены "Кильдыма" не участвовали в осаде чесоточного карантина, но делами этого объекта интересовались. Мы знали, что женщины проходят систематическую врачебную проверку, и допытывались и Галеркина, что происходит с девчатами.

- Незначительные изменения, - небрежно со скукающим видом то ли всерьез, то ли в шутку сообщал Лев Михайлович. - Месяц тому назад в роте было 88 девушек и две женщины, а сейчас 88 женщин и две девушки.

Женщины были нередкой темой наших бесед:

- Фигуры женские делили мы на классы:

На скрипки, виолончели, контрабасы.

Свои подружки были строго вне обсуждений. Лишь передавались весточки, записки - обычно с глазу на глаз.

Все же знакомство с представительницей снайперской роты нас не миновало. В одну из темных осенних ночей мы с Ваней Балакиревым добирались в свое расположение и услышали шорох на тропке. Я включил фонарик, осветивший

тоненькую девичью фигурку. Ваня, как настоящий разведчик, немедленно схватил ее за руки с целью "проверки личности". Девушка удивилась и даже обиделась на такой способ знакомства. Но Ваня был не просто завлекателем, он не говорил, а сказку сказывал, хоровод вел. И вскоре в "Кильдым" стала появляться подруга Балакирева Тоня Ефимова. Была она маленькая, стройная, энергичная, с очень живыми любопытными глазами. Да и заводила она была, всегда со смехом.

- Так вот и полюбила я его, крепко полюбила, - вспоминала Тоня, - а я ведь еще не целованная была. Это моя первая любовь.

Мы с ней дружили и нередко поверяли друг другу свои "тайны". Вспоминаю письмо Тониной мамы из Любятино, которая в ответ на жалобу дочери, что Ваня ее обижает, писала, чтоб дочь скорее затяжелела и возвращалась домой, "а Иванов мы найдем".

Совсем девчонкой Тоня уже в конце июня 1941 года попала на оборонные работы под Ленинградом, где тяжело трудилась до осени, когда заболела сыпным тифом. Потом пошла добровольцем в Красную Армию. Направили ее в 273-й армейский ветлазарет, где немало горьких слез пролила она, мучаясь с ранеными лошадьми. В марте 1943 года взяли ее на курсы снайперов в запасной полк на станции Гряды, что по дороге на Чудово вблизи реки Волхов. В июне 1943 года по окончании курсов направили ее в регулярную часть: сначала в 65-ю, а затем в 377-ю СД. В саперный батальон Тоня пришла позже, уже в Прибалтике, когда расформировали снайперскую роту.

Радости и горести девушек на плацдарме - это были лишь цветочки, а ягоды их ждали впереди - тяжелые испытания в боях. Командир батальона 1249-го полка, к которому была приписана снайперская рота, А.А. Запорожец писал Тоне Ефимовой после войны: "Ясно вспоминаешь те, незабываемые дни, ужас которых не может полностью закрыть воспоминания о нашей молодости, когда мы не раздумывая готовы были идти и в огонь и в воду... Но это мы - мужики. А ведь вам во сто крат было труднее. Особенно больно было видеть раненых и погибших девушек". И далее: "Вот поэтому испытываешь радость и уважение, когда видишь живым солдата, который по всем расчетам должен быть на том свете. Живите же, дорогие моему сердцу бабуськи-снайперы, как можно счастливее и как можно дольше". Снайперок уважали, любили, старались не отпускать из части.

Тоня Ефимова вспоминает, как однажды была в охране полкового знамени и слышала телефонный разговор командира полка подполковника Мухина со штабом корпуса. Из

корпуса требовали передать снайперок в другую часть. Мухин противился:

- Отдам десять "карандашей" за одни "глазки".

По принятому неписанному коду "карандаши" - это бойцы пехоты, а "глазки" - это снайперки.

Естественно, что многие женщины на фронте, да и не только на фронте, стремились к надежному союзу с одним мужчиной, и, конечно, идеалом было обрести мужа. Недаром у гречанок существует общепринятое мнение о муже: "хоть старьей, хоть бедней, но муж - это сокровище превыше земных и небесных радостей" (И. Стоун, "Греческое сокровище"). Далеко не все мужья были радостью. Немало было союзов по расчету. Как-то пришла к нам снайперка Аня, которая примыкала к "Кильдэму", и стала спрашивать совета: как ей быть, если командир полка, старше ее на 25 лет, "сватал" ее к себе в ораинарцы, обещал безопасную и наиболее безопасную, какую только можно было иметь в тех условиях, жизнь. Говорил он об этом очень деликатно и без попыток обмана. Да, он женат, имеет детей, так что о чем-то большем, кроме добровольного временного союза, речи быть не может. Что же мы могли ответить Ане? Первым чувством было возмущение, но потом... Потом мы остыли. В батальоне или в роте, куда б ее послали, ей не избежать назойливых домоганий. А сколько там было молодых здоровых и очень "настойчивых" мужчин. И мы не дали Ане совета. Через несколько дней я встретил ее на КП полка, где она наводила порядок в домике командира. Настроение Ани было оптимистическим.

В создавшейся военной обстановке даже солидные пожилые замужние женщины теряли устойчивость. Любопытный случай рассказал нам замполит капитан Хангильдин. В медсанбате соседней дивизии служила женщина - майор медицинской службы, у которой вся семья была армейской: муж - старший сержант - был писарем в штабе одного из полков, дочь - младший лейтенант медслужбы - являлась фельдшером стрелкового батальона, а сын - лейтенант - командовал батареей в артадивизионе нашей дивизии. Мама-майор влюбилась в тридцатилетнего старшего лейтенанта, служившего в штабе дивизии. Союз состоялся и был очень прочным. Увещевания мужа и детей не поколебали возлюбленную. Не смогли подействовать на нее и начальники.

Такого же типа историю я узнал наочно в парикмахерской обогревательного пункта, организованного близ селищенской переправы через Волхов. Стрижка и бритье тоже представляли собой одну из проблем военного быта. В ожидании своей очереди я слушал разговор парикмахерши с пожилым майором, которого она брила. Парикмахерша была вольнонаемной из Малой Вишеры. Завитая и раскрашенная,

она демонстрировала возможности своей профессии. По виду она давно перешагнула бальзаковский возраст.

- Только теперь, - рассказывала парикмахерша майору, видно, своему знакомому, - я поняла, что я женщина и зряшно провела свои лучшие годы. Только здесь на свободе от домашнего рабства я узнала свою женскую привлекательность и значение. Часто приезжает муж - он работает в паровозном депо - и уговаривает меня возвратиться домой. Ни за что! У меня здесь интимные связи, и кому какое дело. Мне это импонирует. Я наконец узнала, что такое жизнь.

Откровенность и наглость этой женщины поразили меня. Воистину и на старуху бывает проруха.

Происходили случаи и комедийные. Попал к нам с очередным пополнением белобрый парень, которого все называли Иваном, почти не вспоминая, а то и не зная его фамилии. Был он прост и послушен. Ему еще не исполнилось семнадцать, но он прибавил себе два года, что сошло при его внешности, и так сумел призваться в армию. Его любили и как могли берегли. Большею частью держали в хоззвезде. Поздней осенью, когда выпал снег, Ивана с напарником - пожилым конюхом - послали за сеном. Поехали они на двух санях довольно далеко за Волхов. На обратном пути подобрали молодую разбитную бабенку - вольнонаемную прачку из хозяйственного батальона, действовавшего в дивизионном тылу. Попутчица устроилась с Иваном на задних санях на сене и в наступивших сумерках соблазнила соседа, лишив его невинности. На своем свороте женщина сошла, помахав Ивану ручкой. И только уже на подъезде к батальону Иван обнаружил, что в пылу первой страсти потерял валенок - стала нога стыть. История получила огласку из-за того, что Ивану не могли найти подходящий валенок 45-го размера. Достал-таки старшина Другов валенок Ивану из БУ, но другого цвета. Так и ходил некоторое время Иван в разномастных валенках и отбивался от безжалостных любителей острых ощущений, требовавших от него подробностей грехопадения на сене.

Малую толику составляли женщины неприступные, твердокаменные. К примеру, капитан медслужбы из нашего 455-го медсанбата А.П. Бахтина. Молодая, стройная, с красивым открытым лицом, темноволосая. Лет 25 ей было. К мужчинам относилась с нескрываемым презрением и, будучи острой на язык, легко загоняла обольстителей в угол. Я ее знал по "шапочному знакомству", встречая и приветствуя при посещении медсанбата. Сестрички рассказывали, что к ней неоднократно приезжал какой-то солидный пожилой генерал-лейтенант, предлагая ей перевод во фронтальной госпиталь с повышением. Но безрезультатно. Ее

стойкость вызывала удивление, иногда зависть. Некоторые безапелляционно утверждали, что она ненормальная. Таких "неприкасаемых" было мало, но они были.

В мужской, зачастую очень грубой среде бытовали всякие прозвища женщинам: шалашовка, ППЖ (походно-полевая жена). Последнее было особенно ненавистно женщинам. Одна моя знакомая выразилась так:

- Пусть я буду самая последняя б..., но только не ППЖ.

Именно в отношениях между мужчиной и женщиной больше всего действовала охаянная, но неистребимо живучая формула: война все спешет. Женщинам было неизмеримо трудней, чем мужчинам. Они вынуждены были жить в противоестественных для себя условиях. Со слезами вспоминает Тоня Ефимова, что приходилось подолагу, как-то до трех месяцев, не мыться, что временами засадали вши.

Нужно отдать должное командующему Волховским фронтом, в то время генералу армии, К.А.Мерецкову, который не постеснялся обратиться с деликатным "женским вопросом" в ставку к И.В.Сталину.

К вопросу о судьбе женщин-фронтовичек был причастен и Г.К.Жуков. В "Летописи жизни и военной службы маршала Советского Союза Г.К.Жукова" (М., 1989, стр. 358) упоминается, что весной 1942 года "Г.К.Жуков и его заместитель К.А.Мерецков обсуждают вопрос об условиях пребывания женщин на фронте".

В результате незамедлительно был решен вопрос о формировании женских воинских частей, женщинам-воинам было улучшено медицинское обслуживание, условия отдыха, форма одежды. Было снято нелепое распоряжение о запрете свиданий. Ведь были случаи, когда муж и жена, встретившись на фронтовых путях, не могли побыть вместе - не разрешалось.

У нас это отозвалось усилением знакомств, связей и ускорением портняжной и сапожной работ в хоззвезде. Без конца шили и перешивали женщинам шинели, пилютки, кубанки и сапоги. В большой моде были женские сапожки, пошитые из плащпалаточного материала. Подошвы и низы были кожаные, а голенища - двойные плащпалаточные. Такие сапожки закрашивались черной и надраивались до блеска. Внешне они не отличались от кожаных. Воду не пропускали.

В октябре у меня появилась возможность часто встречаться с Леной. Получил я для взвода совершенно неожиданное задание: собирать клюкву на болоте в расположении дивизии. На это большое болото было наложено табу: там остались немецкие мины со времени боев за плацдарм. Отыскать и обезвредить их никто не удопустил-

ся. Это было очень опасно да и невозможно в обширном болоте. Замечу, что и сейчас - 45 лет спустя - в приволховских болотах встречаются старые кое-где затонувшие мины и снаряды.

Теперь возникла острая необходимость снабжения госпиталей клюквой. Этот сбор мне и поручили. Сняли мы на кромке болота 4 противопехотных осколочных немецких мины в бетонных стаканах и проторили тропку к ягоду. Клюкву собирали только "на вынос", а бруснику собирали и для себя. Варили на костре ведро брусники, куда высыпали весь сахарный паек взвода, и наслаждались вареньем, которое ели из котелков, а то и из ведра ложками, как суп или кашу.

Вечерами я бегал в медсанбат и, если Лене отпускали, то мы ходили в дивизионный клуб на танцы. Дружба наша крепла, но оставалась платонической. Мои робкие попытки к более тесному сближению не встречали ответного желания.

Подошла 26-я годовщина Великого Октября. Один из праздничных дней был у меня без задания, и я получил разрешение на отдых, но с пребыванием в расположении части. Я сходил за Леной, которую отпустили беспрекословно: в медсанбате не было большой загрузки, а с моими приходами к Лене уже свыклись. Мы побывали немного в дивизионном клубе и в темноте по тропке, которую узнавали "на ощупь", пришли в саперный батальон. Долго стояли возле домиков, наблюдая небо. Оно было закрыто облаками и лишь в одном месте, где пробивался лунный свет, было видно, что облачный слой тонок с неровными просветами, края которых окрашивались луной в светло-оранжевый цвет. Временами в просветах показывалась неполная оранжевая луна и тут же исчезала. Необычная картина завораживала, тревожила.

Порядком намерзшишь, мы зашли в домик. Он был недавно рубленый, еще сыроватый, пахнувший лесом. Уютно гудела железная печка, потрескивали горящие дрова. Мы не зажигали светильник, довольствуясь слабым светом от печки. Сидели на единственной мебели - высоком топчане с аккуратно заправленной постелью. Дежурил Брейяну. Я велел ему принести поболее дров и сказал, что за печкой буду следить сам. Лена напевала несильным приятным голосом песню, которая очень нравилась мне:

"Лунный свет и запах тополей,

Он пришел из города, а я от полей..."

Я просил ее раздеться и спрятаться под теплое одеяло (откуда оно взялось?!), но она отказалась наотрез. Хотел помочь ей снять сапоги, но она ни за что не соглашалась, и я подумал, что, может быть, у нее что-то не

в порядке с ногами. Лена не делала попытки уйти, но и не сдавалась "на милость победителя". Не жаловалась она и на здоровье. Тогда я резко сказал, что уложу ее в постель прямо в сапогах. Это возымело действие. Лена нервно заговорила. Она стала рассказывать, что у нее уже был мужчина и как это все случилось и как она кается, что она не виновата... Я был поражен. Мне и в голову не приходило выслушивать ее исповедь. Мне не нужно было ее прошлое. Здесь, на войне, мы, уже перешагнувшие двадцатилетие, были очень взрослыми, и требовать друг от друга невинности было наивно, несерьезно, смешно, просто ненужно. Рассказ Лены не был сумбурным. Он был придуман и продуман, явно неправдивый, рассчитанный на сострадание к бедной жертве. Я боялся ее остановить, чтоб не обидеть, и не мог слушать ее. Сидел согнувшись, закрыв глаза и раскачиваясь, как от зубной боли. Лена не замечала моего состояния. Я понимал, что Лена человек не лживый и ее рассказ лишь форма защиты от тяжести окружающих условий. Наверное, мама воспитывала ее в понятии девичьей нетронутости до "настоящей" встречи, но жизнь безжалостно смяла все догмы довоенного времени. Потрясение и усталость сломили меня. Я с ужасом почувствовал, что у меня уже нет настоящего желания. И то, от чего рождаются дети, не произошло. Это была первая трещина в нашем еще не окрепшем союзе.

ПОДГОТОВКА

В августе на командный пункт 59-ой армии прибыли командующий Волховским фронтом генерал армии К.А.Мерцков и член Военного Совета Т.Ф.Штыков. Конечно, об этом визите и тем более о его цели ничего не сообщалось. Однако в войсках узнали о приезде командующего и поняли свою новую задачу.

Резко активизировавшиеся разведочные бои и усилившиеся учения говорили о готовящемся наступлении. В глубине обороны каждой дивизии были оборудованы учебные полигоны, на которых велась подготовка рот и батальонов к наступательным операциям. Поочередно дивизии выводились с плацдарма для переформирования и проведения полковых и дивизионных учений.

Особенно досаждал немцам в этот период бронепоезд, курсировавший на отрезке Гряды - Чудово. Каждая операция тщательно готовилась, и ночью бронепоезд подходил в район станции Дубцы, откуда давал залп из всех орудий и ретировался полным ходом в сторону Гряды - Б.Вишера. Немцы бесновались, осыпая Дубцы лавиной снарядов, но бронепоезда там уже не было. Немало наблюдательных пун-

ктов, артбатарея и других важных объектов противника уничтожил бронепоезд.

На учениях много внимания уделялось инженерному делу. Все рода войск обучались преодолению заграждений, наведению переправ и прокладке дорог. Естественно, что свое мастерство совершенствовали саперы. После удачного использования камня меня заинтересовала рекомендация снятия заграждений заранее подготовленным взрывом: в проволоку на кольях, в спираль Бруно, в завалы, в минное поле скрыто закладывалась серия зарядов с электродетонаторами, соединенными в цепь с источниками питания - батареей, аккумулятором - концы цепи выводились на два металлических кружка - крышки от консервной банки - между которыми прокладывался изолятор (лента, резина); перед атакой производился выстрел по яркому кружочку; пуля замыкала цепь, пробивая изолятор, и происходил взрыв. Мне удалось на занятиях взвода имитировать такую операцию, но возникло много затруднительных деталей: налаживание контактов цепи под носом у противника, сохранность источников питания, да и достать такие источники питания было не просто. Цепь могла быть легко прервана обстрелом. Для выстрела необходим был снайпер. Возникло много причин отказа взрыва.

Однако саму идею использования подготовленного взрыва для проделки прохода воплотил в жизнь сержант моего взвода Гомзиков.

В сентябре в районе Любцы, где находился вражеский опорный пункт на железной дороге Новгород - Чудово, была намечена разведка боем силами 2-го батальона 1247-го СП. Для обеспечения прорыва и дальнейшего продвижения выделили отделение саперов во главе с Гомзиковым. Накануне операции ночью саперы заложили серию пятикилограммовых зарядов в немецкую проволоку и соединили заряды детонирующим шнуром. От механического взрывателя отвели шнур метров на тридцать. Разведку начали утром, когда немцы завтракали. Одновременно с артолетом саперы взорвали заграждения и отошли на безопасное расстояние. После обстрела пехота без потерь преодолела нейтральную зону и, не задерживаясь на передней линии окопов противника, вступила в рукопашный бой на второй линии.

Батальон прорвал три оборонительных линии и занимал захваченный участок более суток. Были взяты пленные и трофеи. Гомзиков со своими бойцами участвовал во всем прорыве. Все саперы были награждены.

В эти дни произошло небольшое событие, заметно повлиявшее на мое положение в части. Меня вызвали в штаб, где я застал только писаря - старшину Румянцева. Румянцев подчеркнуто строго поприветствовал меня и вручил

приказ, в котором значилось, что в связи с болезнью капитана П.П.Пясковского временно исполняющим обязанности адъютанта старшего батальона назначается лейтенант В.Г.Руткевич. Я был крайне удивлен, но выдержал характер: что называется бровью не повел, так что ждавший эффекта Румянцев был разочарован. На приказе я увидел визу замполита Хангиальдина. Подумал, что не обошлось и без рекомендации дивизионного инженера Е.И.Русанова.

- Товарищ старшина, - обратился я к писарю, - ознакомьте офицеров с приказом.

- Слушаюсь, товарищ лейтенант. Вызывать их?

- Считаю, что это нетактично. Я лейтенант, Вы старшина. Обойдите всех лично. Командирам рот напомните, чтоб в 17.00 подали сводки.

Командиры рот явились вовремя и доложили, как положено, начальнику штаба. В дальнейшем я неоднократно замечал часто болевшего Пясковского, что ставило меня в несколько особое положение среди взводных командиров и вызывало настороженное внимание ко мне. Во всяком случае, покрививать на меня никто не пытался.

В октябре дивизию вывели на правый берег Волхова. Шло пополнение и усиление войск. Велась напряженная учеба. Я получил персональное задание срочно произвести глазомерную съемку старой крепости на берегу р. Волхов. По распоряжению комбата мне заседали огромного жеребца Буяна. Признаюсь, что к этому времени я дважды садился на лошадь: при посещении шефской воинской части в Саба-нских казармах в Одессе и когда уходил в армию в Забай-калье. При таком "опыте" я, конечно, не смог совладать с Буяном. Но выбора не было. Два конюха держали Буяна под узцы, а третий помог мне взгромоздиться на седло. Отпущенный Буян двинулся неторопливым шагом, не обращая внимания на мои пожелания. Так спокойно проехал я по мосту, где меня окликали многочисленные знакомые, подтрунивая над моей величественно неторопливой ездой. Для самоуспокоения я отсчитывал звучные шаги жеребца по настилу моста. На берегу Буян послушно повернул к крепости, но шагу не прибавил, как я ни старался. Я подъехал к невысоким полуразрушенным стенам крепостного двора. Вместо зданий остались одни фундаменты. Слезть с лошади я боялся и решил сделать съемку прямо с седла. Я сделал засечки компасом с одного угла стенки, а затем со второго. Вот здесь меня и выручили шаги Буяна. Ведь длину моста я знал точно до метра. Быстро высчитал длину шага лошади и, проехав вдоль стены, измерил ее длину. Тут же, сидя в седле, я расчертил на листике, положенном на планшетку, план крепости и проставил размеры. Самое трудное было свинуть Буяна к обратному рейсу. Но, как

только он понял, что возвращаемся на стоянку, он припустил хорошей рысью, а затем и галопом, от чего сердце мое сжималось в страхе и единственной мыслью было удержаться в седле. Так верхом я промчался мимо отскакивающих бойцов прямо на конную стоянку, где Буян остановился, как вкопанный, и я перелетел через его голову. Придя в себя, я с независимым видом явился в штаб и доложил о выполнении задания.

На этих "каникулах" в правобережья Волхова выпало мне еще одно испытание. Батальон менял свое расположение, в связи с чем был переход километров в двадцать. Уже через несколько километров я захромал. Открылся старый недуг. Еще с детства я болел артритом - воспалением суставов. Мать лечила меня по наущению врачей силициловым натром, делала ванны. Но когда я стал студентом, следить за мной и делать ванны было некому и негде. Болезнь была хронической и доставляла мне страдания физические и моральные. Одно время я так заболел, что не мог двигаться вовсе, и жившие со мной в одной комнате обшежития ребята носили меня в уборную на руках.

Попав на плацдарм в приволховские болота, в вечную мокреть, я с затаенным страхом отгонял от себя мысль о том, что ждет меня, если начнутся приступы артрита. Никому я не говорил об этом. И вот оно - это страшное - пришло. В суставах стопы, в лодыжках и пальцах появилась нудная вяжущая, все обостряющаяся боль. Я терпел, но начал хромать и отставать. Постепенно меня догнал обоз.

- Садись, товарищ лейтенант, - остановил телегу ездовой. И я сел. Через некоторое время я увидел двух верховых, наблюдавших, как проходит батальон. Это были майор Исаев и капитан Пясковский. "Взгреем", - подумал я. На первом же привале комбат делал замечания о марше и, не называя фамилии, отметил:

- Офицер - пример выдержки для солдата, а некоторые едут на телеге, когда батальон на марше.

И я пошел, решив, что буду двигаться, пока не сваюсь. Не сваился. С тех пор и поныне не посещал меня артрит. Когда ветераны беседуют между собой о болезнях, связанных с войной, я молчу. Мне почему-то стыдно. Лишь самым близким друзьям я поверяю, что волховские болота не угробили меня, а исцелили. Когда рассказываю, чувствую, что мне не верят. Но это факт.

В октябре 1943 года меня принимали в партию. Перед собранием со мной беседовал парторг капитан Колотилин. В "Кильдальме" всегда недоумевали, зачем в нашей маленькой части два освобожденных политработника: замполит и парторг. Тут и одному не всегда было, что делать. Даже

читки газет и беседы среди солдат проводили, как правило, командиры взводов. Разговор с Колотилиным получился совершенно отвлеченным.

- Скажи, Руткевич, - спрашивал капитан, - ты Гельвеция читал?

- Нет, товарищ капитан, не читал.

- А у меня брат читал, - удовлетворенно закончил беседу Колотилин.

Хорош он был тем, что не таил никакого зла.

Полным ходом велась подготовка к наступлению в ноябре и в декабре. Саперы укрепляли старые и строили новые подъездные пути для артиллерии и танков. Артиллеристы оборудовали позиции для тяжелых орудий. Ночью с берега Волхова было видно, как спускались с правого берега к переправам танки, пушки и другая техника. Склон был засеян синими под козырьками огоньками. На левом берегу время от времени начинался ураганный артиллерийский обстрел, под адский грохот и вой которого к переднему краю стягивались тяжелые орудия и танки. Пушки калибра 203 мм были подняты к самому переднему краю для уничтожения немецких ДОТов прямой наводкой. Пристрелку вели рядом стоявшие полковые пушки 76-мм. Вообще пристрелку осуществляли одиночными орудиями от каждого дивизиона, соблюдая обычный режим ведения огня, чтобы не привлекать повышенного внимания противника. Леса наполнились частями прорыва. Казалось, что не осталось незанятого места на плацдарме. Совершался титанический труд сосредоточения огромной наступательной силы в непроходимых болотах левобережья Волхова. 3-го ноября я писал Нине Карасевой: "Скоро, Нина, ты будешь читать описание тех огневых путей, по которым я иду. Может быть, не будет "Вовчика", но ты помни, как полнокровно он живет и тебе то же завешает".

Занятия, тренировки в войсках не ослабевали. На одно из учений в декабре пришлось собираться очень спешно. Пясковский даже не вызывал в штаб, а пришел сам.

- Быстро, Руткевич, бери взвод и на полигон. Там уже ждут. Русанов звонил, что полковые саперы заняты, а без сапер нельзя.

- Какая задача, товарищ капитан? - спросил я.

- Там узнаешь. А делать будешь, как всегда, проходы.

Бойцы мои собирались привычно: быстро, но без суеты. Они были довольны. Как бы то ни было, а учение все же не бой. Я предупредил, что уходим на весь день. Бойцы были уже экипированы на зиму, так что холода не боялись. А было морозно и дул северный пронизывающий ветер. Я подумал, что на полигоне - вблизи Волхова -

ветер мчится, как в трубе, и безжалостно сечет. Шинелька у меня, сшитая из двух коротких английских, была хоть и модная, но тонковата для такой погоды. Подошел старшина уточнить, куда и когда привозить обед. Увидев, как я старательно застегиваюсь, старшина сказал:

- Товарищ лейтенант, полушубки привезли. Еще не раздавали, но я Вам выдам сейчас. На Вас легко подобрать, фигура у Вас стандартная.

Мы быстро прошли к каптерке, и я получил новый белый дубленый полушубок с густым мехом. Полушубок был действительно, как шитый по заказу. Я переоделся. На полушубке не было пуговиц и петлей для погон, и я решил идти, как есть. Меня все знали, а времени на пришивку погон не было.

На полигоне уже собрались все участники занятий. Руководил майор - замкомполка. Задание гласило: прорыв переднего края обороны противника стрелковым батальоном, усиленным артиллерией и пулеметами. Наступление планировалось одновременно тремя ротами в трех местах. Я разбил взвод на три отделения и отправил отделения в распоряжение командиров стрелковых рот с задачей проделывать проходы и сопровождать пехоту в прорыве. Справа в небольшой ложине замаскировались две 76-мм пушки.

Офицеры собрались на небольшом бугре. Здесь кроме замкомполка были комбат, начальник артиллерии полка, начальник связи, командир разведвзвода и ПНШ-1. Два штабных офицера ушли за линию обороны "противника" как наблюдатели.

Занятия были трафаретными, не имели остроты, и офицеры лениво наблюдали за действиями на полигоне, курили, "травили" анекдоты.

Неожиданно заурчал мотор, и к нам подкатил "Виллис", который почему-то назывался в армейской среде "Бобиком". Из машины вышел высокий статный генерал. Это был командир 112-го стрелкового корпуса генерал-майор Ф.Я.Соловьев. Мы несколько смешались. Побросали сигарки. Первым пришел в себя, как и положено, старший по званию и по должности майор - заместитель командира полка. Он вышел вперед и отрапортовал, что идет учение.

- Где Ваше место, товарищ майор?! - сердито спросил генерал.

- На опушке, товарищ генерал-майор. Там оборудован наблюдательный пункт и...

- Марш на место, - повысил голос генерал.

Один за другим докладывали офицеры и убегали по своим местам. Я остался последним, как младший по званию. Встретив вопрошающий взгляд генерала, я сбросил рукавицу, которая была прикреплена к шнурку, вскинул

руку к виску, отдавая честь, и отчеканил:

- Лейтенант Руткевич - командир взвода 440-го отдельного саперного батальона. Взвод обеспечивает проходы пехоте и артиллерии в минных и проволочных заграждениях.

- Где твое место? - грозно, как мне показалось, спросил генерал, не обратив внимания на то, что я без погон.

- Здесь, товарищ генерал-майор.

- Почему? - удивился генерал.

- Отсюда видны все три участка прорыва и можно своевременно отреагировать на действия сапер, сопровождающих пехоту.

- А связь? - заинтересовался генерал.

- Со мной связной, - и я указал на смиренно стоящего метрах в 20 от нас в небольшом окопчике бойца, - и я сам могу направиться на нужный участок.

- Логично, - сказал генерал. - Значит, стоишь?

- Стою, товарищ генерал-майор.

- Ну и стой, как ... - отрубил комкор.

Откозырял и, круто развернувшись, энергично пружинистым шагом спустился к "Бобику". Хлопнула дверца, и машина, как темный колобок, покатила, запетаяла по неровной дороге и вскоре скрылась на север в сторону Званки. Я подумал, что там переправа, а значит, генерал сюда уже не возвратится. Несколько минут я был на высоте один. Курить было нечего, все осталось в кармане шинели, и я просто ходил, оттирая замерзшую во время разговора с генералом руку.

Вскоре все разбежавшиеся офицеры собрались. Ахали, охали, дакали. С любопытством поглядывали на меня. Наконец майор спросил:

- Слушай, что за долгий разговор был тут у вас?

- Это наше с генералом дело, - солидно произнес я.

- А почему он тебя не прогнал? - допытывался артиллерист.

- Уметь надо, - загадочно произнес я.

От дальнейших расспросов меня спасла белая ракета - сигнал на обед.

В ночь под Новый 1944-й год майор Исаев назначил меня и Балакирева дежурными по части: меня в старом году, а Ивана уже в новом. Иван из солидности пришел пораньше, и мы договорились объединить дежурство в одно. Ни он, ни я не назначили свиданий своим девушкам. Выпить нам тоже было нельзя, хотя мы чуть-чуть нарушили закон, внедрив в 12 часов по сто граммов водки. Чтобы не тревожить батальон, мы произвели салют в своей землянке, выстрелив 21 раз из наганов в потолок, с которо-

го нас обсыпало не конфетти, а древесной и земляной пылью.

ПЕРВЫЙ ИЗ ДЕСЯТИ

Пора! И мы дождались срока,
Теперь пришел и наш черед,
Ты клялся бить врага жестоко,
И вот твой час настал, вперед!

А. Чивилихин

14 января 1944 года в 9 часов утра густую снежную пелену в левобережьи Волхова разорвала мощная канонада. Началась битва за снятие блокады Ленинграда, за освобождение древнего Новгорода, Ленинградской и Новгородской земель.

В артиллерийской подготовке, которая длилась полтора часа, участвовал 933-й артполк нашей 377-ой СД. Вся же дивизия в составе 112-го стрелкового корпуса находилась во втором эшелоне, ожидая своего часа.

В батальоне еще и еще раз проверяли готовность к походу, к действиям без возвращения на постоянную базу. Проверялись личные вещи всего состава без исключения, выбрасывалось все, без чего можно обойтись. Готовились к боям в условиях суровой зимы и соответственно оделись и обулись. Тщательно проверялась обувь, как главный элемент экипировки в походной жизни. Все были в новых валенках, которые усиленно "расхаживали".

15 января все еще шел снег и держался мороз. Узнали, что наши части прорыва перерезали дорогу Новгород - Чудово.

16 января появилась слабая оттепель.

17 января пришло известие, что, расширяя прорыв на юг к Новгороду, войска 6-го стрелкового корпуса штурмом взяли Подберезье - важный опорный пункт немцев на подступах к Новгороду. Не знаю, кто проявил инициативу, но старшина Бельтиков с помощником на двух санях немедленно выехали в Подберезье и привезли оружие: автоматы наши и немецкие. Все перевооружились, а старые винтовки и карабины сдали на склад в Селищах. Некоторые бойцы не захотели менять свои карабины, к которым привыкли: при работе на минном поле карабин удобно лежал на спине, не мешая рукам. Удобен был карабин и на ходу. Приходилось учить, что саперы несли кроме оружия еще шанцевый инструмент: кто саперную лопату, кто топор, кто пилу. Вдаль от обоза мы отрывались.

18 января дивизия получила приказ на наступление. Первым этапом был переход через старую оборону в районе

населенных пунктов Мясной Бор и Спасская Полясть.

Мы втроем - Баталов, Круглов и я - подошли к тому месту, где в июне 1942-го года выходила из окружения 2-я Ударная армия. Узкая горловина прохода составляла в некоторые дни 300-400 метров. В последние дни этой героической операции проход удерживали курсанты армейских курсов младших лейтенантов и школы младшего состава. Они водрузили флаг, близ которого почти все и погибли. Нам это место было знакомо, как наиболее тяжелое для минных работ. Теперь мы ходили здесь в полный рост, рассматривая сплосшую чешую металла, скрывшего землю. Сохранился металлический высокий флагшток с вылинявшим, ставшим почти белым небольшим флагом.

Вечером мы зашли в здание бывшего полкового клуба, где разместился санитарный пункт. В углу большого зала вокруг железной печки сгрудились легко раненные артиллеристы. Белели повязки на руках, ногах, головах. Раненые пели. Пели без крика, но с таким глубоким чувством, что захватывало дух. С надеждой и верой выводили:

Эх, как бы дожить бы
До свадьбы-женитьбы
И обнять любимую свою!

19-го резко потеплело. Хорошо, что еще не оторвались от обоза. Срочно переобулись. И вовремя. Первым заданием в наступлении стала проводка танковой бригады через заболоченный лес. Нужно было настелить гать длиной более километра, чтобы танки вышли кратчайшим путем к железной дороге Новгород - Чудово и далее к дороге Новгород - Ленинград. Всем батальоном стали мы на валку леса. Одновременно прорубали просеку и гатили ее сваленными деревьями. Стволы сбрасывали с двух сторон крест-накрест, а где были прогалины, там подтаскивали деревья со стороны. Работали так напористо, с таким азартом, что командирам приходилось следить, как бы кого не покалечило. Наконец достигли твердой земли, где проходила старая дорога, пригодная для танков. Вспыхнула ракета, и гремевшие моторами танки ринулись через гать, стремясь ее проскочить с ходу. Сначала придавленная мощной техникой дорога выровнялась, затем стала проседать, и последний танк шел уже по сплошной воде. Бригада разделилась на батальоны, которые придавались стрелковым полкам. Разделились и мы - саперы: вначале по ротам, а потом и по взводам. Дивизия еще не втянулась в бой, и у нас была возможность спать. Мы с Кругловым, убедившись, что наши солдаты нашли себе пристанище, забрались по рекомендации своих связных в какую-

то низкую-пренизкую - проход только ползком - землянку. Застелили намерзший ледяной пол ветвями и улеглись. По-днятые среди ночи, мы жгли спички, чтоб собраться, и обнаружили, что спали на вмерзшем во льду труп. Чей труп, мы не разбирались. Не до того было.

Генеральное направление дивизии было на запад, на Лугу. Главная задача саперов заключалась в проводке танков и артиллерии, в разведке и прокладке дорог. Конечно же, в насаживании переправ и разминировании местности.

20-го января дивизия вышла к дороге Новгород - Чудово, взяв Долгово и станцию Татино. В этот же день наши политработники сообщили во все взвода об освобождении Новгорода.

Среди заснеженной пустыни, по которой мы шли, вдруг показались приземистые каменные строения с высокой трубой, от которых валил дым и несло удушливым смрадом горевшего хлеба. Никогда не думал, что паленый хлеб имеет такой тяжелый запах. Как оказалось, немцы, отступая, зажгли свою же пекарню. Несколько бойцов забежали туда и принесли уцелевшую продукцию - это были кирпичной формы черные эрзац-хлебы, не очень-то съедобные. Видимо, у немцев была перебои с продуктами.

Первым от нас оторвался взвод Вани Балакирева, который вошел в передовой подвижной отряд для преследования противника. Рота с оставшимися двумя взводами - Круглова и моим - сопровождала танки, которые то и дело застревали в болоте. Спали мы по два-три часа в сутки. Деревни и поселки, которые мы проходили, значились только на карте. На местности были засыпанные снегом поляны с ямами и буграми вместо домов, с торчащими сиротливо печными трубами. Мы с Володей освоили способ наиболее рационального в наших условиях отдыха. Мы снимали полушубки и один стелили на снег или на лапник, если поблизости был лес, затем ложились на один бок вплотную друг к другу и накрывались вторым полушубком. Удавалось проспать 30-40 минут, после чего мы вскакивали, энергично прыгали, обхлопывались руками, отогревались как могли и вновь ложились уже на другой бок. И так раза два-три. Был и более комфортабельный вариант, когда к нам присоединялся Вася Баталов, и мы ночлежничали втроем: разгребали снег, клали лапник, накрывали его плащпалаткой, затем стелили один полушубок, а в голову подкладывали валенки и ложились на это сооружение втроем, тесно прижавшись друг к другу. Накрывались двумя полушубками, и ординарец еще закрывал нас сверху плащпалаткой. Это был уже настоящий "люкс". Иногда нас за какие-нибудь полчаса засыпало снегом. Ну, а более 30-40 минут мы в

этой гостинице не выдерживали.

Противник отступал, не поддаваясь окружению, но яростно сопротивлялся на каждом месте, где можно было зацепиться. Нередко и контратаковал. К 27-му января дивизия продвинулась более чем на 40 километров, овладев рядом населенных пунктов, в том числе: Оссия, Поддубье, Закаинье, Заболотье, Либунцы, Вольная Горка, Велегоши. Продвижение было медленным. Мы, образно говоря, прогрызали оборонительные преграды противника. Но настроение в войсках было высокое. Как мы все были рады, узнав 27-го, что Ленинград освобожден от блокады. Это известие вселяло уверенность, что теперь мы немца погоним. Но и противник, потеряв все надежды на Ленинград, стал неистово упираться. С 28 по 30 января 1251-й полк топтался под деревней Мокрицы и лишь на третий день сумел взять ее. Еще более упорные бои завязались на подступах к железной дороге Дно - Ленинград на участке Оредеж - Батецкий. Семь дней длился бой за деревни Гверезно и Белое. 1-го февраля 1249-й полк захватил Гверезно, а 1247-й - Белое. Но 3-го противник вышиб нашу пехоту из этих деревень.

Я со своим взводом был направлен в 1249-й полк. Ночью мы с полковым инженером Савой Салуном пробрались к центру Гверезно, где образовалась разграничительная линия между нами и немцами. Посредине большой площади стоял колодец. И тут мы наблюдали своеобразное "перемирье". От темных глыб разрушенных изб с противоположной от нас стороны площади вышел немецкий солдат с четырьмя котелками в руках. Он быстро подошел к колодцу, наполнил котелки и так же быстро ушел к своим, через несколько минут вышел наш красноармеец с котелками и совершил ту же операцию. Затем возобновилась яростная перестрелка. Пехота была здорово выбита и в ожидании подкрепления командир полка поставил в оборону снайперскую роту девушек. С рассветом подошло новое подразделение, сменившее снайперок. С поля боя уносили раненых и убитых девушек. Поредевшая рота во главе с высокой блондинкой, которую мы называли Анка-пулеметчица, уходила с передовой. На опушке леса стояли несколько офицеров.

- Эй, вы, . . . , - кричала Анка, - на баб оборону бросили. Больше не признаем вас. Чтоб никто не подходил. . . мать вашу. . .

Ругалась она грязнейшим матом, отчаянно, с надрывом, так что действительно уши вяли. По красным обветренным щекам ее текли слезы.

Теперь, вспоминая Гверезно с Антониной Ивановной Федоровой, которая в том бою была снайперкой Тоней Ефимовой, я написал и подарил ей стихи:

Однажды снайперская рота
Спасала грешную пехоту,
Которая, признаюсь честно,
Попятилася у Гверезно.
Врагов задержана лавина,
Но девушек осталась половина. . .
Не мало видел я боев,
Но этот был страшнее снов.
Сломал заслон стрелковый полк,
Бой отдалися и умолк.
Девчат несли кровавым следом,
И косы засыпало снегом.
И сколько б мне не жить,
Мне этот бой не позабыть.

Седьмого наши полки прочно заняли Гверезно и Белое. Здесь нам попались экземпляры белоэмигрантской газеты "Посев", издававшейся при немцах в Пскове. Вспоминаю карикатуру на Сталина: с висячим "кавказским" носом и с огромным топором, с которого стекает кровь. Нам это казалось святотатством. Мы не могли себе представить карикатуру на своего вожака.

Мне все чаще приходилось отыскивать пути для батальона и для всей дивизии. На рассвете восьмого февраля я без взвода пошел разведать обстановку на подступах к станции Оредеж. Здесь наша дивизия стыковалась с войсками 54-ой армии. В этом месте должен был наступать 1247-й СП нашей дивизии. Я шел, ориентируясь по карте. Было безлюдно и тихо. Закончилась поляна, и на опушке леса я увидел следы совсем недавнего боя. Все было усеяно трупами. Крест-накрест лежали наши бойцы и вражеские солдаты. Здесь дрались рукопашную. Наша пехота была одета в белые маскхалаты. Вид солдат противника был необычен: они были без шинелей в распахнутых мягких темно-коричневых куртках, под которыми виднелись узорчатые свитера. Такие же темно-коричневые брюки были заправлены в сверкающие лаком сапоги. Волосы, смазанные бриллиантином, были зачесаны гладко наверх и блестяли. На поясах висели кинжалы в инкрустированных ножнах, в руках были легкие немецкие "козлики". Это были испанские фашисты-добровольцы из 250-ой "Голубой дивизии", которые 29 месяцев вместе с немцами оккупировали Новгород. Через 10-15 метров не стало трупов советских солдат, повсюду валялись только испанцы. Видно было, что многие из них пылались бежать, но были скошены автоматным огнем. Через лес в нужном мне западном направлении

шла широкая просека, на которой там и сям виднелись убитые вояки "Голубой дивизии". Посредине просеки стояла большая крытая автомашина, по общим очертаниям схожая с нынешним "Пикапом". Двустворчатая задняя дверь была открыта. Внутри на мощных пружинах-амортизаторах были подвешены две койки. Машина загрузла задним колесом в топь и теперь вмерзла. Внешне она впечатляла: отливалась темно-коричневым лаком, все края кузова были обтекаемы, блестели никелированные ручки, обводы. Кабина, стекло - все сохранилось в целости. По надписи на радиаторе я понял, что это итальянская машина.

Просека кончилась. На поляне я увидел грузовой автомобиль с длинным зеленым кузовом. Кузов с невысокими бортами был завален трупами испанцев. Видимо, пытались вывезти убитых, но снаряд настиг машину, угонив прямо в кабину. Вскоре стали появляться наши солдаты и офицеры, и я выяснил, что бой с испанским легионом вела часть из 54-ой армии. Я взял левее и нашел 1247-й полк нашей дивизии, который уже втянулся в бой на окраинах Оредежа.

Когда я возвращался по той же просеке, навстречу двигался непрерывный поток пехоты. Я подивился расторопности некоторых "славян": санитарная итальянская машина была полностью расташена, остался лишь металлический каркас и вмерзшее колесо. Многие трупы испанцев были раздеты до шелкового белья, а иные и до голого тела. По возвращении я доложил о связи с полком и о дороге. В ожидании новой задачи написал письмо Нине Карасевой (отрывок): "Если когда-нибудь будет возможность, то расскажу все-все. Сейчас скажу лишь то, что вижу и переживаю, часто переходит границы даже моего сумасшедшего воображения. За весь путь мы не встретили ни одного мирного жителя, все деревеньки вдоль шоссе заранее сожжены, но зачастую фрицы так бегут, что ничего не успевают минировать и бросают все имущество на дорогах и в канавах. Больше всего мечтаем о сне, нередко спим три часа за трое суток. Рвем мосты и минирuем дороги в тылу немцев, строим бесконечные гати через эти проклятые болота. Весь январь буквально мокрый, позавчера вернулся из рейда, в тыл к немцу - 3-е суток были без пищи, мокрые, по колено в грязи. Все как с гуся вода - трудно верить."

Сегодня обстановка такова, что маленькая деревушка в шесть домов, которые не успели сжечь, должна быть превращена в крепость, противник яростно контратакует, он боится потерять важную магистраль. С минуты на минуту ждем боя.

Не так, Нина, может быть, действительно Ваши дружеские чувства берегут меня, только вчера я попал под

артогонь так, что все окружающие меня были убиты или ранены, а я остался цел и невредим среди шести воронок в 2-3 метрах вокруг меня. Ну это все должно казаться читающим романтикой и вымыслом. Жалею, что не имею времени хоть кратко описать наш путь и действия".

Вечером 9-го февраля я был вызван в штаб дивизии, где получил непосредственно от командира дивизии полковника Семена Сергеевича Софронова задание разведать в ночь дорогу к селению Ясковичи.

- Через два часа по вашим следам пойдет дивизионная артиллерия, штаб, все службы. Никаких ошибок быть не может. Обо всем непредвиденном сообщайте связным, - сказал командир.

Сложность задания была в быстроте исполнения. Взвод не мог задержаться, чтоб разобраться в обстановке. Все нужно было решать на ходу. Нас было 12 человек. Шли мы гуськом, молча, быстро. Впереди метров за пятьдесят шел дозор из двух человек. Попали мы на ведущую в нужном направлении старую лесную дорогу, по которой давно не ездили. Все было покрыто чистой белизны снегом. Ночь была лунная, но плывущие облака время от времени затмевали свет. Карта у меня была старая - съемки царского времени. Дороги, по которой мы шли, я не определила на ней, но лесной массив был отмечен. Дорога иногда раздваивалась, и мы делились на две группы, просматривая обе ветки. Вдруг дозор остановился, впереди открылась поляна, посреди которой темнела большая рига. Подойти можно было только по открытому месту. Но медлить было нельзя, и двое бойцов резким броском пересекли поляну и прижались к стенам. Быстро обошли ригу, открыли заскрипевшую дверь, полезли наверх. А взвод уже шел, миновав поляну. Отставшие быстро догнали нас. На моей карте поляны с ригой не было. В полночь нас обогнали шедшие на лыжах разведчики со своим заданием. Они, как и мы, никого не встречали. Разведчики свернули в лес по бездорожью.

Еще до рассвета мы пересекли лес и вышли к открытому месту. Вместо одной ожидаемой деревни Ясковичи я увидел целых три. До самой близкой было около километра снежной равнины. В деревне ни огонька, ни звука. Что там было? Враги, свои, только жители или пустые дома? Мы разделились: двое с дистанцией между собой 50 метров пошли напрямую к домам, двое пошли влево по кромке леса в обход. Оставшиеся со мной рассредоточились, выбрав места для наблюдения и возможного боя. С каким напряжением мы смотрели на две темные фигурки, идущие через полное угроз пространства. Мог ударить навстречу неотвратимо смертельный огонь, могла взорваться под ногами

мина, могла ждать на подходе к домам засада. Время, казалось, тянулось бесконечно, а прошли считанные минуты. Явно светало. Позади, где мы прошли, уже двигалось ядро дивизии. От нас сигнала нет, значит, все спокойно, и дивизия идет форсированным маршем. Наконец, наши разведчики достигли околицы. Один пошел прямо к дому, а второй залег у какого-то пня. Но вот он встал во весь рост и, повернувшись к нам, призывно замахал рукой. Мы перебежали поляну гуськом, рассредоточившись через 20-30 метров. К удивлению, деревня была цела. Мы окружили ближайший двор и заглянули в избу. Двери были не закрыты. На полу, на лавках, повсюду безмятежно спали бойцы нашей дивизии. Оказывается, обходным путем один из полков занял ночью без особого труда деревню, оставленную боявшимся окружения противником. Я подивился беспечности спавших. Подоспел и наш боковой дозор. Мы быстро прошли деревню и также заняли пустую избу. Жителей не было, но было видно, что люди ушли спешно, не успев ничего сделать по дому. Бойцы растопили печь, скипятили воду. В избе нашлась картошка, соль. Достали "НЗ", хорошо поели. Я выставил часового, разрешив остальным спать. Сам спать не мог, сидел у окна. Через два часа на улице показалась рота автоматчиков и за ней вся колонна дивизии. Вскоре появился штаб саперного батальона. Я доложил об исполнении задания, и капитан Пясковский разрешил взводу еще час отдыха. Мой вездесущий связной принес сумку немецкого офицера, в которой нашелся топопланшет издания 1938 года. Как сумели немцы заполучить такую карту? Карта была на немецком языке, но я ее успешно использовал, вспомнив свои школьные познания, не зря был отличником.

После Заклинья, уже на подступах к Луге, мы стали встречать местных жителей. На подходе к одной из деревушек мы увидели большой, примерно 8x12 метров, свежей постройки рубленый в замок сарай. Двери-ворота сарая были окованы наугольниками. По диагонали протянулась железная полоса-завеса, одетая петлей на кольцо, через которое был насмерть вбит металлический патрубок. Угол сарая горел. Изнутри слышались крики. Мы стали вырубать часть бревна с кольцом. Из сарая кричали:

- Скорее! Горим! Здесь дети...

Отбросили завесу. Двери резко распахнулись, и из сарая толпой вырвались люди - женщины, дети и несколько старых дедов. Какой у них был страшный вид, как они кричали! Всего их было 40 человек. Некоторые бросились обнимать и целовать нас, другие, не обращая ни на кого внимания, куда-то бежали. Оказалось, что заперли их и подожгли сарай "свои" полицай. Хорошо зажечь сарай они

не успели, что и спасло людей.

Через километр мы увидели отворот к деревне, на котором лежал труп женщины. Она была почти голой с обрывками нижней сорочки на теле. По синим ногам застыли потоки крови. Женщина была зверски изнасилована. Лежала она на спине. Вместо левого глаза чернела огромная четырехугольная дыра, сквозная до самой земли. Видимо, ее убили страшным ударом лома. Какая ярость вспыхнула у нас, когда мы это увидели...

Далее на пути нам стали встречаться выходящие из лесу люди. Это были женщины с детьми, с узлами и корзинами в руках, с мешками на плечах. Одна вела козу. Они бросали свои пожитки и подбегали к нам. Обнимали, целовали, плакали:

- Родненькие, родненькие наши...

Пытались угощать нас, что-то доставая из своих запасов. Некоторые спрашивали о своих "мужиках": не знаем ли часом, где такой-то и такой-то. Едва я увел взвод. Нам еще рано было радоваться. Поразила меня одиноко стоящая у засыпанного снегом пепелища старуха с желтым морщинистым лицом. Она непрестанно кланялась, крестилась и повторяла:

- Гоните, гоните его проклятого ажник до самого Уралу...

Я хотел было объяснить бабке, что говорит она несуразное, но увидел в ее слезящихся глазах безумие и... осекся.

Стали встречаться уцелевшие деревни. В одной избе, куда мы зашли напиться, нас встретила женщина лет тридцати, явно городская. Возле нее копошился беленький пацаненок возрастом годик-полтора. Женщина была очень смущена, объяснила, что она учительница из Ленинграда и ее тут застала война. А виновником сынишки назвала хозяйка дома: она указала на лежащего на печи деда, которому, сообщила она, 65 лет. Дед безучастно смотрел мимо нас и молчал. Мы ни о чем не расспрашивали, но женщина, сильно волнуясь, все оправдывалась и оправдывалась. Я подумал, что ее неприятности еще впереди: за наступающими частями шли пограничники - заградительные отряды, которые очень строго проверяли все и всех, в том числе и от кого родились в оккупации дети.

12 февраля совместными ударами 59-й армии Волховского фронта и 67-й армии Ленинградского фронта была освобождена Луга. Из нашей дивизии в Лугу вошел передовой отряд, в котором был саперный взвод лейтенанта Балакирева. Вся же дивизия резко повернула на юг - на выручку окруженной немцами южнее озер Врево и Череменицкое группе командира 256-ой СД полковника А.Г.Козиева. Мы

пересекли дорогу Луга - Новгород. Дорога была разрушена основательно с немецкой педантичностью. Все шпалы были сломаны посередине и повернуты сломанными концами в одну сторону, образуя угол. Немцы сконструировали разрушающее устройство: тяжелую тележку с крюком, которую тащили два спаренных паровоза, крюк ломал и выворачивал шпалы. Под один уровень на высоте около полутора метров также специальным приспособлением были срезаны телеграфные столбы.

Дорогу нам перегородила речка Врева шириной, помнится, 12-14 метров. Невысокие берега ее были обрывисты, сама речушка достаточно глубока, где-то метра два. Льда не осталось. Чернела беспросветная ледяная вода. Срочно нужен был мост для пропуска танков и артиллерии. Весь саперный батальон стал на стройку. В помощь добавили стрелковый батальон. Работа велась под руководством дивизионного инженера подполковника Русанова. Береговые опоры не вызывали затруднений, а в воде решили поставить две опоры клетью, чтобы было быстро и надежно. Неподалеку, метрах в трехстах, была роша, откуда пехота бегом доставляла не плечах бревна. Мой взвод ставил одну из клетей. Венцы делали с небольшим врубом в углах, а соединяли и крепили все скобами. Несколько раз налетали немецкие самолеты. Пехота разбегалась, находя себе укрытия. Саперы не отрывались от моста. Появились раненые. Все промокли. Работали без какого-либо перерыва. Бойцы просили курить. Приходилось свертывать и раскуривать для них сигарки. Венцы скрепляли, стоя на вспомогательных в две доски мостках, затем залезали на венец и раскрепляли его. Нужно было строго следить за правильностью укладки венцов, чтоб было ровно, без перекосов, чтоб клеть стояла вертикально. Высота клетки получалась около 3-х метров. Через 3-4 венца делали венец с полным врубом в углах и добавляли промежуточное бревно. 4-хметровые бревна на венцы были сырые, тяжелые. Все было мокрое, скользкое. Саперы роняли в воду инструмент и скобы. Непослушные бревна выскальзывали из рук, ударяли и придавливали работающих. Прогоня стелили уже в полной темноте. Огромные хлысты до 14 метров длиной пехота всем составом подтаскивала бегом, неся их на плечах. Клали их сплошьяком, скрепляя скобами. Затем стлали поперечный бревенчатый настил. Когда крепили по краям настила колесоотбой, некоторые бойцы лежали ничком на мосту, не в силах подняться.

Подполковник Русанов обошел сооружение и удовлетворенно констатировал:

- Этот мост выдержит паровоз ФД.

Пришли старшины рот, приглашая всех в деревню, где

саперов ждал ужин в теплых избах. Некоторых пришлось вести под руки. Всех предупреждали не сходить с проторенной в снегу дорожки. Двое бойцов пошли, как слепые, вне дорожки: один подорвался, а второй, спасая товарища, тоже напоролся на мину.

Бойцы с трудом раздевались. Обнаружились легко раненные осколками при бомбежке. Некоторые, сразу разомлев в жарко натопленных избах, засыпали, не поев. Даже водку не все сумели выпить. Изнеможение было полное.

В охрану выставили стариков из хозяйственного батальона, связных старших начальников. Бодрствовали старшины и часть офицеров. Было опасно: в окружающих лесах бродили группы не успевших уйти немцев.

16-го февраля совместными усилиями группы Козиева и войск 59-ой армии кольцо окружения было прорвано. Последнюю роль в этой операции сыграл могучий мост через Вреву. Здесь мы узнали, что Волховский фронт выполнил свою задачу до конца. "Таким был первый удар из серии тех знаменитых десяти ударов, которые нанесла Красная Армия по немецко-фашистским захватчикам в 1944 году" (А.К.Мерецков).

ТРИСТА МЕТРОВ НАЛЕДИ

59-я армия была передана в состав Ленинградского фронта, которым командовал генерал армии А.А.Говоров. Боясь окружения, немецкие войска группы "Север" оторвались от наших войск и стремительным броском оставили Ленинградскую область, уйдя за реку Нарву в пределы Эстонии. 377-я СД получила приказ командира 112-го стрелкового корпуса совершить с 19 по 28 февраля длительный марш около 150 км с выходом на реку Нарву у населенных пунктов Ольгин Крест, Степановщина и Омуги. Это участок вблизи Чудского озера, из которого вытекает река Нарва. Мне в этом марше участвовать не пришлось. Я получил приказ проверить, нет ли мин в расположении 455-го медсанбата нашей дивизии. Медсанбат занял единственное уцелевшее в большом селении трехэтажное здание. Здание было явно дореволюционной постройки, возможно, помещичий дом. В доме было много различных комнат с высокими потолками и большими окнами. Трудно было поверить, что немцы, тщательно разрушив все селение, оставили просто так этот вместительный дом. Я подивился, как неосторожно расположилась здесь санитарная часть. Вспомнился рассказ Вани Балакирева, что в Луге какой-то артиллерийский дивизион занял одно из сохранившихся зданий, которое ночью взлетело на воздух, и невредимым остался лишь один боец, накрытый углом обвалившихся стен. Из

этой ловушки его выгнали совсем седым.

Представившись командиру медсанбата капитану Юрлову, я немедленно стал осматривать здание. Большинство комнат, отведенных под палаты, были свободны, так как раненых уже эвакуировали. В одной из палат я застал полковника - командира дивизии. Неоднократно встречая его ранее, я восхищался его подтянутостью, строгостью, внушительной резкостью движений, непререкаемым начальственным голосом. Здесь я не узнал его: Полковник полулежал на койке, поставив ноги на пол. Китель его висел на спинке стула. На стуле лежал пистолет в кобуре и большой нож в чехле. Я представился и доложил, с каким заданием появился здесь.

- Действуй, лейтенант, - вяло произнес полковник, равнодушно скользнув по мне взглядом.

Я обратил внимание на идущие по стенкам у потолка две нитки электропроводки. Проводка была кабельная, немецкая. Я стал осматривать выключатель.

- Эх, ты! - вдруг сказал полковник. Он вскочил с кровати, выхватил из чехла нож и, подойдя к стене, резким ударом рассек оба провода сразу.

- Вот так надо! А ты возишься, как старая баба.

- Но Вы перерезали сразу два провода, товарищ полковник. Так ведь нельзя.

- Это тебе нельзя, а мне можно, - назидательно сказал полковник.

Тут я понял, что он пьян.

- Разрешите идти, товарищ полковник.

Комдив уже лег и махнул рукой в сторону двери. Не найдя ничего предосудительного в доме, я полез в подвал. Подвал был забит полностью доверху углем. Я подумал, что опасность, если она есть, таится в засыпанном углем подвале. С наступлением темноты я прекратил осмотр дома.

Вечером в зале на третьем этаже санбатовцы устроили танцы. Хорошо замаскировали окна и дали освещение. Был гармонист и был патефон. Среди танцующих я увидел Лену в паре с невысоким пожилым подполковником. Это была начальник политотдела дивизии В.И.Нечаев. Несколько минут я наблюдал за танцующими. Ничем внешне не примечательный Нечаев выделялся своей явно излишней настойчивостью по отношению к партнерше, которую все время пытался познать на ощупь. Я пошел выручать Лену и обнаружил, что Нечаев сильно навеселе. Я извинился и, слегка оттолкнув Нечаева, закружился с Леной. Больше я не отходил от нее. Нечаев еще пробовал завладеть Леной, но я не уступил. Тогда подполковник за руку отвел меня в сторону. Глаза его немного косили и были полны такой

откровенной злобы, что я внутренне содрогнулся.

- Не по чину лезешь, Матусевич. Оставь сестричку и лучше уйди отсюда, - угрожающе проговорил он.

- Моя фамилия Руткевич, товарищ подполковник. А девушка эта мой близкий друг. Вам она не пара. Вы пожилой семейный человек.

- Слушай, Матусевич. Я тебе этого никогда не прощу.

Танцы окончились. Начальство собралось в отдельной комнате, куда чуть позже стали вызывать некоторых медсестер, в том числе и Лену. Все девушки сумели скрыться. Лена нашла убежище у Галеркина. Я ночевал в пустой палате, где меня несколько раз "проверяли".

На другой день комдив и его замполит уехали. Я еще раз тщательно осмотрел дом, не обнаружив ничего внушающего опасения.

Поздним вечером мы уединились с Леной в каком-то уголке. Уединение было, конечно, относительным. Mimo нас все время проходили врачи и сестры. Одна из пробогавших женщин нарочито громко сказала:

- Что это у них? Брачная ночь?

В полночь к зданию подошла какая-то часть. Бойцы облепили все входы и стены. Некоторые безуспешно пытались проникнуть внутрь, чтоб обогреться. Перекуривали. Костров не разводили. Через час они ушли, а на их место зашла следующая волна двигавшейся к Нарве пехоты. Я вышел покурить. Узнал, что это уже солдаты дивизионного тыла.

От встречи с Леной осталось чувство горечи и вины, которой не было. Поутру меня хорошо накормили, преподнесли на дорожку "посошок" - немного спирту-ректификату в мензурке. Я простился с Леной, с Галеркиным, с девчатами и пошел искать оказию. На запад вел накатанный и большей частью разбитый широкий тракт, по которому прошла огромная армия. На обочине стоял вздрагивающий от работающего мотора танк-ремонтник. Вернее - это когда-то был танк, отслуживший свою боевую жизнь, и теперь переоборудованный в походную мастерскую. У него не было башни и пушки, но у верхнего люка умельцы приспособили пулемет для полукругового и зенитного обстрела. На броне установили металлический ящик примерно 1,2x1,5 метра и высотой около одного метра. У ящика по углам были грубосваренные узловатые швы. На одну треть его заполнили запчастями: болтами, гайками, траками, шестернями и множеством мне непонятных железяк. На мою просьбу захватить с собой танкисты развели руками: танк заполнен под завязку.

- От и до, - объяснили они, - можем предложить об-

шее бесплацкартное место на верхней палубе, - и указали на ящик с деталями. Выбора не было. Один из танкистов помог мне взобраться и очистить угол в ящике, где я мог стоять.

Танк дернулся, взревел мотором и рванулся, вздымая облако снежной пыли. Он шел, как мне казалось, не разбирая дороги. Вдруг проваливался вниз, и у меня что-то замирало внутри, то натужно с воем взбирался на бугор. Его мотало и бросало, как корабль в шторм. Навстречу бил жалящий, как струя песка, жестокий ветер. Выбивал слезу, которая тут же замерзала. Под носом у меня намерз какой-то противный комок. Я отворачивался, боясь обморозиться. Руки нельзя было оторвать от краев ящика, из которого меня все время выталкивало. Без конца приходилось приседать и отбрасывать наползающие на меня запчасти. Мой добротный полушубок не мог противостоять морозному вихрю, и я начал коченеть. Мерзли руки в рукавицах. У меня было полуобморочное состояние, но не мог ни посигнализировать танкистам, ни покинуть танк. Несколько раз я падал, больно ударяясь, на груды железа. Пытка эта длилась около двух часов. Наконец машина свернула в лес на боковушку и остановилась. Танкисты сняли меня с "плацкартного" места, безжалостно обхлопали и даже щеки набили, спасая от обморожения.

- Топай, топай, - говорили они, - вон там какая-то пехота шевелится, найдем своих.

Я пошел, пошатываясь и спотыкаясь, как гоголевский Чубов кум в ночь под Рождество. По сторонам большой дороги пестрели указатели: "Хозяйство Мухина", "Хозяйство Горчакова"... Наконец, увидел я свежую табличку "Хозяйство Исаева". В чаще леса стояла штабная будочка на полозьях. Будочка эта - изобретение Пясковского - была выполнена саперами очень аккуратно и рационально. Внутри разместилось все штабное имущество и, прежде всего, железный кассовый ящик с документами, две откидные полки, стол, маленькая печурка. В штабе находились только Пясковский и писарь Румянцев. Роты ушли за Нарву, а обозы отставали. Однако вскорости появился наш старшина Бельтиков с продуктами для роты на санях, и мы с ним отправились на плацдарм.

Из лесу выехали на большую открытую равнину. Впереди расстилалась замерзшая река. Ширина Нарвы здесь, вблизи Чудского озера, составляет примерно 300 метров. Посредине реки виднелся небольшой густозаросший кустарником остров. Старшина подхлестнул лошадь, и мы помчались по льду наискосок через реку к противоположному берегу. По сторонам то и дело взметались фонтаны воды от рвущихся мин и снарядов, вокруг пробитых во льду дыр

виднелись черные шлейфы гари, выступала наледь. Из-под копыт нашей резвой лошадки-монголки летело крошево из комков мокрого снега и осколков льда, брызги воды. Мы ехали по заметному следу, что позволяло мчаться во весь опор. Похуже пришлось тем, кто накануне вечером форсировал реку после недолгой артподготовки.

"Лед был побит снарядами, затем польными покрылся тонким льдом. Выпавший снег замаскировал эти ловушки, и те, кому на пути они попались, на этом и закончили свою военную карьеру" (Из записок А.А. Запорожца).

Мы подъехали к крутому берегу, под защитой которого сгрудились раненые. Несколько сестер перевязывали их.

Сверху на берег спустился вприпрыжку старший сержант Фарафонов.

- Товарищ лейтенант! - радостно закричал он. - Наконец-то. А то нами командуют кому не лень. Что привез? - обратился он к старшине. - Давай, а то весь курсак пропал (на солдатском жаргоне это означало, что живот подвело).

Мы побежали с Фарафоновым к взводу. На голой сплошь в воронках речной террасе змисилась лишь одна линия сплошной траншеи, глубиной по грудь.

На западный берег перебрались два полка нашей дивизии - 1249-й и 1247-й. Батальоны 1249-го СП заняли прибрежное селение Городенко и гнали немцев на юг к широтно идущему от реки каналу Городенко - Краав и еще правее, стараясь состыковаться с зацепившимися за берег подразделениями 1247-го СП.

Обе роты саперного батальона находились на занятом плацдарме в батальонах 1249-го полка, прокладывая пехоте проходы в минных полях, завалах, а нередко отражали вместе со стрелковыми ротами немецкие контратаки. К вечеру батальон 1249-го СП, с которым находился наш взвод, завязал бой к северу от Городенко в селении Куцингакюла.

Немец попался упорный, настырный. Здесь вела бой 214-я дивизия, переброшенная из Норвегии, о чем свидетельствовали черно-красные отличительные знаки на рукавах шинелей ее вояк. Противник контратаковал, используя танки и самоходную артиллерию, которым нам не было чем противостоять. Вместе с пехотой переправилась и полковая артиллерия, но начарт 1249-го СП, торопясь вывести артиллерию на позиции, расположил пушки по уходящей на запад просеке одну за одной "в затылок". Другой подходящей площади здесь не виделось. Орудия еще не изготовились к бою, как заурчала мощным мотором немецкая САУ "Фердинанд", вышедшая из-за темных домиков селения Ку-

нингакюла. Самоходка расстреляла пушки поочередно от первой до последней в течение 10 минут с такой точностью, что даже расчеты не сумели укрыться. Как рассказывали свидетели:

- Только шинели летели вверх тормашками.

Кто-то крикнул:

- Танки!

Люди не выдержали и бросились бежать. "Мы с Абашевым (комбат), - пишет Запорожец, - всего человек пять остались последними. Получилось прямое попадание снарядов в кухню с кашей: убиты лошадь и повар, вокруг разбросаны сухари и четвертинки с водкой". Однако быстро удалось организовать оборону. Настоящая линия обороны противника проходила в 300-500 метрах от берега и была построена основательно на большую глубину. На следующий день немцы начали артиллерийскую обработку плацдарма, на котором им была известна каждая кочка и уж, конечно, единственная проходящая здесь траншея. В перерывах между артиллерийскими вражеские автоматчики бросались в атаку, стремясь сбросить нашу пехоту с берега в реку. На одном участке противник достиг цели и вместе с побежавшим соседом на восточный берег убрался штаб 1249-го полка и полковые саперы. На плацдарме остались поредевшие батальоны капитанов Абашеева и Донца и дивизионные саперы. Вскоре здесь появился комполка подполковник Мухин, действовавший энергично и хладнокровно, что придало плацдармникам "второе дыхание". Неудачливый начарт капитан Серов сумел так организовать огонь нескольких с превеликим трудом приташенных пушек 76-мм, что он буквально сметал немцев. Ему попал в пуговицу на воротнике небольшой осколок, в результате чего Серов лишился голоса и командовал жестами.

С чувством глубокого уважения вспоминает Запорожец полковника Ивана Трофимовича Теслю, находившегося на плацдарме в самое тяжелое время: "Запомнился полковник Тесля - заместитель командира дивизии. Пожилой уже человек, но всегда имел обыкновение появляться там, где самая большая драка".

Рота Баталова всю ночь укрывалась под берегом, лежа в снегу. Сам Баталов провалился в воронку и насквозь промок в ледяной мартовской воде. Думал, что минимум воспаление легких схватит. Поутру старшина привез еду и водку. Василий хлебнул прямо из котелка, поел, переоделся в сухое, и все сошло как с гуся вода.

Хотели было мы - саперы - навести переправу по льду, но вблизи не было подручного материала и не хватало людей. Место работы противник немедленно накрывал плотным огнем, а еще через день сосредоточил методичес-

кий огонь по всей реке от берега до берега, разбивая лед. Вышедшая наледь покрывала на один метр, местами более, продырявленный ледяной панцирь. Переход через Нарву стал почти невозможным. Прерывалось снабжение защитников плацдарма и эвакуация раненых. Для восстановления связи с плацдармом прибывшие понтонеры навели лодочно-канатную переправу, использовав, как промежуточную опору, остров, что против Кунигакюлы. Привезли 60 лодок. Лодки были фибровые, принадлежавшие к старым еще довоенным переправочным средствам. Немцы сразу установили уязвимость лодок, которые, получив пробоину, быстро шли ко дну, и потопили их все в течение суток. Негодный лодочный парк был ярким примером безобразного обеспечения наших войск инженерными средствами борьбы, которое имело место вплоть до конца войны. И еще более обидным было непонимание роли саперов многими общевойсковыми командирами. Отсюда использование саперов как попало и где попало, вплоть до применения их как "затычки" в поредевших рядах пехоты.

Положение на плацдарме стало критическим, он сузился до 500 метров вдоль реки. Катастрофически убывали люди. У нас, у саперов, потери были несколько меньше против пехоты, потому что мы упорно окапывались в мерзлом песчано-галечном грунте и создали себе укрытия. Теперь мы решали две задачи: закрыть подходы немцам с помощью минирования и отражать немецкие атаки вместе с пехотой.

Выбывали из строя офицеры. В первые же дни у нас были ранены командиры взводов Круглов и Алексеев. 5-го марта пережил испуг и я. Я находился у тропки, по которой бойцы взвода бегом перетаскивали найденные в разбитой немецкой машине противотанковые мины к просеке. Резкий толчок в спину опрокинул меня. Удар был сильным. Падая, я проехал левой рукой по мерзлой земле, содрал кожу с ладони, и зашиб колено. Солдаты мгновенно снесли меня в окоп, где осторожно положили на живот.

- Живы, товарищ лейтенант? - участливо спросил Фарафонов, наклоняясь надо мной.

- Саднит что-то под левой лопаткой, - неуверенно ответил я, пока еще не понимая, что же произошло.

В полушубке была выбита прямоугольная дыра примерно 1,5x2 см. Осторожно поворачивая меня, Фарафонов снял полушубок. Дыра была до самого тела. Вместе с куском полушубка, гимнастерки и белья в спину впился осколок с рваными краями. В месте удара вздулся огромный сине-багровый кровоподтек. Всю накладку с осколком Фарафонов снял с меня и обмазал вздутие йодом. Позже, осмотрев место удара, Лев Галеркин констатирует: "Слепое осколо-

чное непроникающее ранение мелких тканей грудной клетки в области левой лопатки". Вот уж доподлинно отдался легким испугом. Ранение оказалось не столь серьезным, как курьезным. Однако не все родились в рубашке (я действительно родился в "рубашке").

В тот же день был ранен Фарафонов и многие бойцы. Помкомвзводом стал старшина Федор Иванович Садовшиков. Садовшиков, как и мой бывший связной Разборшиков, был родом из Белорецкого района Башкирской АССР. Были они, если не родственники, то соседи или, во всяком случае, земляки. В своих адресах они одинаково указывали завод "Зигазга". По возрасту Садовшиков приближался к 50-ти годам. Рост имел средний, сам плотный, лицо приветливое, сильно покарюбанное оспинами. Серые глаза смотрели открыто, доброжелательно. Внешне он казался медлительным, спокойным, добродушным дядькой. Но характером был из тех, кто "мягко стелет да жестко спит". Жил в нем настоящий хозяин. Чувствовалось, что воспитан в самой высокой непокупной порядочности. Поэтому, будучи ротным старшиной еще в 1942 году, не ужилась он с комбатом. Всякие махинации с волкой и с другими продуктами и вещами претили ему. Так и шла его служебная карьера: то старшина, то помкомвзвода, то командир отделения. Боевые задания Садовшиков выполнял отменно и незаметно для всех стал уже здесь, на Нарве, самым награжденным среди младших командиров. И сейчас, когда плацдарм находился под угрозой разгрома, Садовшиков неторопливо уверенно делал свое саперное дело. Ему предстояло вывести из строя "Фердинанда", который ежедневно выходил со стороны кладбища селения Кунигакюла и беззнаканно расстреливал плацдарм. Поляна, служившая "Фердинанду" позицией, была открытой и хорошо просматривалась немцами, так что скрытно заминировать ее казалось невозможным. Решено было подорвать самоходку движущейся миной. Садовшиков с тремя бойцами выползли вечером к поляне и, дождавшись, когда вышел "Фердинанд", протянули позади него тонкий совершенно незаметный трос. На тросе, где он проходил через кустарник, были прикреплены три мины через небольшие интервалы порядка 80 см. Саперы расположились по двое с двух сторон поляны. Когда "Фердинанд" после своего разбойничьего нападения стал пятиться, саперы точно подтянули мины ему под гусеницы. Танк подорвался и загорелся. Пират был уничтожен. Саперы попутно заминировали дверь кладбищенской часовни, где прятались немецкие автоматчики. Мину приспособили прямо к дверной ручке. При взрыве "Фердинанда" немцы рванулись на выход и подорвали сами себя.

Четверо суток противник пытался ликвидировать пла-

цдарм. По восемь-десять раз в день ходили немцы в атаку. На пятый день сосед справа от нас сумел переправить на плацдарм восемь броневигов, людей и боеприпасы и чувствительно ударил по немцам. Тогда-то и напала на нас вражеская авиация. Плацдарм, реку и подходы к ней на правом берегу бомбили до 30 раз в день. Налетали главным образом средние бомбардировщики Ю-88 и реже тяжелые ХЕ-177 ("Юнкерсы" и "Хейнкели") в количестве до 70 самолетов за раз. Днем буквально нельзя было поднять голову. Укрывались от бомб в той самой единственной траншее, куда ложились до шести человек один на другом. При очередном налете на моих глазах неслепо погиб один из наших бойцов: он перебежал с двумя противотанковыми минами, которые прижимал к груди, а когда недалеко взорвалась бомба, боец упал на мины, которые сработали. На этом месте осталась только воняющая гарью ямка. Один из офицеров полка сошел с ума: он бегал возле траншеи, рвал на себе одежду и что-то кричал. Осколок прекратил его мучения. Гул заходящих на бомбежку самолетов, вой летящих бомб, их всеогулающие взрывы, свист осколков, ходящая ходуном земля - все сливалось в кошмарную какофонию, где не было места живому существу. Но кончался налет, и поднимались из траншеи серые шатающиеся фигуры. Бежали к лесу и отражали атаку немецких автоматчиков. Ночью лихорадочно восстанавливали и рыли новые укрытия, вели разведку, налаживали связь с правым берегом. Сжавшийся плацдарм грозил нам быть сброшенными в реку. Нет худа без добра. Немецкой авиации очень трудно стало прицельно сбрасывать бомбы на наш "пяточок", и немецкая пехота показывала объект бомбежки зелеными ракетами. Тут наши славяне не растерялись и стали сигналить во вражескую сторону также зелеными ракетами. Успех был ошеломляющим: немцы понесли такие потери от своей авиации, что вынуждены были отступить, позволив нам заметно расширить плацдарм.

В ночь на 8-е марта оставшиеся в строю офицеры батальона проводили рекогносцировку местности с целью установить броневики так, чтоб сохранить их от обстрела и бомбежки. Закопать их было невозможно и поэтому в подходящем месте их ограждали дерево-земляной стеной. Я оказался в паре с Баталовым. Шли осторожно вблизи переднего края по кромке леса. Неожиданно ударила автоматная очередь с нашей стороны. Баталов был ранен в левое бедро. Он упал, удержавшись от крика. Двигаться он мог. Я перевязал ему ногу прямо поверх штанов. От эвакуации на моей спине он наотрез отказался. Я хотел взять наган, который тревожил раненую ногу, но Баталов не дал: - Ты что! - прошептал он. - А если немцы.

Я вернул ему наган, который Василий заложил в правый валенок. Полз он довольно-таки быстро для раненого. Как выяснилось позже, пуля не задела кости. Проползли метров двести и круто повернули в глубь своей обороны. Вышли на артиллеристов. Где-то на последнем отрезке нашего пути у Баталова вывалился из валенка наган. На другой день мы его без труда нашли. Артиллеристы дали лошадь, и раненого перевезли на правый берег, откуда уже на своей повозке - в медсанбат, где Василий и лечился до выздоровления.

Вскоре был ранен лейтенант Титов. Ночью саперы расположились цепью, готовясь заминировать всю лесную опушку. Оставшиеся четыре офицера сошлись вместе в середине цепи и сторожко вслушивались в черноту леса. Вдруг раздалась короткая автоматная очередь, совсем рядом - метров с двадцати. Все восемь пуль попали кучно в пах Титову. Он скорчился на земле и не мог удержать крика от страшной боли. Его оттащили на шинели. Бойцы подхватили его и бегом унесли к речному обрыву. Лес загудел, засверкал перестрелкой, но противник не обнаружил саперов. И чуть позже мы задачу выполнили.

Еще через два дня я остался один из всего бывшего на плацдарме офицерского состава саперного батальона. Не было ни рот, ни взводов: осталась группа, где я был командиром, а старшина Садовников - помощником. Где-то еще был взвод инженерной разведки, взвод Ивана Балакирева. Но и это подразделение постигла злая участь. Взвод выполнил свою задачу и ночью благополучно переправился на правый берег. Здесь на радостях все сгрудились и закурили. На огонек и ударила немецкая мина, переранив всех девять человек; включая самого Балакирева.

Теперь саперы занимали оборону в окопах вместе с оставшимися стрелками батальона капитана Запорожца, который заменил раненного комбата Донца. О Запорожце я знал от Салуна. Запорожец был геолог из Средней Азии. В полку он был начхимом, но когда началась Нарвская битва, настоял на своем и стал комбатом. Ночью мы с ним обходили передний край. Один из бойцов охрипшим басом сказал Запорожцу:

- Третий день не едим, товарищ капитан!

- А зачем тебе есть? - в тон ему ответил комбат. - Все равно убьют.

В наступившее утро произошло непоправимое - "на нас обрушился огонь нашей артиллерии. Ничего более страшного и обидного я не помню. Били по нас хорошо, почти прямой паводкой. Немцы с удовольствием включились в этот концерт. Это продолжалось всю первую половину дня - самый тяжелый день на плацдарме. В штабе дивизии,

видимо, решили, что на западном берегу никого нет" (из записки А.А.Запорожца). Запорожец на нарвском плацдарме стал седьм.

В нескольких километрах севернее нас - ниже по реке - удалось, наконец, навести переправу и организовать наступление. В атаку пошли и остатки 1249-го полка во главе с подполковником Мухиным. Вскоре удалось переправить на плацдарм гаубицы 150-мм, которые, как пишет Запорожец, приканчивали немцев вместе с деревьями, не давая им подняться в контратаку. Мухин сумел организовать силами пополненного батальона удар в северном направлении и соединился с наступавшими навстречу другими частями нашей дивизии. Вышедшая на берег Нарвы группа немцев была отсечена от своих войск и выгнана на лед, где их уже топила наша артиллерия. Наши солдаты были настолько озлоблены, что, как заметил А.Запорожец, в плен немцев не брали. А "трофеями", взятыми нашими бойцами у немцев, были фляжки с ромом. От густого леса, в котором стояло селение Кунигакула, остались торчать лишь исковерканные обожженные обрубки деревьев.

Как ни тяжелы были условия на плацдарме за Нарвой, но все мы знали, что этот плацдарм не такой "долгострой", каким был плацдарм на Волхове, что здесь лишь трамплин для большого прыжка. Немцев выбили из основного рубежа их обороны на Нарве. А держаться здесь они думали долго. Окопы и ходы сообщения были забраны жерднями, а кое-где и досками. Блиндажи обстроены как гостиницы: с кроватями; печками, патефонами, креслами. На стенах висели портреты Гитлера. Везде использовалась для отделки и украшения береза. К березе немцы были так же равнодушны, как к песне о Катюше, которую они повсюду - на фронте, в плену - наигрывали на губных гармошках. Освоение немецких укреплений наши бойцы начали с того, что дружно расстреляли гитлеровские портреты и сожгли их. Оборону здесь наладили быстро.

Поредел офицерский состав нашего саперного батальона за Нарвой: были ранены командиры взводов Круглов, Алексеев, Титов, Балакирев, командир роты Баталов. Выбыли из строя больше половины младшего состава и рядовых бойцов. Чего только стоила потеря всего взвода инженерной разведки - гордости батальона. Правда, убитых было мало, большинство было раненых.

Вновь досталось девушкам-снайперам 1249-го СП: погибли Полина Антонова, Тася Фомина, Рая Выжлова. Была ранена наша подруга Тоня Ефимова. Запорожец запомнил двух девушек-снайперов, которые поочередно то били немцев, то ревели со страху.

Не было потерь на командном пункте саперного бата-

альона. Считанные минуты провел комбат на плацдарме. Баталов вспоминает статью в дивизионной газете под названием "Два капитана", в которой капитан Хангильдин описывает, как он выводил раненного капитана Пономарева - полкового инженера 1247-го СП - с плацдарма. Но никто не видел Хангильдина на левом берегу. Штаб во главе с капитаном Пясковским находился на правом берегу, был хорошо замаскирован, укрыт и уцелел, так что никто из штабников не пострадал.

Плацдарм заняли свежие части, и девятнадцатого марта в сумерках был выведен на правый берег 1249-й СП, вернее, то небольшое, что от него осталось. Ушли и мы - саперы. Двигались в полной темноте гуськом: впереди шел старшина Садовников, пробуя каждый шаг под наледью шестом. Местами вода подходила к груди. Торопиться было нельзя: то и дело передавалось по цепи:

- Воронка! Держись в затылок.

Мы растянулись через всю реку. Вокруг рвались мины и снаряды, вздымая фонтаны брызг. Свистели осколки. Временами методический огонь вражеской батареи попадал в такт с нашим движением, и взрывы сопровождали наш каждый шаг, а укрыться было негде. Шли, как обреченные, не в силах что-либо предпринять для собственного спасения. Время, пока прошли 300 метров наледи, казалось бесконечным. Кое-кто и водички студеной хлебнул. Но не было не то что паники, но и никакой нервозности. Шли уверенно, сигналы передавались четко. При выходе на берег никто не бросился бежать. Здесь нас встретил старшина Бельтиков и повел в расположение батальона.

Меня поразило на правом берегу новое для меня зрелище: двумя параллельными рядами, уходящими в недостижимую глазом даль, стояли вдоль реки наклонные к западу прямоугольные в рост человека ящики с черными снарядами внутри - это были наземные реактивные установки, называвшиеся в отличие от известных "Катюш" - "Ванюшами". Раздался мощный залп, и снаряды первого ряда огненными струями прочертили небо, неся гибель врагу. Через мгновение - еще залп. Я подумал, что в зоне поражения, где рвались "Ванюши", было намного страшнее, чем в нарвской наледи. Там, в море сплошного огня и секущего осколочного ливня, все горело, испепелялось, плавилось. Люди там исчезали, не оставляя следов, превращаясь в "без вести пропавших". Там бушевал очищающий огонь возмездия.

Правый берег встретил нас неласково. Обсушиться было негде, не осталось ни одного строения. Стояла лишь штабная будочка на полозьях. Мы подновили оставленный кем-то шалаш и развели в нем крошечный дымный костер, у

которого можно было лишь покурить. Через полчаса бойцы уже спали, тесно прижавшись друг к другу, а я сидел у чадающего огонька и писал стихи.

СНОВА В ОБОРОНЕ

На следующий день мы узнали, что дивизия получила приказ занять оборону севернее плацдарма у с. Заборовье, где передний край проходил по восточному берегу Нарвы, а нейтральной зоной была сама река. Штаб батальона и все его хозяйство расположились вблизи с. Загривье, от которого ничего существенного не осталось. Батальон начал обстраиваться: рубили домики, сооружали укрытия, копали бытовые ровики, строили баню, кухню, конюшню, прочищали и настилали дороги.

Ко мне подошел капитан Хангильдин и, приятно улыбаясь, сообщил, что теперь я командир роты и представлен к ордену "Красная звезда".

Чуть позже мне рассказали, что Лена узнала о моем ранении и, ожидая, что я попаду в медсанбат, договорилась дать свою кровь для меня. Теплое чувство благодарности и нежности к ней охватило меня. Вскоре мы встретились и решили пожениться. Я договорился со старшиной Бельтиковым, чтоб он собирал мою пайковую водку у себя, чтоб было, чем привечать гостей на свадьбе.

- С великим моим удовольствием, - заявил Бельтиков. - И никто знать не будет. А я еще постараюсь кое-что добавить, - намекнула он. Действительно, водки поступало больше, чем на имевшихся людей, еще интенданты не имели сведений о выбывших из строя едоках. Все складывалось как нельзя лучше.

Батальон стал пополняться. Появился новый заместитель командира батальона капитан Геннадий Александрович Мелентьев. Наше знакомство с ним было сдержанно официальным. Я отнесся к нему настороженно. Слегка выпуклые глаза его смотрели холодно. Голос резкий, раздражающий. "Что еще за фрукт?" - подумал я. Мне он показался сухим службистом. Подумалось, что он придира, все высматривает, а потом и врежет. Очень я удивился, что Мелентьев на первое же боевое задание пошел с ротой. Он не вмешивался в мои распоряжения, даже когда я допустил явный ляпсус, излишне поблажливо отнесся к небрежно действовавшему бойцу, промолчал. Лишь на обратном пути рассказал об аналогичном происшествии в отдельной роте, которой он раньше командовал, и твердо заключил:

- Никогда этого не допускай. Армия поблажек не терпит. Такая "доброта" к добру не приведет.

Вскоре моя подозрительность к Мелентьеву рассея-

лась, когда я убедился, что он не случайно был с ротой на задании, а имел своим правилом находиться на переднем крае с работающими здесь подразделениями батальона.

Настоящей опорой мне стал Садовников. Я все старался поставить его старшиной роты, но пробить комбата не мог. Садовников был не только умелым сапером и талантливым командиром, он был интереснейшим рассказчиком. Больше всего он вспоминал о родной уральской стороне, о семье.

- Подгуляли мы как-то, - рассказывал он, - и взбрело мне на ум проверить жену. Ведь часто не бываю вечерами дома, а то и ночь у друзей проведу. А она молчит. С чего бы это? Нечисто здесь. А еще жена в последнее время почему-то стала ночевать в сарае - на сеновале. И это, думаю, неспроста. Пришел под утро потихоньку в свой двор и осторожноенько по лестнице на сарайный чердак подымаюсь. Раз и к ней! Шарить стал. А она как поддаст мне под грудки, так и слетел я вместе с лестницей. Жена-то подумала, что и впрямь какой-то баловник лезет. Отучила она меня ревновать да излишне погуливать.

Все еще переживая бои за Нарвой, написал я о них стихи:

Вспомним, как "Юнкерсы" группами
В тридцатом нависли пике,
По черному льду меж трупами
Пришел к нам комбат по реке.

- Привет вам, солдаты-товарищи,
Слушай приказ, лейтенант:
Тебе заминировать кладбище,
Там, где стоит "Фердинанд".

Ночью промозглой во мраке
Мы подтащили канатом
Мины под самые траки
Той самоходке проклятой.

Вздрогнуло старое кладбище -
Взрыв, как лесная гроза,
Нарвалось на мину чудовище,
Словно на камень коса.

В бурлящей осколками наледи
Мы раненных братьев несли,
И часто от страшной усталости
Товарищи под воду шли.

Не зря мы все вынесли это
Без пищи, огня и без сна.
За нами плацдарм и победа,
Для нас наступила весна.

Сегодня эти стихи вызывают улыбку, но тогда...

Накануне свадьбы поехали мы с Леной на комбатовской упряжке регистрироваться в город Сланцы, где находился ближайший к нам райсовет. Для регистрации нужно было иметь разрешение от командира части. У меня такая справка была, а для Лены мы должны были получить ее у командира 455-го медсанбата капитана Юрлова. Заехали в медсанбат, и оказалось, что Юрлов уехал и на весь день. Печать у него была с собой. Это оказалось непредвиденным препятствием для нашей затеи. Нам посоветовали обратиться в недалеко стоявший полевой госпиталь, к его начальнику. Так мы и сделали. Начальник госпиталя - обходительный подполковник - принял нас подчеркнуто вежливо, по-отечески доброжелательно. Он прямо плавился в сладчайшей улыбке, сочувствовал, но справки не дал. Конечно, мы были расстроены, но свадьбу перенести уже не могли. Меня вновь растревожила ядовитая мысль, что судьба против нашего союза.

Для свадьбы отвели только-только срубленный дом, поставили в нем стол, скамейки и в углу большой топчан, покрытый словыми ветвями вместо матраца. Во второй половине дня приехали гости со стороны невесты: капитан Галеркин, две "капитанши" и несколько медсестер - подружек Лены. Еще кто-то был из врачей-мужчин, всего человек восемь. Столько же предполагалось и с моей стороны, но не было главных дружков-взводных, все были ранены.

Я пошел к старшине за главным атрибутом стола, за водкой. К моему удивлению старшины на месте не оказалось, и я его нашел у комбата. Выгащить его я не смог, а говорить в присутствии комбата не хотелось. На мое обращение, что я пришел за водкой, старшина беспомощно развел руками, сделав удивленные глаза, и заявил:

- Водки нет, товарищ лейтенант.

Я был настолько растерян, что не мог ничего сказать. Вид у меня был не свадебный, наверное, и старшина торопливо добавил:

- Я к Вам со всем желанием, но товарищ майор не разрешил...

В этом месте Исаев оторвался от созерцания окна и повернулся ко мне:

- Здесь воинская часть, и я не могу допустить, чтоб ротный старшина собирал для командира взвода водку.

Я был ошеломлен, даже онемел. Ведь кроме этого "атрибута" приветить гостей было нечем. Да и как бы я выглядел перед ними. Кому и как объяснить, что собрал свадьбу без всякого обеспечения. Позвал солидных людей,

врачей и сестер, которых подменили на дежурстве сослуживцы в медсанбате, и посажу за стол с голым чаем. А невеста как? Позор, позор.

- И не вздумай ротную водку взять, - с угрозой закончил майор, вольно или невольно наталкивая на опасный выход из создавшегося положения.

Я вышел от комбата в страшно подавленном состоянии. Ко мне, как бы невзначай, подошел ординарец майора Шумаков и с плохо скрытой насмешкой и любопытством доверительно вполголоса объяснил, показывая глазами на домик комбата:

- Они еще вчера Вашу значку распочали, когда Вы в Сланцы ездили. И сегодня пьют с самого ранья.

Я уж сам понял, как поиграли со мной комбат с забубенным выпивохой-старшиной. Удар был беспощадный и безвозмездный. Я ничего не мог сделать. Даже поделиться нельзя было ни с кем. Как это я выглядел перед Галеркиным? А что же бедная Лена?

Гости уже стали вслух выражать недовольство: чего, мол, ждем. Я пошел к бойцам.

- Славяне, - сказал я, - выручайте. Свадьба у меня, а водки нет. Отдайте мне однодневный паяк, а я его верну по частям, каждый день кому-то будет вторая чарка.

Водку, конечно, дали. Но восторга не было. Я с ужасом понял, что мои бойцы, с которыми столько пережито, не одобряют меня и не понимают, почему затеял свадьбу я, а водку должны дать они. На душе было мутно до тошноты. Добил меня мой любимый старшина Садовников.

- Не переживайте, товарищ лейтенант, - сказал он покровительственно, - все так делают.

Хуже не придумаешь! Это было уже выше моих сил. Единственное желание билось во мне: скорей бы это кончилось. Чувствовал я себя омерзительно. Все время охватывала противная дрожь.

Комбат пришел на свадьбу уже в великом подпитии, произнес путаное поздравление и, ничуть не смущаясь, приступил к уничтожению незаконной водки. Старшину я, естественно, не позвал, а сам он явиться не решился. Друзья говорили что-то хорошее, но я сидел, как грешник в аду на раскаленной сковороде.

В ночь гости уехали. Остались мы вавоем с Леной в холодной-прехолодной домушке с постелью на мерзлых ветках. Великое и доброе дело создания семьи было загажено подлостью, и замаранным остался только я.

На другой день меня вызвал в штаб Пясковский и, глядя в сторону, объявил приказ, чтоб я сдал роту и принял свой взвод. Комментариев не было.

Прибыл новый командир роты - старший лейтенант, фамилию которого не помню. Он явно спешно и ненадолго был прислан к нам, так как он даже не был сапером. Был он старше меня лет на пять. Круглоголовый круглолицый брюнет с черными миндалевидными глазами. Волос подстрижен под полубокс. По национальности башкир, он был смугла, говорил с легким акцентом, но четко, отрывисто. Обмундирование на нем было ловко подогнано, приковывала внимание отточенная выправка, и выглядел он красиво. Чувствовался в нем настоящий кадровый офицер. У меня о нем остались самые лучшие воспоминания. Он ни разу ничем не упрекнул, не обидел меня, хотя знал, что я снят с роты. Понимая, что ему трудно, как не специалисту, разбираться в саперных делах, он обычно поручал выполнение задач мне, но неизменно присутствовал сам.

Однажды под вечер при осмотре заграждений переднего края мы обнаружили, что в минном поле появилась прогалина. Возможно, что противник подготовил себе проход. Закрыть его было не сложно, и я поручил сержанту и бойцу взять мины и заделать проход. Но сержант заколебался. Он явно трусил. А медлить было нельзя: противнику уже плохо было видно, а для постановки мин еще было достаточно светло. Я несколько растерялся, не ожидая от известного мне младшего командира такого поведения, и не сразу прореагировал. Вот тут-то и принял на себя решение командир роты. Он твердо подал команду сержанту:

- За мной! - и, легко подтянувшись, вскочил на бруствер.

Сержант беспрекословно поднялся вслед за ним.

- Смирно! - скомандовал комроты.

Так и стояли они на бруствере, вытянувшись друг против друга под свистящим роем пуль. Сколько времени это было? Минута? Две?

- Вольно! Выполняйте задание, сержант.

Старший лейтенант прыгнул в окоп, а сержант присел, принял мины от бойца, и они оба поползли на минное поле.

Я несколько опаматовался от потрясения. Возвращался неистребимый одесский оптимизм. Возникли новые надежды. 10-го апреля была освобождена Одесса, и я немедленно написал письмо родителям и брату. Одновременно написал в Москву в институт и Нине Карасевой о возможном запросе обо мне из Одессы. Первые ответы были неуверительными. Из Одессы сообщили, что по указанному адресу здания нет. Нина писала, что усердно ведет поиски.

Между тем батальон наливался силой: пришли новые офицеры и бойцы, пополнившие взвода и роты. Наступили боевые будни на Нарве, как ранее на Волхове. Но теперь

мы знали, что это ненадолго.

Одним из первых командиров взводов прибыл младший лейтенант Давид Борисович Спектор. Меня он сразу привлек тем, что оказался земляком: Спектор был коренным одесситом, жившим в хорошо мне знакомом Авчинниковском переулке и работавшим вблизи моего дома в порту, он был портовым инженером. Старше меня на восемь лет, Спектор был мобилизован в конце июня и прошел страшную школу отступления 1941 года, плен и штрафбат. За участие в прорыве блокады Ленинграда в 1943 году был награжден орденом "Красная звезда". Горбоносый, подвижный, остро-языкий - палец в рот не клади - он быстро вошел в "Кильдым".

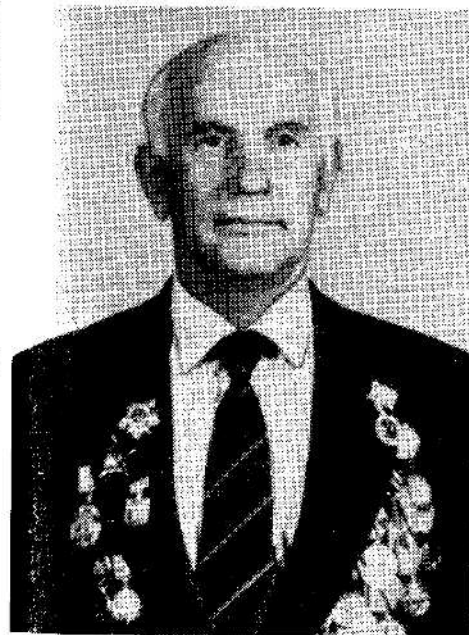
Несколько позже прибыл еще один командир взвода лейтенант Рыдзиковский. Он принял, вернее, заново стал создавать взвод инженерной разведки, так нелепо выбывший из строя в конце боев на Нарве. Рыдзиковскому было лет тридцать. Высокий смугловатый с буйным черным волосом, громким голосом и живым сангвиническим характером, он оказался прямо-таки прирожденным командиром разведки. Если храбрость многих офицеров была результатом силы воли, способности владеть собой, то у Рыдзиковского она была естественной. Он просто не боялся, и все тут. Бойцы смотрели на него с восторгом, буквально разинув рты. Наша встреча с ним была несколько необычной. Подходя к расположению роты, я увидел, что на солдатском блиндаже, прямо на накате, стоит высокий офицер с накинутой на плечи плащпалаткой, без фуражки, и рассматривает в бинокль передний край. Он представлял собой явную мишень для немецкого снайпера, да и демаскировал базу. Я окликнул его. Рыдзиковский легко спрыгнул и, представившись, протянул мне большую крепкую руку. Вид у него был настолько дружеский и независимый, что у меня вся подступившая было злость пропала.

Рыдзиковский служил в штабном, но не поладил с начальством и сам напросился на передний край. Вот его и запроторили в саперный батальон, где он с первого дня уже стал "старожилем".

Еще одно знакомство твердо запомнилось с той поры - с ефрейтором Николаем Рутковским. Это был совсем еще мальчик - семнадцати лет, но он уже прошел суровую школу партизанской войны, в которой участвовал с пятнадцати лет с 42-го года. Созвучие наших фамилий и то, что он одно время писарил в штабе, где часто подвизался и я, сблизило нас. В моей записной книжке, сохранившейся с 1945 года, среди немногих адресов указан адрес Рутковского.

Одновременно с Рутковским во взвод разведки прибыл

старший сержант Николай Никонович Мозокин. Мозокин был контужен под Лугой и, не дождавшись излечения, сбежал из медсанбата, но своей части не нашел, а попал в поле зрения капитана Пясковского, который, нужно отдать ему справедливость, хорошо разбирался в людях и сразу же определил незаурядность старшего сержанта Мозокина, выделявшегося своей подтянутостью, естественными вежливыми манерами. Несколько выше среднего роста, крутлобый с умными пытливыми глазами, он отличался энергичностью, грамотной речью. Во взводе инженерной разведки он сразу оказался на своем месте. Из него получился замечательный наблюдатель. Почти все время он проводил на переднем крае, где у него был приспособлен НП вблизи когда-то бывшей здесь деревни Переволок. Он вел журнал наблюдения за противником и пополнял схему вражеской обороны. Его данные были полнее, чем на других НП, что обес-

Ефрейтор
Н.К. Рутковский
1988 г.

Старший сержант
Н.Н. Мозокин
1946 г.

печивало штабу саперного батальона большую осведомленность, чем в штабах пехоты и артиллерии, что весьма ценилось в штабе дивизии.

Во взводе инженерной разведки подобрались молодые толковые ребята, причем все с ярко выраженной индивидуальностью. Рыдзиковский последовательно настойчиво обучал их искусству слухового и визуального наблюдения, проделки проходов в заграждениях противника. Мины ставили на левом берегу Нарвы - на плацдарме. Рутковский перенял опыт старых минеров, которые под крышку очень опасной в обращении деревянной противопехотной мины подкладывали траву, а не клали ее прямо на чеку.

Жили разведчики в скромной полуземлянке с печуркой. Плохо было с едой. Однажды выручили немцы: нарвалась немецкая разведка на работавших в нейтралке наших разведчиков, и все где-то 12 человек были уничтожены. Видимо, они готовились проникнуть в наш тыл, и у них был солидный запас продуктов, в том числе масло и галеты, которые оченьгодились нашим ребятам.

В середине апреля возвратился в батальон Вася Баталов. Он не эвакуировался дальше дивизионного медсанбата, где лежал после операции, сделанной ему Львом Галеркиным. Санбатовские палатки на 30-40 человек стояли на ровном месте среди хвойного леса. По сторонам от прохода с печкой, сооруженной из железной бочки, рядами стояли козлы, на которые были положены носилки с ранеными. Обстановка в палате была как на вокзале: одних приносили, других выносили. Кто стонал, кто кричал, кто храпел, а кто и матерился. Досаждали всякого рода запахи. Жизнь в этой обстановке скрашивала Василию медсестра Павлина Крохалева.

Занятый на обороне, я не имел возможности бывать в медсанбате, но время от времени ко мне приезжала Лена. Короткие наши свидания были без страсти, не по возрасту спокойные. Как-то после очередного свидания кто-то из взводных прямодушно спросил, доволен ли я молодой женой. Я с досадой ответил, что какая это семейная жизнь, если я даже ни разу не видел, какая она есть молодая жена. В этот момент дверь резко отворилась, и в домик влетела раздурманившаяся Тоня Ефимова:

- Все еще будет, все еще будет! - со смехом закричала она.

Мы опешили, а потом невольно расхохотались. Оказывается, любопытная Тоня подслушала наш мужской разговор и не выдержала - отозвалась.

Наши отношения с Леной становились все более холодными. Когда мы оставались вавоем, а это было редко, то не знали, о чем говорить.

- Это все придет, - убеждала она меня.

В июне пришел срок отъезда Лены в декрет. На железнодорожную станцию провожать Лену кроме меня поехала самая близкая ее подруга Шура Вырина.

Расставание наше было спокойным. Главная мысль, которая все время держалась во мне - то, что для Лены война кончилась и над ней больше не будет нависать постоянная опасность.

Так и расстались мы - женатые без регистрации, близкие без любви. Конечно, на наши отношения повлияли обстоятельства, что Лена жила с кем-то до меня, что вызывал сомнения срок беременности, что ей упорно не разрешали зарегистрировать брак. Но все это было не решающим. Главное, что не было любви. Мы с ней были просто добрыми попутчиками на тяжелом отрезке жизненного пути. Более того, во мне жила незаживающей раной первая любовь, которую я так и не сумел заглушить и которая еще не раз бередила мою жизнь и в дальнейшем.

На втором курсе института я влюбился со всем пылом юности в студентку нашей группы Ирину Б. Она ответила взаимностью. Я был принят в ее семье. Но, как я понял позже, родители ее без труда раскусили во мне еще несостоявшегося мужчину и не принимали меня всерьез. На летней практике в Крыму Ирина быстро сошлась с моим товарищем и, погуляв со мной вечером, уединилась с ним ночью. С помощью сердобольных подруг все вскрылось. В неистовстве я пытался задушить ее, и девчатам стоило немалых усилий вырвать ее из моих рук.

В училище я узнавал о ней от товарищей, с которыми она переписывалась. Нина Карасева стойко оберегала меня, не упоминая об Ирине в своих письмах. Но любовь жила во мне, и дружба с Леной не смогла заменить ее, хотя я очень на это надеялся.

В июне усилились учения в дивизионном тылу. На одном из учений случилось досадное происшествие, окончившееся благополучно. Производилась смена командного пункта дивизии.

Небольшая группа, сопровождавшая комдива, двигалась по старой глубоко выбитой колее на грунтовой дороге. Полковник Софронов с начальником штаба шли впереди, за ними метрах в пятидесяти ползла автомашина, на которой одиноко сидел водитель, а следом шли представители родов войск, в том числе и мы с лейтенантом Спектором. Неожиданно раздался оглушительный взрыв: подорвалась машина комдива - она буквально рассыпалась на мелкие части. Из груды обломков вылез мертвенно бледный сильно перепуганный оглушенный водитель, не получивший никакого ранения и даже не контуженный. Очевидно, сработала

зарытая в колею мина. Такие "сюрпризы" немцы преподносили нередко. Проверивший перед учениями местность лейтенант Спектор пережил тяжелые минуты, но отделался выговором.

Интенсивное пополнение дивизии, постоянные учения - все указывало, что мы готовимся к наступательным боям.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРИБАЛТИКА

ПЕРЕДИСЛОКАЦИЯ

Нам дороги эти
Позабить нельзя!
А. Ошанин

В июне полосу обороны заняли, сменив нас, УРы (укрепленные районы), а наша дивизия получила приказ перебазироваться на другой участок фронта. Куда - нам, естественно, не сказали.

На марш батальон выступил из Заборовье поутру 9-го июля и, пройдя 28 км через Загривье, Радовели, достиг Гостицы. 10-го июля мы проходили через город Сланцы. На окраине этого совершенно разрушенного города мы стали свидетелями драматического события. На большой поляне между домами и лесом была сооружена виселица, возле которой сгрудилась толпа человек в триста.

Брат вешал брата. Командир партизанского отряда казнил родного брата, который служил полицаем у немцев. Зрелище угнетало. Почему-то сосало под ложечкой. Стоявший неподалеку старик со сморщенным печеночного цвета лицом раздумчиво вполголоса произнес:

- А ить это безморально.

Удивительно простое определение "безморально" прояснило мне происходящее: справедливо, что предатель наказан, но зачем это было делать брату.

Марш на Кингисепп был изнурительным. Солдаты засыпали на ходу. После привалов их приходилось пересчитывать: некоторые забирались в канавы и спали мертвецким сном.

11-го июля к вечеру батальон прибыл на станцию Кингисепп. В сумерках без суеты по-деловому загрузились в вагоны, в те самые красные теплушки, что были еще при царе и которые вмещали 40 человек или восемь лошадей.

В наступившей темноте поезда тронулся к Ленинграду. 12-го мы были в городе, смотрели на развалины. Особенно расходиться было нельзя. С минуты на минуту ждали отправления.

На рассвете 13-го миновали Дно и прибыли на станцию Порхов. Бодрил утренний холодок, вставало из-за леса в ясном небе солнце. Выгружались быстро, опасаясь бомбежки.

Наш саперный батальон разместился на окраине города в частных домах. Политработники провели построение части с вручением наград за бои на Нарве. Мы с Баталовым получили ордена "Красной звезды". Ефрейтор Рутковс-

кий получил орден "Славы 3-й степени". Награды получили многие из оставшихся в строю после боев на Нарве. Отмечали награждение кто как мог. Некоторые успели перезнакомиться с местными жительницами и праздновали в домашней обстановке.

В течение двух дней готовились к длительному походу с уже возможным отрывом от обоза и возможным быстрым вводом в бой. Теперь 377-я СД была в резерве 3-го Прибалтийского фронта.

16-го июля совершили первый после железной дороги большой переход - 36 км до селения Броды. Дальше прошли Сады, Озеро и другие селения. Двигались преимущественно большаками - широкими грунтовыми дорогами, местами укрепленными песчано-глинистой смесью или гравием, щебнем. Местность здесь ровная. Обширные луга с духovitым разнотравьем перемежались с массивами смешанного леса, где ель и сосна соперничали в росте с осиной и березой. Во множестве встречались болота и болотца, через которые на большаках были насыпаны дамбы. Часто встречались реки, речушки, ручьи и озера, доставлявшие нам немало хлопот. То и дело какой-то из саперных взводов спешно направлялся ремонтировать очередной мост или наводить переправу.

Вне дорог - это лесисто-болотистая и луговая местность, весьма трудно проходима, а местами и вовсе непроходима.

Однажды наш взвод ремонтировал старый еще довоенной постройки деревянный мост длиной примерно метров шесть. У моста были выбиты береговые опоры и частично разрушен настил. Ремонт не задерживал движения пехоты. Рядом был брод, и, кроме того, мы навели две пешеходные кладочки. Работа подходила к концу, когда подъехал дивизионный инженер подполковник Русанов, а еще через несколько минут у моста остановился "Виалис", из которого вышли два генерала. Один - седой с одутловатым сердитым лицом генерал-лейтенант, а второй - чернявый средних лет бравого вида генерал-майор. Кто они были по должности, я не знал. Подполковник Русанов отрапортовал. Генерал-лейтенант небрежно козырнул в ответ, немного прошелся и остановился у края моста. В это время в колонне образовался разрыв между частями. В разрыве к броду подошли двое: молоденький лет двадцати старшина и такая же, если не моложе, девушка-связистка в звании старший сержант. Я невольно загляделся на эту пару. Они шли по кладочке гуськом, держась за руки. Девушка шла впереди. Лица их излучали счастье, губы непроизвольно улыбались, глаза сияли. Такая любовь светилась и в ней и в нем, что даже становилось не по себе.

- Это еще что? - загремел вдруг генерал-лейтенант, взглянув на пару. - Вам что здесь, бульвар. Нашли место хаханьки разводить. Ах, ты...

И он очень грязно обозвал девушку, а затем обложил тяжелым матом старшину.

Не могу забыть изумленное, искривленное в отчаянии плавающее лицо связистки и дико выпученные глаза старшины. Девушка вырвала руку из руки спутника и побежала, неестественно размахивая руками. Старшина застыл в неудобной позе, стараясь стать смиренно.

Подошедшие следом солдаты новой части увлекли с собой старшину, заполнили брод, кладочки, дорогу, закрыв бегущую девушку.

Стыд и гнев охватили меня. Наверное, вид у меня был нехороший. Подполковник Русанов сделал шаг, закрыв меня, и, не повернув головы, вполголоса приказал:

- Лейтенант, проверьте крепление прогонов к опирам.

И я спустился под мост.

Вскоре по своей небрежности я сам стал участником неприятной истории. Во время одного из утренних привалов я встретился с Савой Салуном, и мы с ним решили пройти немного вместе. Шли мы в колонне его 1249-го полка. Моросил дождик, и на мне была плащпалатка. Поговорив с Салуном, я ускорил шаг, обгоняя полк. Впереди полка в легкой пролетке ехал его командир - гвардии полковник. Рядом с ним сидела белокурая девушка, попавшая в полк из недавнего пополнения. Неприятно было видеть, что старший офицер на высоком посту так откровенно демонстрирует свою наложницу. Считая, что едущий ко мне спиной подполковник меня не замечает, я в нескольких шагах слева обогнал пролетку и...

- Стой! - раздался сзади неистовый крик.

Я остановился и обернулся. Ко мне бежал подполковник, размахивая кулаками.

- Почему не приветствуешь?! - рявкнул он и с силой размахнулся кулаком мне в лицо. Я успел перехватить его руку у самой щеки. Если бы такой удар достиг цели, то я бы долго ходил меченным.

- Вы на офицера замахнулись, - вылавил я, вспомнив, что на мне плащпалатка и не видно погон.

Я держал его руки, прижав их к себе, и чувствовал, что более не могу. Подполковник был сильнее меня. Ниже ростом, он упирался головой мне в подбородок. С него капал пот, едко разило водкой и табаком. Он вырывался и, матерясь, крикнул командиру взвода автоматчиков, следовавшему за пролеткой:

- Взять его, взять его!

Лейтенант, хорошо знавший меня, не спеша подошел к нам с двумя автоматчиками, явно чувствуя себя неловко.

В этот момент с нами поравнялась обходящая колонну слева выдавшая виды фронтальная полуторка. Машина притормозила, и молодой водитель-ефрейтор, перегнувшись через своего пассажира, крикнул мне:

- Прыгай, земляк!

Я резко оттолкнул подполковника и вскочил на подножку полуторки, уцепившись за рамку открытого стекла дверцы. Машина рывком двинулась с места, так что у меня слетела пилотка. Теперь я разглядел, с кем ехал. Пассажиром был пожилой майор, которому эта история явно не нравилась, и он морщился.

- Москвича сразу видно, - удовлетворенно сказал ефрейтор. - Ты откуда?

- С Трехпрудного, - понял я его вопрос.

В Трехпрудном переулке в центральной части Москвы жил мой институтский товарищ Виктор Джеев, и я часто бывал у него.

- Товарищ майор! - радостно закричал шофер. - Да вы знаете, что такое Трехпрудный? Это же Глазная, ТЮЗ, Маяковка, "Аквариум", улица Горького, да все там рядом. Это же самая-самая Москва.

- Чего он бросился на тебя? - обратился он ко мне и сам ответил: - Да он же пьян, за километр видно.

- Тормозни, - попросил я, когда машина обходила саперный батальон. - Спасибо, друг!

- Держись, земляк, - крикнул шофер. - Москвич нигде не пропадет!

Старшина выдал мне новую пилотку, не расспрашивая о пропавшей.

На другое утро перед маршем я проходил возле штаба дивизии, где стояли в "кружок" все три командира полка. Видимо, командив вызвал. Я четко поприветствовал их, на что двое ответили, а подполковник, участник вчерашнего происшествия, сделал вид, что не заметил меня. Продолжения у этого эпизода не было.

26-го июля мы прошли Пушкинские Горы. Здесь все свидетельствовало о недавнем бое. Идущее на запад шоссе между стеной Святогорского монастыря и оврагом было взорвано. Зияла огромная воронка диаметром порядка 12 м и глубиной 6-8 м. На уцелевших деревьях страшными гирляндами висели внутренности разорванных взрывом лошадей. Могила Пушкина была завалена грубыми досками, вокруг валялись груды камней. Мы не задерживались здесь и в этот же день достигли пункта Карманово.

С 21-го по 24-е июля батальон совершал ежедневно большие переходы, не зная пункта назначения. Люди уста-

ли. Донимала нехарактерная для этих мест жара. Все напряженно ждали привала, воды. В долине реки Синей, которую мы пересекли, стоял удушливый трупный смрад, тяжело действующий на весь личный состав. Особенно тяжело было солдатам, которые шли в полном походном снаряжении. Каждый нес карабин с 30 патронами в подсумках или автомат с двумя запасными дисками. На ремне, а иногда в вешмешке имелись две ручные и одна противотанковая гранаты. В парусиновой сумке, одетой через плечо, находилась противогаз. В вешмешке хранились личные вещи, смена портянок, индивидуальный пакет и двухдневный сухой паек "НЗ" (неприкосновенный запас). Некоторые еще несли инструмент - большую лопату или топор. Много хлопот доставляла шинель. Она служила солдату как пальто, плащ, ковер, постель, даже скатерть, так что без нее ни шагу. В обозе шинель не оставляли, так как обозы отставали. Шинель носили в виде скатки, которая делалась так: шинель расстилалась как ковер, а затем скатывалась по длинной стороне в тугую рулон, концы которого перевязывались вместе. Внешне скатка похожа на хомут. Одевалась она через плечо, существенно увеличивая нагрузку солдату. Непросто было устраивать ночлег. Обычно спали в канавах, кюветах. Дело в том, что немецкие легкие самолеты бросали ночью кассетные бомбы вдоль дорог и обстреливали их из пулеметов. Саперы немедленно придумали надежный способ ночлега, копали шели сантиметров 80 глубиной, на дно клали сено или лапник, накрывали эту подстилку плащпалаткой, ложились по двое, укрываясь шинелями. Ночи, несмотря на жаркие дни, были холодными. Как ни следили младшие командиры, старшины, командиры взводов, у солдат исчезали гранаты, запасные патроны, диски, противогазы. Таял и НЗ. Появились отстающие: кто ногу натер, у кого кровь носом пошла, кто-то распорол руку о сук. Но по незыблемому воинскому правилу после каждого привала место стоянки тщательно проверялось, чтобы не оставалось никаких следов пребывания людей. Съестных продуктов, естественно, не оставалось. Остальное - консервные банки и прочее - закапывалось в укромном месте и маскировалось. Этот порядок соблюдался свято. После ухода подразделения не оставалось никаких явных улик о роде войск и количестве людей.

26-го июля 377-ая СД вошла в состав 118-го стрелкового корпуса 1-ой Ударной армии. В ожидании приказа на вступление в бой дивизия вела соответствующую подготовку. Саперный батальон дислоцировался у селения Манухава. Командиры проверяли экипировку личного состава, обращая внимание на главное: состояние оружия и шанцевого инструмента. К отсутствию гранат и НЗ не придира-

лись. В противогазные сумки старались не заглядывать (обычно противогаз был выброшен, и в сумке лежали нехитрые солдатские пожитки).

30-го июля сделали переход к населенному пункту Крамково, имея задачу достичь 1-го августа Мисо. Однако 1-го августа сумели выйти к селению Ароти, что в 15 км восточнее Мисо. Здесь был передний край.

С 9-го июля по 1-е августа 1944 года, то есть на протяжении 24 дней 440-й отдельный саперный батальон в составе 377-ой СА совершил передислокацию от Заборовье на р. Нарве до Ароти у юго-восточной границы Эстонии, преодолев 722 км, в том числе 392 км походным порядком и 330 км по железной дороге. Пешие переходы заняли 11 дней (без дней), составляя по 27-55 км, в среднем 36 км в день. По прямой же линии перемещение с севера на юг составило всего лишь 180 км. Коэффициент полезного действия нашей передислокации был невысок, но в это время части дивизии приняли пополнение прямо на ходу, провели некоторую подготовку личного состава, особенно новичков, к предстоящим боям.

В период передислокации изменилось мое служебное положение: к Ароти я пришел уже командиром роты. Подробности повторного вступления в эту должность я не упоминаю.

НА СТЫКЕ ТРЕХ РЕСПУБЛИК

Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.

М. Матусовский

17-го июля 1944 года 3-й Прибалтийский фронт под командованием генерал-полковника И.И. Масленникова начал разгром Псковско-Островской группировки немецко-фашистских войск и, продвинувшись к западу на 40-150 км, вышел к исходу 31-го июля к новому оборонительному рубежу противника, известному под кодовым названием "Линия Мариенбург" или просто "Мариенбург".

Эта линия протягивалась на 126 км от Псковского озера на юго-запад вдоль реки Обтехи и вдоль построенной оккупантами в 1943 году железной дороги Лийвамяэ - Купрово через Изборск, Паниковичи, Лауру (Лавры), Алуksне, Ситу (20 км восточнее Гулбене). Южнее Лауры рубеж проходил по западному берегу долины р. Педеазе. Глубина этой оборонительной полосы составляла 1,5-2 км, местами вдоль шоссе дорог 3-4 км. В систему обороны входили четыре ряда траншей, 1-2 ряда колючей проволоки, места противотанковые рвы и минные заграждения. Перед за-

щитными сооружениями было создано сплошное голое пространство, также начиненное минами. На удобных господствующих высотах немцы построили оборонительные узлы с хорошо налаженной системой огня.

Оборону занимала 18-я армия немецкой группы войск "Север", задачей которой было задержать, чего бы это ни стоило, советские войска, не допустив их вхождения в Прибалтийские республики. Гитлер усилил командование группы "Север", поставив 23-го июля во главе ее генерал-полковника Ф. Шернера, известного своей твердостью, жестокостью и умением организовать сильное сопротивление, избегать "котлов".

Измотанные в кровопролитных наступательных боях войска 3-го Прибалтийского фронта не смогли с ходу преодолеть рубеж "Мариенбург". По решению Ставки фронт прекратил наступление и начал десятидневную подготовку для прорыва немецкой обороны и дальнейшего продвижения в Прибалтике. Готовясь к наступлению, командование фронтом решило одновременно провести частную операцию по преодолению линии "Мариенбург". 1-я Ударная армия получила задачу прорвать оборонительную полосу немцев на отрезке Лаура - Печоры. К этой задаче была привлечена взятая из подвижного отряда армии наша 377-я СА.

В 10 км к юго-западу от деревушки Ароти, где 1-го августа сосредоточились передовые части дивизии, у селения Бабино соединялись границы трех республик: России, Латвии и Эстонии. На северо-северо-восток, несколько восточнее Изборска, проходила граница Эстонии и РСФСР (до 16 января 1945 г.), на запад в субширотном направлении протягивалась граница между Эстонией и Латвией, и к югу от Бабино почти меридионально располагалась граница между Латвией и Россией.

Штаб, спецслужбы, тылы дивизии разместились километрах в 15-20 к юго-востоку от Ароти в районе селений Лоси, Канки, Высокий Мост.

Обе роты саперного батальона достигли Ароти в середине дня. Стояла неимоверная жара. Воздух был пропитан вонью разлагавшихся трупов, которые похоронные команды не успевали убирать, назревала опасность заражения местности. Роте Баталова с ходу дано было задание собирать и хоронить наших погибших солдат, а трупы немцев закапывать прямо в траншеях. Солдаты были неспособны к такому делу. Тут впору было одевать противогазы, но тогда было трудно дышать, глаза заливал пот. Саперы выполняли, главным образом, земляную работу: копали и засыпали групповые могилы.

Наша рота расположилась за позициями пехоты в расщелинах деревьев, и солдаты стали спешно окапы-

ваться, оборудовать временные укрытия в один накат.

Шедший рядом бой вызывал напряженность. Особенно нервничали новички, некоторых тошнило. Наиболее хладнокровные бойцы пытались писать письма. Это была непростая задача: бумагу доставали у командиров, особенно у политработников, а вот с письменными столами возникла загвоздка. Благо рядом был хутор, откуда приносили какие-то дощечки, табурет, приспособлявая эти предметы под письмо. Иногда умудрялись писать, положив бумагу на котелок. Младшие командиры обучали бойцов пополнения приемам разминирования. К концу дня прошли волной вражеские самолеты, обстреляв и отбомбив наше расположение. Потери были небольшие - несколько раненых - так как мы хорошо окопались, а прямых попаданий не было. Опытные бойцы образно передавали к удовольствию слушателей, как соревнуются бомбардировщики и зенитки:

- Зенитки твякают: дай, дай, дай, а "Юнкерсы" огрызаются: нна!

И рассказчик артистически демонстрировал, как заливаются скороговоркой татакающие зенитки и как тяжело увесисто ложатся и рвутся бомбы.

Заметно было, что местность, окружающая нас, выглядит веселее, чем на Волхове и Нарве, и представлена слабосхолмленной равниной, покрытой перемежающимися рощами и полями, среди которых струятся многочисленные речушки - Кудель, Вруба, Лида и другие. Открытые места пересекаются прямыми линиями дренажных канав. Населенные пункты расположены здесь гораздо чаще, чем на пройденной Псковшине. Это преимущественно хутора, которые местами сливаются в крупные деревни.

Против одной из таких меридионально вытянутой на протяжении более 5 км деревни Лапково с восточной стороны шоссе Печоры - Лаура 2-го августа заняла исходную для наступления позицию наша 377-я дивизия. Против южной окраины Лапково между хуторами Шумки на юге и Курниекки на севере расположился 1247-ой СП, севернее его против хутора Подниекки - 1249-ый СП. Восточнее позиций этих полков в районе хуторов Нов.Печоры, Мангули, Синкери сосредоточился 1251-ый СП. Дивизия сменила здесь 608-ой полк 146-ой СД, которая явилась нашим соседом справа, а слева соседом стала 85-ая СД.

Немцы занимали Лапково, включая шоссе и пересекающую ее под острым углом железную дорогу. Открытое пространство между нашими и немецкими позициями было занято посевами ржи, посадками картофеля. Разумеется, все это было минировано.

Наступление началось утром 3-го августа мощной артиллерийской подготовкой, длившейся 30 минут. Немецкая

оборона представляла собой зону сплошного дыма, пыли и града обломков. Все звуки потонули в оглушительном громе сплошных разрывов. В это же время на позиции немцев обрушились штурмовики ИЛ-2. Прошуршали заключительные залпы "Катюш".

Дивизия наступала двумя полками - 1247-ым и 1249-ым, имея в резерве третий - 1251-ый СП. Главная задача саперов состояла в проводке танков, сопровождавших пехоту. Для действия приданных дивизии танков 33-го ОГТП (отдельный гвардейский танковый полк) не было простора в условиях здесь пересеченной заболоченной и залесенной местности, нельзя было осуществить желаемый маневр.

Наша рота сопровождала 5 танков типа "ИС", приданных 1249-му СП. С этими танками находился командир ОГТП - энергичный представительный майор. Он пригласил меня в свой танк, на что я по неопытности согласился. Саперы двух взводов расположились на броне танков. Стрелковый полк наступал на входивший в состав Лапково хутор Подниекки. С исходной позиции у полуразрушенного каменного строения со скошенной на бок железной крышей танки пошли сзади первого батальона полка, которым командовал капитан Запорожец. Пройдя 1,5 км, оставив позади Лапково, батальон напоролся в лесу на минальное поле. Комбат Запорожец был ранен прыгающей шариковой миной, его заместитель по строевой части В.И.Скворцов - убит. Танки обошли пехоту по лесной дороге и вырвались на открытое пространство. Здесь их встретил шквал огня, но главное, что поляна оказалась минированной. Один из танков подорвался, остальные отошли в лес. Тут-то я понял свою ошибку - ведь я, сидя в танке, потерял связь с ротой. Да и чувствовал я себя в танке пленником. Я ничего не видел, не слышал, и болтало до рвоты. Без привычки в этой коробке было гораздо страшней, чем наверху. Казалось, что находишься в железном гробу, где и останешься, как только танк подобьют или он подорвется. Было душно, жарко, тяжело было дышать, и казалось, что танк уже горит. Выпрыгнув через верхний люк и укрываясь за гусеницей, я оглядел поле боя. На танках саперов не было: естественно, когда они попали под автоматн-пулеметный ливень, их как ветром сдуло. Однако я тут же увидел, что саперы ползком и перебежками во главе со взводными командирами выходят на поляну. Я присоединился к ближайшему взводу. Мины в большинстве своем были видны, их не успели замаскировать. Мины были в деревянных корпусах с несколькими взрывателями. Разрядить их сложное устройство на открытой местности под сплошным прицельным огнем было невозможно. Саперы сдергивали мины "кошкой", и они взрывались. Здесь мы уже имели потери, но

проход сделали.

Однако задержка при разминировании дала возможность немцам организовать огонь своих "скрипунов" - шестиствольных минометов - по нашим танкам. Один танк попытался выйти из зоны плотного огня, свернул в сторону и завяз в болоте. Второй загорелся. Танки не смогли прорваться глубже первой линии немецких траншей. Но это было достаточно, чтобы пехота, теперь уже шедшая за танками, начала выбивать противника из окопов. Вместе с пехотинцами дрались и саперы.

Ефрейтор Рутковский подобрал в воронке ручной пулемет убитого нашего пулеметчика и расстреливал немцев вдоль траншей. Сколько положил? Не считал, не до этого было. Однако силы были неравны, и 1249-ый СП, понеся тяжелые потери, отошел к Лапково и попытался закрепить себя.

Такая же картина была и у 1247-го полка, который сопровождал на танках саперы роты Василия Баталова. Полк перебрался через железную дорогу и закрепился у хутора Курниехи.

Потери были в дивизии огромны, хотя по архивным данным указаны погибшими лишь 93 человека. Несколько наших танков были подбиты противотанковыми болванками, которые пробивали броню.

Продвижения почти не было. Полки отошли на исходные позиции, эвакуировали раненых, похоронные команды убрали, где смогли, убитых. Сменяясь по очереди, пехотинцы немного отдохнули. За ночь батальоны уплотнились, собрав вместо трех по две неполные роты.

Полуночью 4-го августа все три полка двинулись на Лапково. 1247-й СП прилагал все усилия, чтобы, обойдя Лапково, взять Шумки. В этой живописной деревне, где находился высокий железнодорожный мост, противник оборудовал опорный узел, отсекая огнем с фланга нашу пехоту, пытавшуюся ворваться в Лапково. 1249-й СП с танками 33-го ОГТП пробился через Лапково и занял восточную опушку леса, по которой можно выйти к находящейся впереди деревушке Пишево. Однако противник жестко контратаковал и заставил полк снова отступить к Лапково. Как сообщили пленные, немцы имели приказ держать оборону любой ценой.

На участке действий полка находилась большая каменная дамба, ведущая через болота прямо в оборонительную зону немцев. Поверху дамба имела отличную дорогу. Длина ее - не менее километра, но главная часть, пересекающая заболоченное, непроходимое для танков место, составляла 400-500 метров. Высота над болотом примерно 1,5 метра. Танкисты приняли дерзкое решение прорваться

по дамбе прямо в глубь немецкой обороны. Командир танкового полка собрал в лесу на подходе к дамбе группу машин - пробивной кулак. Полковые разведчики пробежали, пригнувшись, по откосу дамбы, не обнаружив каких-либо препятствий. Посмотрели дамбу и саперы. Дамба была давняя, между камнями пробилась трава. Нигде не было следов минирования. И вот передовой танк - тяжелый "ИС" - на высокой скорости понесся по дамбе. Все наблюдавшие замерли. Танк уже достиг середины дамбы, когда раздался взрыв, подобный взрыву тяжелой авиабомбы. Танк исчез в клубах дыма. Когда дым рассеялся, я со своим связным бросился по откосу дамбы к танку, чтобы сразу определить возможность сделать объезд. Корпус танка остался на месте, только по всем углам треснул, и танк как бы присел, стал ниже. Башня была сорвана и улетела вперед по дамбе примерно на 75 метров. Немцы открыли по взорванному танку огонь, не подпуская к нему. Мы попытались запрячься внутрь оставшейся коробки, но оттуда пахло страшной смесью паленого мяса и раскаленного металла. Гусеницы рассыпались. Обползая танк, я увидел на камнях дамбу красный предмет - это был партийный билет одного из танкистов. Он был совершенно цел, и лишь небольшое масляное пятно застыло на его поверхности. Я положил билет вместе со своим в нагрудный карман гимнастерки и по возвращении с дамбы отдал его командиру танкового полка. Объезда мы сделать не смогли: мешал корпус разбитого танка, висевший над ямой взрыва, да и место это и вся дамба находилась под сплошным огнем противника. Лишь позже, когда я узнал удивительную предусмотрительность немцев, стало ясно и происшествие на дамбе. Такое минирование дамбы я встретил в Курляндии в первые послевоенные дни. Немцы закладывали заряды по всей Прибалтике еще в 1943 году. Взрывное устройство передавалось по водонепроницаемому кабелю, проложенному под водой и выведенному в надежно замаскированное скрытое место достаточно далеко от заряда - десятки метров. На конце кабеля был выведен внутренний шнур, заложивший в патрон из цветного металла и заканчивающийся таким же металлическим кольцом. Достаточно было дернуть за кольцо, и происходил взрыв.

За этот день дивизия продвинулась на 2 км, потеряв ранеными 799 человек и убитыми 57 человек. Это официальные данные. Из 11 танков уцелели лишь два: 6 танков требовали ремонта, три - были подбиты, взорваны и сгорели, в том числе танк на дамбе. Ночью немцы вели непрерывный огонь, стараясь вызвать панику случайными попаданиями, лишить наших людей сна, затруднить передвижение. Очень трудно было с подвозом продуктов, а еще

труднее было доставлять пищу в раскинутые по всем частям саперные взвода. Главным продуктом была овсянка (овсяная крупа): овсяный суп, овсяная каша. Поутру, а нередко когда придется, каждый получал пайку хлеба - 800 г - и 100 граммов водки. Водку, конечно, уничтожали сразу, а с хлебом каждый поступал по-своему: одни съедали немедленно, другие прятали в вещмешки "на потом". Кашевары разнообразили еду сушеным картофелем и сушеным луком. Иногда бывала мясная тушенка.

Под Пишево попадались трофейные продукты: в разбитых немецких брочках находили хлеб в целлофане и консервы. Разбитые наши старшины доставали свежее мясо, забивая в бесхозных дворах (жители укрывались в лесах) и по улицам свиней, коз, птицу и другую живность. Был, правда, приказ, запрещающий трогать домашних животных за исключением раненных. Но во фронтовой обстановке трудно установить состояние животного. Обычно старшина подзывал кого-нибудь из бойцов хозвзвода и говорил:

- Смотри, Гасилов, там у зеленого заборчика свинья лежит. Она раненная, понял?! Бери с собой Алексеенко, добейте свинью и везите ее прямо на кухню.

Такие приказы исполнялись быстро и с удовольствием.

Походная кухня на колесах ставилась где-нибудь поближе к воде и в укрытии: под склоном, за каменной стеной, в роше. С готовой пищей старшина бесстрашно приезжал как можно ближе к месту боя и звал на обед, с трудом разыскивая своих подопечных. Порой обед длился долго - прибежали есть поодиночке.

Когда удавалось, то подкармливались сами. Основатели дивизии - уральцы, особенно башкиры и татары - были мастерами готовить "махан" - вареную конину. Пристреливали раненных или бегавших с хомутами и оглоблями немецких упитанных лошадей, вырезали куски мяса, обычно из крупы, и варили в котелках на костре. Мясо было столь жирным, что трижды приходилось менять закипевшую воду, чтобы можно было это мясо есть. Конечно же никакого обеденного времени не было. В какие-то моменты возникали перерывы в бою. Ели и днем, ели и ночью. Главным столовым прибором была ложка, которая порой ценилась выше автомата. Ложку хранили обычно за голенищем. Потерявший ложку был беспомощным и изрядно страдал, пока не обзаводился новой. В большом почете были мастера, вырезавшие ложки из дерева. Спали когда удавалось, в любом месте и в любое время.

В субботу 5 августа 377-ая СД, напрягая остатки своих сил, пробилась на шоссе Печоры - Лаура. Этот успех был начисто перечеркнут немецкой атакой с воздуха и

наземной атакой со стороны Пишево. Понесся новые потери, полки отступили на вчерашние позиции.

В этот день был ранен ординарец Василия Баталова. У него осталась сумка с письмами, фотографиями, записями, собранными Василием за время походной жизни, а это ни много, ни мало около трех лет войны. Ординарец не возвратился в батальон. Его судьба и судьба Баталовской сумки остались неизвестными.

В ночь на 6-е августа было предпринято общее наступление наших войск на данном участке фронта. Части 377-ой, 282-ой и 56-ой дивизий окружили противника в районе Лауры, и он вынужден был отступить. Лауру заняли автоматчики 282-ой СД. Наша дивизия заняла наконец деревню Шумки и несколько близлежащих деревень - Барсучьи Ямы, Ольха, Ручьи. 1249-й СП, с которым шла наша саперная рота, вновь вел бой за Пишево, несколько раз переходившее из рук в руки. Бой продолжался весь день 6-го августа. В 14 часов полк ворвался в Пишево, но овладеть этим пунктом так и не смог. В полку осталось около 200 человек. Казалось, что израсходованы все ресурсы, что силам людей наступил предел. Однако 7 августа бой разгорелся вновь. Еще более упорный, еще более кровопролитный. И вновь с переменным успехом. Перед боем дивизия переукомплектовалась, уменьшив количество батальонов до одного на полк.

Саперы, как и прежде, вели совместную операцию с танкистами. В этот день взвод нашей роты под командованием лейтенанта Уграйского сопровождал три танка. Два были повреждены, но третий с саперами на броне достиг вражеских траншей. Саперы вели бой около 1,5 часа, переходя в рукопашную, и убили 25 гитлеровцев. Среди отличившихся в этом бою был рядовой Капитонов, лично застреливший четырех немцев. Капитонов был невысок, но плотного сложения и отличался недюжинной силой. Еще до войны попал он на флот и в 1941 сражался в составе гарнизона мыса Ханко (Финляндия), где был ранен и попал в плен. Из концлагеря, что располагался в Латвии, бежал. Под гимнастеркой носил он традиционную матросскую тельняшку. Был исключительно дружелюбен, но немцев ненавидел до зубовного скрежета. Когда после боя саперы собрались вместе, тяжело дышавший с горящими глазами Капитонов, отплевываясь, прохрипел:

- Я их буду бить до последнего вздоха.

Лейтенант Иван Уграйский появился в батальоне совсем недавно, уже после событий на Нарве. В армии он служил еще до войны. На кителе у него красовался единственный в дивизии знак "За участие в боях на озере Хансан. 1938 г.". Бывший детдомовец из города Бийска Ал-

тайского края, он прошел сложными жизненными дорогами. Одно время даже в шпану попал. Но нашел свое призвание в рядах Красной Армии и стал отличным офицером. Была у него замечательная способность легко приспосабливаться к любым условиям жизни. Фронтовая обстановка его не тяготила. Он отшучивался от неудобств, любил вставить крепкое словцо. Хорошо ладил с солдатами, а в бою становился веселым. Поругается-поругается и засмеется в самый трудный момент, поднимет у солдат дух и выполнит задачу. Любил песню: запоем, солдаты подхватят, и слышно далеко в округе.

С невиданным ожесточением продолжался бой за Пишево, и противник вынужден был отступить. В этом бою отличились наши девушки-снайперы, перебившие десятки немцев. Дорвавшись до окопов, девчата прикладами и даже лопатками душили по головам ошеломленных немцев. Именно так вспоминает об этих днях Тоня Федорова. Здесь погибла ее подруга Лида Вихрова.

Но далее Пишево продвинуться не удалось. Дивизия застряла перед сильно укрепленным узлом обороны немцев на высоте 193.7, что у села Детятино. Этот узел не смогли взять даже усилиями трех дивизий - 56-ой, 85-ой и 377-ой; вернее, теми силами, что остались от этих дивизий. Наша дивизия понесла такие потери, что П.А. Дятлов пишет: "У 377-ой это были в буквальном смысле последние силы". Достаточно сказать, что в 1249-ом СП осталось в строю 160 человек.

Во второй половине дня я проходил под Пишево через медпункт 1247-го полка, где раненые подвергались, по выражению медиков, первичной обработке и сортировке. На небольшой поляне, по окраине которой были поставлены санитарные палатки, раненых принимал полковой врач капитан медслужбы Лев Галеркин - дорогой наш друг из "Кильдыма". Я застал его на перекуре, опирающегося спиной о ствол толстой березы. Руки его в перчатках были разведены по сторонам. Одна из сестер раскурила ему самкрутку и вставила в зубы. Он был весь с ног до головы заляпан кровью. Черты лица заострились, был он небрит. Видна была страшная усталость.

- Трое суток не отдыхает, - шепнула мне сестричка. Лев улыбался. Выплюнув сигарку, он встретил меня обычными шутками. Казалось, ничто не могло вывести его из равновесия.

- Вот, дожил: штаны не могу расстегнуть самостоятельно, - притворно сокрушался Галеркин. - И кормят с ложечки.

Вокруг сидели и лежали десятки раненых. Сновали санитары с носилками, подъезжали санитарные повозки.

Время от времени рядом рвались снаряды, свистели осколки, вздрагивала земля. Пели над головой залетающие сюда пули. Проходили через медпункт до 600 и даже более человек в сутки. Трудно сказать, кому было тяжелее всех в эти такие погожие солнечные августовские дни.

8-го августа наступил перелом: 377-ая СД совместно с 85-ой СД окружили Детятино и ликвидировали опорный узел на высоте 193.7. При этом было убито более 100 немцев. Дивизия овладела деревнями Фролкино, Самойлово и вышла к деревне Соколово. В этот день войны дивизии истребили 540 немцев и взяли в плен 28. Именно здесь, в полосе наступления 377-ой и 85-ой дивизий 8 августа происходили главные события на 3-м Прибалтийском фронте. Дивизии упорно пробивались сквозь оборону неистово упиравшегося противника. Линия "Мариенбург" была прорвана.

Наша рота получила задание выручить застрявший в болоте тяжелый танк "ИС". Расположив оба взвода на опушке леса, где можно было укрыться от обстрела, я подошел к танку. Вокруг было спокойно, бой бушевал где-то в полукилометре от нас. Я постучал по броне. Открылся башенный люк, и старшина-танкист жестом пригласил меня внутрь. Я принял приглашение. Танкисты просили подвести под гусеницы настил на длину танка, так, чтоб машина могла, зацепившись за бревна, выйти всей длиной гусениц на этот настил. По броне зацокали пули. Старшина приоткрыл крышку люка, и в нее сейчас же чмокнула пуля. Но из танка нужно было выбираться. Я поднялся к самому ободу люка и подбросил планшетку, что была у меня на длинном крепком шнурке. В нее тотчас впилась пуля, и в этот миг я ринулся через край люка вниз головой за гусеницу. Приземлился благополучно на все четыре конечности. Перебежками добрался до опушки. Отправил двух надежных ребят в обход, чтоб они сняли немецкого снайпера - "кукушку" - стрелявшего по танку с дерева. Через несколько минут снайпер рухнул на землю. Бойцы начали бегом подносить к танку бревна из спиленных здесь же деревьев. На переднем крае усилился шум и затем резко спал. Наша пехота пошла вперед. Мы не успели сделать настил, как вдруг заработал мотор, и танк без усилий самостоятельно вышел из болота и удалился. Я чуть не плакал от обиды. Выходит, танкисты явно симулировали, что застряли. Такого я еще не встречал. Меня утешило только то, что рота не имела потерь при этой операции.

Во второй половине дня мы получили приказ влиться в состав стрелковых полков, где пехоты почти не осталось. Роту Баталова объединили с дивизионной разведротой. Этот объединенный отряд пошел в наступление и штур-

рмом взял один из хуторов. Немцы пытались выбить отряд, накрыв хутор огнем шестиствольных минометов. Но такой сплав, как саперы и разведчики, выбить трудно. Отряд не только удержал хутор, но сумел взять пленного, которого бегом под конвоем одного из разведчиков отправили в штаб дивизии.

В моей роте осталось всего 20 человек, в том числе 3 офицера, включая меня. Мы получили приказ закрепиться на одном из участков и держаться до прихода смены. Заданный участок выглядел мирно, вокруг было тихо. Но при выходе на позицию рота попала под сильный пулеметный огонь. Шедший в 2-3 шагах позади своего командира ординарец младшего лейтенанта Спектора Петр Ляхов был убит наповал пулей, попавшей ему в горло. Мы расположились на склоне возвышенности и стали окапываться. К нам присоединились четыре бойца, оставшиеся от стрелковой роты. Состояние у них было подавленное. В противоположность саперам пехотинцы окапывались неохотно. Я не пытался заставить их. Побеседовал с ними, объяснил, что саперы больше сохранились, потому что не стесняются лопаты. Постепенно бойцы вошли в наш коллектив. Успокоились. Перезнакомились. Окопались.

Противник занимал позицию на другой стороне довольно широкой ложбины метрах в 300 от нас. Оттуда звучали отдельные неприцельные выстрелы. Ночь прошла спокойно. Поочередно через одного спали. Поутру 9-го августа немцы начали обстрел. Какие-то странные снаряды падали вокруг нас и шипя извивались по траве, не взрываясь. Оказалось, что это были бронебойные противотанковые болванки. Похоже, что противник выдохся с боеприпасами.

Около 10 часов нас сменила часть 52-ой гвардейской дивизии, и рота направилась к пункту сосредоточения саперного батальона в Лауру. Уходили быстро. Уже отошли метров 300, когда я увидел, что боец Брейляну идет без оружия. Не привлекая внимания роты, я отозвал его и спросил, где карабин. Боец побледнел.

- Я оставил его в окопе, товарищ лейтенант.

Предупредив командира первого взвода, что отлучаюсь, я пошел с Брейляну назад. Ох, как не хотелось идти опять под пули. Да и карабин в этих условиях можно было достать без особого труда. Но солдат должен знать, что оружие война священо. Мы нашли карабин Брейляну и благополучно догнали роту.

Похуже вышло происшествие у комвзвода младшего лейтенанта Спектора. При уходе с позиции он неудачно прошел прямо перед только что установленным минометом в момент его выстрела, после чего 2 недели не слышал правым ухом. С горя ему и выпить не пришлось. Когда пришли

в расположение, то выяснилось, что его водку выпил капитан Колотилин, посчитавший лейтенанта убитым. Пришлось Давиду утешаться тем, что он жив.

Отдельную задачу выполнял взвод инженерной разведки во главе с лейтенантом Рызиковским. Взвод, действуя как стрелковое подразделение, участвовал во взятии хутора Фролкино. Немцев там было немного, но здорово мешала пулеметная точка, которую, однако, немцы бросили, увидев, что наши разведчики обходят Фролкино. В хуторе освободили из погреба наших раненных бойцов и гражданских лиц - человек 20. В их числе были псковичи, от которых Рутковский узнал, что его мать, сестра и брат находятся на ближнем хуторе - в 3-х км от Фролкино. Обстановка не позволила ефрейтору навестить родных. Но он знал теперь, что они живы и где находятся.

10-го августа в 5 ч. 30 м. началась мощная артиллерийская подготовка, длившаяся 45 минут. 3-й Прибалтийский фронт перешел в наступление, нанося удар в направлении г. Ваалга. В этот день полки 377-ой СД сосредоточились юго-восточнее Лауры. Саперный батальон собрался в самой Лауре. Победа была одержана, но радости не было. Слишком велики были утраты. По данным П.А. Дятлова, если взять их в округленных числах, дивизия потеряла убитыми около 500 человек и ранеными более 2000 человек. В строю осталось примерно 2000 человек. Дивизия уничтожила 2560 солдат и офицеров противника. Потери в саперном батальоне относительно меньшие, чем в пехоте. Наверное, главная причина этому в умении саперов быстро находить и оборудовать укрытия, окапываться.

В нашей среде осуждали действия командования дивизии, которое допустило такие потери. Ведь у нас было прекрасное пополнение из солдат, служивших на Дальнем Востоке. Все они перемололись в этой страшной мясорубке на линии "Мариенбург". Наше мнение подтверждалось быстрой сменой начальствующего состава дивизии: начальника штаба подполковника М.М. Ганелиса сменил полковник Г.И. Шепкин. Был отозван, как официально значилось в приказе, в штаб фронта командир дивизии полковник С.С. Софронов. Мы считали, что эти командиры были сняты, как неоправдавшие себя.

С 3-го по 9-е августа дивизия продвинулась на 2 км, потеряв больше половины своего состава. Медленно, тяжело, с невероятным напряжением продвигались полки дивизии в течение этих дней. За Лапково и Пишево не салютовала нам Москва. Настолько велики были боль и горечь за гибель товарищей, за неудачное, как мы считали, сражение, что мы даже не обращали внимание на то, что такие же потери были еще в 12 дивизиях, сражавшихся бок

о бок с нами. Лишь теперь, спустя много лет, ясно видится, что не будь решена наша частная задача по прорыву линии "Мариенбург", не было бы и столь успешного общего наступления всего фронта, начатого 10 августа 1944 года. Наступательный порыв был бы погашен при прорыве мощного оборонительного рубежа, и кто знает, как бы сложились дальнейшие события. Образно говоря, группа прорыва, в которую входила наша дивизия, сыграла роль наконечника, помогающего бронебойному снаряду проникнуть в цель - в данном случае обеспечила фронту возможность прорваться в глубь немецкой обороны.

Многие бои и командиры дивизии, и нашего отдельного саперного батальона в частности, были награждены за участие в августовских боях. Оба командира рот - Багалов и я - были награждены орденами Отечественной войны 2-й степени.

ВЯЙКЕ ЭМАЙГИ

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.

А. А. Блок

Обескровленная в боях на линии "Мариенбург" 377-ая Д продолжала путь на запад, двигаясь во втором эшелоне 1-ой Ударной армии. Наш отдельный саперный батальон прошел населенные пункты Пяльстры, Пустури, Колка, Ярди, Петрикюла. Суточный переход составил 15-20 км. Этот марш не утомлял людей, которые отходили от страшной напряженности многодневных непрерывных боев. Спереди доносился шум войны, а мы шли по холмам среди мирных приречных сосен и берез. Когда пересекали возвышенность Канья, то в открывшемся на юго-запад просвете между дельями увидели в обширной котловине голубую гладь озера, выправленную в зелень залесенных холмов. Несколько минут любовались мы с Баталовым сказочным видом. Это было одно из озер, протянувшихся цепочкой с севера на юг от озерного истока реки Педелезе через Мисо, Хино и до Алуксненского озера с островом, на котором высится замок Мариенбург, построенный Ливонским орденом в 1341 году. Вот откуда немцы взяли название для своего оборонительного рубежа на подступах к Прибалтике - "Линия Мариенбург". Но недолгой была наша передышка на ходу. 16 августа дивизия вновь вступила в бой, вынуждая начавшую отходить под контратакующим натиском противника 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Нашей дивизии совместно с приданным ей 384-ым отдельным истребительным противотанковым дивизионом удалось остановить продвиже-

ние противника. Дивизионные саперы разминировали подступы к селению Вана-Антсла, что в шести километрах от Антсла, и участвовали в овладении этим пунктом. Однако противник продолжал контратаковать. 18 августа 4 немецких танка в сопровождении пехоты ворвались на кладбище, расположенное на высоком бугре у Вана-Антсла. Наш взвод инженерной разведки, как вспоминает ефрейтор Рутковский, остановил спешно отступавшую батарею 76-мм орудий и с ее помощью отбил вражескую атаку. Все четыре танка были подбиты. В течение четырех дней дивизия вела бой с переменным успехом, наши силы таяли, но 20 августа немцы резко оторвались от нас и в районе селения Рагули мы получили небольшую передышку.

В эти дни в батальоне была собрана группа поиска за "языком". Чье это было решение, можно только предполагать. Приказ был от командира батальона майора Исаева. Группа состояла из пяти человек, в числе которых были старший сержант Мозокин - командир группы - рядовые Капитонов, Гасилов и еще двое, фамилии которых ни я, ни Мозокин не можем вспомнить. Все пятеро шли на поиск добровольно. Капитонов, тот самый, что так славно отличился при прорыве линии "Мариенбург", свято выполнял свою клятву бить немцев до последнего вздоха. Своеобразным солдатом был Гасилов. Лет ему было около 25. По виду он напоминал цыгана: смуглый, с густым черным волосом и черными глазами, таившими хитринку. Некоторое время был он в хоззведе в качестве сапожника, а затем - ординарцем у Баталова. В дальнейшем он проявил незаурядную храбрость и солдатскую смекалку, был хорошо награжден. Поскольку в большинстве своем эти люди были из моей роты, то мне довелось заниматься проведением этой операции. Времени для несоблюдимого наблюдения не было, и на поиск пошел вечером, после недолгого осмотра в бинокль немецких позиций. Некоторые сведения нам сообщили артиллерийские наблюдатели из дивизиона пушек калибра 122-мм. У немцев был промежуточный рубеж - по сути одна линия траншей, но достаточно укрепленная и обеспеченная огнем. Наша пехота успела окопаться.

С артиллеристами мы договорились, что по нашему ракетному сигналу они накроют немецкую позицию своим огнем. Пушки эти - 122-мм - стреляли очень точно, часто снаряды ложились прямо в окопы.

Когда разведчики подползли совсем близко к немецкой траншее, оттуда полетели гранаты, одна из которых попала ползшему впереди Капитонову прямо под грудь и взорвалась, что ясно видел находившийся вблизи Гасилов. Обнаруженные разведчики начали отходить. Мозокин дал ракету, и артиллеристы открыли огонь. Немцы не отвеча-

ли. Разведчики прыгнули в свою траншею, и Гасилов сообщил, что Капитонов убит наповал. В это время из нейтралки послышался совершенно внятный крик:

- Помогите! Колька, Мозокин!

Это кричал Капитонов. Мозокин мгновенно оказался на бруствере и побежал на зов. За ним и остальные. Немцы молчали. Капитонов медленно шел навстречу, поддерживая вываливающиеся внутренности. Через несколько минут его принесли. Наш фельдшер стал перевязывать Капитонова и попросил зачем-то фуфайку. Раненый не стонал, но просил пить.

- Ни в коем случае, - строго сказал фельдшер.

Вскоре пришла подвода, и Капитонова отправили в санчасть.

- Как его состояние? Есть надежда? - спросил я у фельдшера.

- У него ничего не осталось, весь живот вырван до позвоночника. Чтоб перевязать, пришлось наложить фуфайку.

Могучая натура Капитонова еще держала жизнь двое суток, причем, как сообщили из полевого госпиталя, он был при памяти. Ну, как здесь не вспомнить: "Да, были люди в наше время...". Такие люди делали победу.

21 августа в командование дивизией вступил полковник Тимофей Дмитриевич Дудоров. Прибыло и долгожданное пополнение дивизии в количестве 1700 человек, что не восполняло наши потери, но все же мы вновь становились боевым соединением. Несколько дней шло интенсивное обучение новичков, пополнение частей оружием, боеприпасами и снаряжением.

Время от времени нас навешали немецкие самолеты, подвергая боевому крещению прибывших воинов.

Нашей роте не пришлось заниматься подготовкой. Поутру меня вызвал комбат Исаев. Он был изрядно пьян.

- Бери роту и отправляйся в штаб дивизии. Если спросят обо мне, скажи, что болею.

Из этого я понял, что в штадив вызывали именно его - командира части. Так оно и было. Штадив я нашел в трех километрах от расположения нашего батальона на опушке густого лесочка. Начальника штаба полковника Шепкина я застал у передвижной радиостанции. Сначала выглянула радистка, осведомившаяся, кто пришел, затем вышел сам полковник. Он выглядел очень усталым, лицо было желтым, и я подумал, что у него болящая печень. Он ничего не спросил о комбате и велел мне строить КП. Я попросил указать место. Полковник повел нас через поляну в небольшую круглую рошу и показал место вблизи опушки.

- Через два часа доложите о готовности, - приказал

полковник.

Я робко осведомился о размерах укрытия и его отделке.

- Это Вы сами обязаны знать, - раздраженно ответил начштаба.

С младшим лейтенантом Спектором мы быстро разметили место под блиндаж и ход сообщения. Бойцов одного взвода расставили так, чтоб они часто сменялись и работа шла бы безостановочно в напряженном ритме. Второй взвод занялся заготовкой бревен и жердей для перекрытия. Сразу возникли трудности. Пришлось вырубать многочисленные корни. Это бы еще полбеды. Но нас начали обстреливать немецкие автоматчики, и вблизи разорвались несколько мин. Пришлось послать взвод для отражения группы автоматчиков и подавления минометного расчета. Я начал волноваться. Работа все время прерывалась, и стало сомнительно, что мы уложимся в отведенные нам два часа.

В это время ко мне подошел связной и передал приказание немедленно явиться к командиру дивизии. Связной повел меня не к радиостанции, где я уже был, а к группе тесно растущих берез, в тени которых на краю небольшой свежевырытой шели стояли двое: полковник Шепкин и рядом с ним мужчина лет тридцати пяти в ладно облегающей его крепкую фигуру фуфайке без погон. По командирской фуражке я догадался, что это новый командир, и представился.

- Что Вы делаете? - спросил он.

- Строю Вам КП, товарищ полковник, метрах в ста отсюда. Но приходится отбиваться от автоматчиков, и мешает минометный обстрел. Уже есть раненые, и работа тормозится.

- Пойдемте, - сказал полковник, и мы быстро пошли в рошу. Бегло взглянув на наше деяние, он жестом пригласил меня следовать за собой, и мы вышли на опушку.

- Видите канаву? - спросил полковник, указывая на большую дренажную канаву, пересекающую поляну между рошами на протяжении метров трехсот. - Вот посредине поляны, используя канаву, сделайте блиндаж с амбразурой для наблюдения и перекрытием в один накат от осколков. Хорошо замаскируйте. Работайте так, чтоб вас не видно было.

- Как? - удивился я, - КП прямо на открытом месте?

- А как Вы думаете, лейтенант: придет противнику в голову искать наш командный пункт на совершенно голой поляне? Конечно, нет. Он станет искать КП именно в том месте, где вы сейчас роете.

- Но ведь к Вам будет приходиться много людей и демаскировать КП.

- Правильно. Вот вы построите блиндаж, и Ваши люди перекроют канаву с двух сторон и никого не пропустят. Кому нужно - будет звонить, и я укажу, кого пропустить. Только так и можно будет решать боевую задачу. Вы ведь имеете инженерное образование. Могли бы и сами догадаться, где нужно строить КП, - с мягким укором закончил полковник Дудоров.

Уши у меня горели. Было стыдно, и я стал ссылаться на указание начальника штаба, на что полковник ничего не ответил и ушел. Я проникся глубоким уважением к новому командиру. Еще никто из командиров не разговаривал со мной так просто и логично. Полковник Дудоров добавил то, чего мне постоянно не хватало: смелости и самостоятельности решения.

С заданием рота справились в срок. Я поставил охрану по концам канавы - теперь уже хода сообщения. Вскоре на охране КП нас сменили автоматчики дивизионной роты, и мы возвратились в свое расположение.

Здесь меня ожидала очередная неприятность. Комбат запил крепко, но не успокаивался. Приказал мне взорвать водонапорную башню в полосе немецкой обороны. Видя мою нерешительность, добавил, что это приказ командира, из чего я понял, что это его буйная фантазия.

В ночь я вышел с группой подрывников в указанное место. Ширина нейтралки здесь составляла около 100 метров. Водонапорная башня находилась прямо в линии немецких окопов. Она была глуха и нема и никакого значения для немецкой обороны не имела. Наблюдательный пункт на ней установить было нельзя, так как он был бы немедленно уничтожен нашими артиллеристами. Я пошел на батарею 122-мм пушек. Командир батареи удивился и сказал, что достаточно одного снаряда, чтоб снести башню, но он не видит в этом смысла.

- Как бы немцы сами ее не взорвали при отходе, - добавил он.

Саперам подойти с зарядом к башне по открытой нейтралке, просматриваемой и простреливаемой немцами, было невозможно. Операция принесла бы только ничем неоправданные потери. И я увел своих бойцов.

Путру следующего дня немцы спешно оставили этот участок, опасаясь окружения, а башня так и осталась на своем месте. О ней никто не вспомнил.

Дивизия все еще была не укомплектована и не готова для серьезных операций. Но в ночь на 30 августа части получили приказ на боевой марш в тыл противника. Шли очень ходко, но скрытно: без разговоров, без курения. На рассвете, пройдя более 40 км, наша пехота в походной колонне вышла на шоссе, по которому спокойно катил не-

мецкий обоз. Стрелковый батальон головного полка развернулся в обе стороны по шоссе, разоружив и пленив немецких обозников. Дивизия перешла шоссе и заняла ряд населенных пунктов. Наш саперный батальон остановился на мызе Лотта.

Этот ночной рейд являлся смелой и талантливой операцией полковника Дудорова. Дивизия без потерь вышла в тыл противника, вызвав у него настоящую панику. Немцы не просто отступали, они бежали под угрозой окружения. Продвижение наших войск на этом участке фронта приобрело характер стремительного броска, по крайней мере, на 40 км. Однако дальнейшее наступление 1-ой УА, в которую входила наша дивизия, достигшей реки Вяйке Эмайыги вблизи города Валга, было приостановлено мощным грабительным огнем артиллерии и минометов противника. Здесь у немцев была оборудована очередная оборонительная полоса "Валга", с помощью которой они пытались остановить наступление наших войск в Прибалтике.

Директивой Ставки 3-й Прибалтийский фронт перешел к временной обороне и подготовке Рижской наступательной операции. Первым звеном в этой операции было преодоление рубежа "Валга", который состоял из двух траншей полного профиля, ДЗОТов, пулеметных гнезд. Каменные строения в полосе обороны были оборудованы под пулеметные и минометные точки. Дороги были перекрыты лесными завалами. Перед оборонительной полосой простиралась естественная преграда - долина реки Вяйке Эмайыги. Ширина реки 25-35 метров, глубина 1-5 метров. Правый берег, занятый нашими войсками, обрывистый, высотой 3-5 метров, залесенный. Левый берег низменный, открытый на расстоянии до 100 метров от воды, местами заболоченный, весь простреливаемый перекрестным огнем.

Вяйке Эмайыги берет начало с возвышенности Отепя (вытекает из озера Пюхаярв), что расположена в 40 км к северо-востоку от г. Валги, течет на юго-запад и, не доходя 10 км до Валги, делает полукольцо, меняя течение на северо-западное, и через 50 км впадает в озеро Выртсъярве. Вяйке - маленькая, Эма - мама, Йыги - река. Вяйке Эмайыги - это река Маленькая Мама. Спокойная, тихая, сонливо течет она среди высоких сосен, мохнатых елей, кудрявых берез и осин. На заболоченных полянах ее берегов растет вереск и калужница. Покоем дышит долина Маленькой Мамы. Именно здесь произошли бои, которые были "одними из самых напряженных и кровопролитных за всю историю армии" (Г.И. Бераников, "Первая Ударная", 1988).

В эти дни, когда мы вышли на берег Вяйке Эмайыги, северо-восточнее г. Валги, ко мне пришла большая радость. Нина Карасева сообщила, что ей удалось разыскать

моих родных в освобожденной 10 апреля Одессе. В немедленном ответе я ей писал: "Наверное, сегодня самый счастливейший день за период моей военной жизни. Из твоей открытки неясно мне, как ты узнала о моей семье. Думаю, что твоё сообщение бесспорно. Я на радостях послал в Одессу все, что можно: всякие справки, и перевод, и аттестат, и два письма... Готовлюсь к бою. Пишу письмо на веранде роскошного особняка, владелец которого бежал с немцами. Я здесь нашел редкую литературу на русском языке".

Писал я в селении Уникюла в доме, где располагалась наша рота. Литературу, которую я нашел, читать было некогда, удалось лишь посмотреть иллюстрации в журнале "Нива" за 1914-1916 годы "о той войне" - Первой мировой.

Саперному батальону была поставлена задача обеспечить переправу пехоты и средней артиллерии через Вьяке Эмайыги. Для решения задачи нужно было выбрать место переправы и определить вид самой переправы (мост, понтоны). Разведчики первого взвода помогли установить систему обороны противника на участке против позиции 377-ой СД и обследовали речную долину. Они установили, что против нас обороняется та же дивизия, что противостояла нам на линии "Мариенбург" и еще ранее на Нарве. Немецкое командование старалось ставить против наших дивизий те свои дивизии, что уже знали нас. После детальной рекогносцировки выбрали место переправы - устье небольшого, длиной около ста метров, ложка. Ложок, глубиной до 4 м и шириной 15-20 метров поверху, круто изгибался в середине, что позволяло укрыться от ружейно-пулеметного огня. Устье закрывали кусты. Сам ложок - заросший, залесенный, как и окружающая местность - был невидим для противника, и в нем можно было скрытно сосредоточить переправочную технику и разместить людей.

Чтобы решить, какими средствами организовать переправу, нужно было промерить реку поперек - составить ее профиль. За эту задачу взялся командир взвода младший лейтенант Спектор. Он придумал простое приспособление. Из ровных длинных жердей был связан прут длиной более 30 метров, на котором через каждые два метра были сделаны зарубки. К головной части прута прикрепили сухое бревнышко-поплавок, скобу и веревочную оттяжку для удержания прута от разворота течением. Через скобу пропустили канат с узлами через каждый метр и грузом на конце. Ночью это устройство саперы вынесли на берег к месту предполагаемой переправы. Младший лейтенант Спектор, выдвигая прут на два метра, подтягивал груз к скобе, затем спускал его на грунт, считая узлы на канате, оп-

ределяя на ошупь и записывал глубину, а его помощник сержант Покотило, находясь в нескольких метрах вверх по течению, удерживал за оттяжку прут на траверзе. Таким образом, в ночное время, не переправляясь через реку, быстро, точно и без потерь саперы установили профиль реки - линии поверхности дна - с глубиной до 4 м и ширину реки в данном месте 28 м. Кроме Спектора поперечный профиль реки измерили наши разведчики Мозокин и Рутковский, так что данные о реке были достаточно надежными. Было принято решение осуществить переправу на понтонах.

Постройку понтонов начали с нуля: не было необходимых материалов и инструментов, а главное, у нас не было опыта постройки подобной переправы. Все собирали в окрестных хуторах. Часть досок изготовляли сами, распуская найденные бревна и столбы продольными пилами. Своими же силами стали ковать скобы для крепления. Проект понтонного моста, предложенный дивизионным инженером подполковником Русановым, уточняли и детализировали всем составом батальона от плотника Симонова до комбата. Главная нагрузка легла на командиров рот и взводов. За семь дней вдохновенного творческого труда была подготовлена переправа через Вьяке Эмайыги: сделаны понтоны, прогоны, настилы и другие детали наплавного моста. Испытание и тренировку провели на близлежащем небольшом озере.

Как-то на перекуре Ефрем Иванович Русанов спросил нас - молодых офицеров:

- Знаете ли вы, какое памятное место находится возле нас? - Мы не знали. - На берегу Вьяке Эмайыги находится мавзолей прославленного русского полководца Барклая-де-Толли.

Увы, увидеть мавзолей нам тогда не удалось. Трое - Баталов, Рутковский и я - посетили мавзолей 42 года спустя в сентябре 1986 года. Рядом с мавзолеем теперь стоит четырехугольный памятник из красного гранита шестистам нашим воинам, погибшим при взятии Валги.

Одновременно подготавливалась исходная позиция для наведения переправы в кривом ложке. На приустьевом перпендикулярном к реке отрезке ложка, на его склонах выкопали неглубокие гнезда для понтонов. В глубине ложка за его крутым поворотом оборудовали укрытия для людей: шели и небольшую землянку для офицеров. Справа от устья ложка на бровке обрыва к реке на высоте четырех метров от уреза воды взвод инженерной разведки отрыл окопы полного профиля и устроил наблюдательный пункт. Метрах в 50 в тыл от офицерской землянки уже за пределами собственно ложка слева от него оборудовали КП командиру ба-

тальяна.

Чем ближе подходил срок наступления, тем больше наполнялись окрестные леса людьми и техникой.

В эти дни из моей роты исчезли два бойца. Бойцы эти попали в батальон еще на Нарве и относились к надежному костяку роты. Оба в лучшем возрасте - около 30 лет. Не верилось, что они дезертировали, но никто их не видел убитыми или ранеными. Однажды проходил я к месту заготовки деталей для понтонов по дороге, вдоль которой остановилось на привал какое-то подразделение. Люди кучно сидели вдоль кювета. Вдруг поднялись два бойца:

- Здравия желаем, товарищ лейтенант!

Это были мои пропавшие бойцы.

- Мучаемся, что ушли, - сказал один из них, - думаем, что Вам за нас досталось. Но мы не дезертиры. Записали нас в пехоту - мы сказали, что отбились от части. А от вас ушли, потому что неумоготу саперная жизнь, слишком уж тяжело.

- Что же теперь нас, под трибунал? - подавленно спросил второй боец.

- Где ваш командир взвода? - спросил я. - Ведите к нему.

Тут я познакомился с молоденьким младшим лейтенантом, и мы сразу поняли друг друга. "Дезертиров" своих я забрал, и они еще долго и успешно служили в саперах. Этот случай - яркий пример того, как горек хлеб сапера.

Каждую ночь разведчики ходили за "языком", переправляясь через Вяйке Эмайги. В ночь на 14 сентября перед самым наступлением на Валгу с дивизионной разведкой на поиск отправился ефрейтор Рутковский, делавший проходы в минных полях и проволочных заграждениях противника. Этой ночью берега сковал первый заморозок. Обледенелая трава и схваченные ледком лужицы хрустели под ногами. Скрытно подойти к немецким окопам и взять "языка" не удалось. При возвращении оказалось, что лодка, в которой переправлялись разведчики, пробита и затонула. Пришлось Рутковскому переплывать студеную речку и посылать за разведчиками другую лодку. Растерли хлопца водкой, а утром он уже был готов к бою.

На рассвете 14 сентября батальон занял боевую позицию в кривом ложке. В офицерской землянке нас собралось четверо. Мы сидели по двое с двух сторон за грубо сколоченным столиком. Вход с тыльной стороны был просто проемом без дверей. Против входа в двух метрах стояла невысокая сосна. Ожидая артподготовку, мы играли в преферанс. Карты сдавал лейтенант Рыдзиковский, находившийся у дверного проема. В этот момент в сосну, что у входа, на высоте около метра над землей попала мина. От

взрыва дерево переломилось, а осколки веером прошли над нами, впиваясь в бревна наката. Осколком срезало клоч волос с пышной шевелюры Рыдзиковского. Но лейтенант продолжал сдавать карты, как будто ничего не произошло. Самообладание его было поразительно до неправдоподобия. На происшествие никто внешне не реагировал.

В 9 часов на участке прорыва нашей 1-ой Ударной армии и соседней 67-ой армии длиной 21 километр на немецкие позиции обрушился мощный удар. Огневой вал крушил и выжигал оборону противника в течение часа. В 10 часов на мгновение наступила оглушительная тишина, и сразу же началась атака. Саперы во главе с офицерами бегом ("понтонным шагом" по-саперному) вынесли пулемет два понтона к берегу. Но с левой стороны реки ударил длинной очередью пулемет. От первого понтона полетели щепки, один сержант был ранен в голову и в живот, у бойца отрубило палец. Ранен был ефрейтор Рутковский. Он вспоминает:

- Я боли не почувствовал, только сильный удар, как бревном ударило. Вторая очередь меня не задела, и я вскочил в ближайший окоп. Сам добрался до землянки санструктора и там потерял сознание. Очнулся, когда перевязывали. Пуля прошла через предплечье правой руки, другая - через левое бедро, а разрывная - в грудь.

Выше и ниже по течению пехота начала переправляться на лодках, плотиках и по штурмовым мостикам. Стрелять наша артиллерия уже не могла, чтоб не задеть своих. Несколько раз мы пытались вынести понтоны, но пулемет на той стороне оживал и точно бил по цели. От комбата прибежал связной:

- Приказ командира дивизии подавить точку своими силами, - выпалил он.

Я бросился к первому взводу и передал приказ Рыдзиковскому.

- За мной, - властноскомандовал лейтенант, первым выскочил на бруствер и прыгнул с четырехметровой кручи в воду. Все девять саперов его взвода последовали за ним. Некоторые из них были ранены, не достигнув противоположного берега. Рыдзиковский и трое с ним бросились правее, где ближе к берегу подходил лес. В обход по лесу подбежали к пулеметной точке с тыла. Только двое - Рыдзиковский и его помощник старший сержант Мозокин - достигли цели. За пулеметом, скованные цепью, лежали два штрафника-австрийца. Пулемет замолк, и оживала речная долина. В считанные минуты был наведен понтонный мост, по которому устремилась пехота, покатила полковая артиллерия. В некоторых понтонах через пробоины начала проникать вода. Но голь на выдумки хитра. Мы стали жечь

дымовые шашки и их горячей смолоподобной начинкой замазывать отверстия. Получилось весьма приемлемо.

Рыдиковский и Мозокин привели пленных. На мост выбежала медсестра - пухленькая миловидная блондинка.

- За что погубили ребят?! - кричала она и, матерясь, била пленных своей туго набитой сумкой. По лицу ее катились слезы. Пленные уклонялись от ударов, стараясь скорее пройти.

К переправе подъехали два всадника: командир и начальник штаба дивизии. Я отрапортовал.

- Кто подавил пулемет? - спросил командир.

- лейтенант Рыдиковский со своим взводом, товарищ полковник, - ответил я.

- Немедленно напишите рапорт на награждение лейтенанта Рыдиковского орденом Отечественной войны 1-ой степени, - приказал командир.

Продвижение наших войск в первый день прорыва было небольшим. Пожалуй, 377-я СД выглядела предпочтительней, чем другие соединения. Она продвинулась на 2,5-3 км.

На переправе в качестве ее коменданта остался комроты Василий Баталов. Он следил за исправностью моста и порядком передвижения по нему. В течение дня Баталов изучил и хорошо запомнил окружающую местность. Примерно в полукилометре от наведенного нами моста ниже по течению виднелись остатки взорванного немцами каменного моста. Это был мост на дороге, ведущей от имения Баркляе-Толли Йёгевесте к Валге.

Хорошо запомнившаяся ситуация помогла Баталову через много лет отыскать место форсирования Вяйке Эмайыги нашей дивизией.

Два взвода моей роты получили задания на сопровождение стрелковых полков. лейтенанта Рыдиковского с единственным оставшимся в его взводе невредимым старшим сержантом Мозокиным забрал в свое распоряжение комбат Исаев.

Вместе с замкомбатом капитаном Мелентьевым мы отправились в селение, куда должен был переместиться штаб саперного батальона. Вечерело, когда мы добрались к месту и заняли выбранную нашими орадинарцами чистую землянку, где, судя по лекарственному запаху, была аптека или перевязочный пункт. Малая по площади землянка имела высоту не менее трех метров и была врыта в склон холма наподобие встроенного шкафа. В ней размещались одноместные нары в три яруса. Верхняя полка уже терялась в полутьме сумерек. Мы сели за стол у небольшого окна, из которого проникал достаточный для ужина свет. Казалось, что после тяжелого дня появилась возможность спокойно

поесть. Мы молча выпили свои стограммовки и кончали закусывать, когда вдруг что-то зашуршало и какой-то большой предмет с грохотом упал между нами, закрыв весь стол. Это был человек. Когда мы выбрались из-за стола, то увидели, что на нем лежал рослый немецкий солдат. Он был мертв, но еще не остыл. Видимо, последним судорожным движением он скатился с верхних нары. Ушли мы из этого пристанища буквально не солоно хлебавши. И вновь наука. Мы слепо доверялись своим орадинарцам и не удались осмотреть землянку. Ведь могло быть много хуже.

В ночь подъехал капитан Пясковский со своей штабной кибиткой, и мы узнали, что погиб лейтенант Рыдиковский. Об обстоятельствах его гибели я помню из рассказа Исаева, и много позже об этом происшествии поведал мне Николай Никонович Мозокин. Их сообщения несколько различаются, но факты совпадают. Втроем - Исаев, Рыдиковский и Мозокин - отправились за "трофеями". Комбату зачем-то понадобился велосипед. Шли они по оставленным немецким позициям и на одной из полян наткнулись на окопы, занятые немцами. Наверное, это была группа, не получившая приказ на отход.

- Рус, сдавайся, ком герр, давай, давай, - кричали немцы и призывно махали руками.

Рыдиковский был выше своих спутников, на плечах у него висела широкая плашпалатка.

- Я сейчас поговорю с ними, - вполголоса сказал он, не поворачивая головы, - а вы броском назад в лес, иначе нам не уйти.

Рыдиковский зычным голосом что-то закричал на немецком языке, которым он неплохо владел, и при этом расплахнул плашпалатку. Под этим прикрытие Исаев и Мозокин сумели скрыться в лесу, а сам Рыдиковский не успел. Он был сражен пулеметной очередью наповал.

Жертва эта была глубоко обидной. Выйти невредимым из труднейшего боя и так неожиданно нарваться на смерть. Прошло много лет, но это событие не тускнеет, не дает покоя.

Оставив оборону на Вяйке Эмайыги, противник ожесточенно сопротивлялся на подступах к городу Валге, где соединяются железные дороги на Ригу, Тарту и Псков. С 14 по 19 сентября части дивизии шаг за шагом по 3-5 километров в день теснили немцев, обходя Валгу с северо-запада. 19 сентября после сильной артподготовки была взята станция Валга, затем форсирована небольшая речка Педелэ и занята западная часть города, уже относящаяся к Латвии и называемая Валка. Вечером Москва салютовала освободителям Валги. Наша дивизия в числе других получила наименование Валгинской. Каждому из участников бо-

ев за Валгу была вручена по приказу Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Сталина "Благодарность за отличные боевые действия при овладении городом и крупным железнодорожным узлом Валга - мощным опорным пунктом обороны в южной части Эстонии".

Вспоминая о боях за Валгу через 40 лет при встрече с Н.Н.Мозокиным в Ленинграде, я написал о самом впечатляющем, о подвиге 1-го взвода - взвода инженерной разведки:

Семь раз пыталась рота
Понтоны сбросить в воду.
Семь раз под пулеметом
Ложилась наземь рота.
И нужно вражьей точке
Поставить было точку.
Поднялся взвод. Бросок.
Из-под сапог - песок,
Не добежать до брода,
Все с кручи - в воду.
Перемахнули они мигом
За речку Вяйке Эмайыги.
И пулеметный лай зачах.
Два смертника в цепях
Лежали за шитом,
Подняли руки. И потом
Полки взметнулись в рывке,
А взвод... остался на песке.
В глазах у пленных страх.
Их била сумкой медсестра,
Давясь слезами, матом...
"За что погублены ребята?!"
Я помню подвиг ваш высокий,
И Рыдзиковский, и Мозокин,
И все ребята остальные,
Бойцы-разведчики лихие.
Да было жарко,
Но взята Валка.

РИЖСКИЙ ЗАЛИВ

Переправа, переправа!
Пушки бьют в кромешной мгле.
Бой идет святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

А.Твардовский

Оставив Валгу, немецкие войска упорно сопротивлялись, не допуская выхода наших войск к Риге. Но фронт продолжал наступление. 377-я СД непрерывно атаковала противника, продвигаясь по 3-7 км в сутки.

Дивизионные саперы по-прежнему сопровождали стрелковые полки, имея главной задачей разборку лесных завалов, сложность которой заключалась в том, что завалы были часто минированы, обстреливались снайперами. С 16 по 20 сентября мы прошли через населенные пункты Аусты, Локу, Саре. Саперам приходилось вместе со стрелками выбивать противника из селений, вступать в перестрелку.

20-23 сентября сопротивление немцев было сломлено во всей полосе действий 3-го Прибалтийского фронта, и они начали спешно отходить, опасаясь окружения.

377-я СД заняла 20 сентября после ожесточенного боя селение Омули и устремилась за буквально безавшим врагом. В эти дни саперный батальон был на боевом марше и лишь в нескольких местах восстанавливал мосты. Переходы были суворовские: 22-го сентября от Омули до Чумпи - 33 км, 24-го от Чумпи до Рутте - 41 км, 25-го от Рутте до Поциемс - 40 км.

Однажды на марше к нам подъехал полковник Тесля и приказал мне навести порядок в недалеко расположенном селении. Там была пивоварня, о чем мгновенно стало известно, и многие солдаты устремились туда. Я быстро, почти бегом, направился к селению с двумя бойцами. Но мы опоздали. Возле двух огромных - высотой более двух метров и такого же диаметра - открытых чанов дежурил лейтенант с отделением пехоты и с расчетом ПТР (противотанковое ружье). Они расстреляли чаны, и из пулевых отверстий фонтанировало пиво. Резкий пивной дух распространился довольно далеко, на сотни метров.

- Понимаешь, - рассказал лейтенант, - славяне гребли пиво чем попало - котелками, флягами, пилотками, пригоршнями, а потом стали доставать пиво по трое: двое держат третьего, который перегнувшись через край чана черпал пиво. Одного уронили, и он захлебнулся.

Я с тоской подумал: ведь получит мать похоронку, что сын погиб смертью храбрых.

Наша рота следовала в авангарде в составе передового отряда дивизии, обеспечивая переправы и разминирование. 26 сентября отряд вошел в город Лимбажи. Сделан был еще один мощный натиск, и части дивизии вышли на берег Рижского залива. 27 сентября 1249-ый СП занял приморское селение Скуате. Дальнейшее продвижение наших войск было задержано противником, который укрепился на очередном оборонительном рубеже "Сигулда".

Наш 440-ой отдельный саперный батальон обосновался в Скуате. Здесь, на побережье, пришла к нам прибалтийская осень. Все чаще стали пробегать серые, вызывающие дрожь дожди. Отсырели ночи. Кололись по утрам пронизывающие ветерки. В долинах туманило. Пошли в ход плащпалатки и шинели.

Дивизия по сути выполняла роль укрепрайона, удерживая побережье на протяжении 50 км от Салацгрива на севере до Скуате на юге. По морю еще ходили довольно нагло, как у себя дома, немецкие тяжелые крейсера "Лютцов", "Принц Ойген" и "Адмирал Шеер". Они базировались на военно-морской базе, расположенной на полуострове Сырве (южная оконечность эстонского острова Саарема). Полуостров удалось освободить лишь 24 ноября, то есть почти полтора месяца спустя после освобождения крупных портов Риги и Клайпеды (Мемель). Немецкие пираты нередко делали огневые налеты из тяжелых орудий на наши позиции и пытались высаживать десанты.

Саперы действовали повзводно, главным образом, вблизи Скуате - в направлении к Риге. Разминировали немецкие заграждения, помогали разведчикам проникать в оборону противника. Операции велись в 4-5 км от Скуате у населенных пунктов Свинти, Каалнис, Нейбеде.

Возвращаясь вечером из одного взвода, я попал в зону обстрела с моря, который вел крупнокалиберными снарядами немецкий корабль, видимо, тяжелый крейсер. Поняв, что попал в "вилку", я бросился ничком в какую-то ямку, наверное, окопчик - лежа. В это мгновение кто-то навалился на меня, тяжело дыша и прижимаясь ко мне всем телом. Землю тяжело тряхнуло. От громового взрыва заложило уши. Вокруг и над головой остро визжали осколки, рассекая воздух и срезая ветки. Сыпались подобно крупному граду с гулким грохотом комки земли.

Крейсер перенес огонь далее от берега в глубь расположения дивизии. Я попробовал подняться. От лежащего сверху едко воняло. Обозленный, я с большим трудом выбрался из-под него. Все возмущение мое пропало, когда я увидел полулежавшего скорчившегося на боку совсем молоденького бойца, испугавшегося так, что у него лицо с расширенными от ужаса глазами даже в вечерней полутьме

казалось белой маской.

- Давай отсюда побыстрее и не забудь привести себя в порядок. Бегом, бегом, - подстегнула я его и сам не задержался.

В роте в это время было три взвода, из которых каждый выполнял свое задание. Мне приходилось находиться в непрерывном движении между ними, и комбат выделил мне пролетку с мирной резвой кобылкой-монголкой. Возвращаясь от разведчиков из взвода лейтенанта Уграицкого, я заметил сворот в медсанбат и, не раздумывая, завернула туда. В глубине парка у крыльца большого здания, занятого дивизионной медициной, я увидел Шуру Вырину.

- Привет, Шура, - окликнул я ее. - Не забыла ли ты, что я твой подопечный, тебе доверенный, - намекнул я на прошальный разговор с Леной.

- Я готова, - ответила она, улыбаясь.

- Экипаж подан, - указал я на пролетку.

- Подожди мгновение, о мой рыцарь, - церемонно поклонилась она и быстро пошла в здание.

Через несколько минут мы поехали ко мне в Скуате. Признаюсь, что я никак не рассчитывал на такой успех и напряженно думал, как организовать встречу.

Квартировал я в спальняной комнате богатого дома, который мы называли помещичьим. Здесь осталось трюмо и огромная кровать - предметы, которые несподручно было вынести. Один из углов спальни был закрыт треугольным шкафом, опиравшимся на две смежные стены. Велико было мое удивление, когда я открыл "шкаф" - это была уборная. С комфортом жила помещица.

Стараниями Вани Брылева удалось собрать немудрый ужин и угостить Шуру.

Перед рассветом я был поднят по тревоге: объявили, что выступаем. Я отправился в штаб и узнал, что передвижение начнется через два часа. Испросив разрешения отлучиться, на что в батальоне, когда речь шла о женщине, не отказывали, я отвез Шуру в медсанбат, где также суетились со сборами. С этого свидания начались наши встречи с Шурой. Они были просты и безоблачны, без объяснений. Не вызвали волнений и тревог. Мы изучали друг друга, как первобытные люди, нашедшие друг друга в диком лесу. С Шурой я понял, что ничего еще не знаю о существе, именуемом женщиной. Свои отношения мы не афишировали, но и не скрывали их. Наверное, именно поэтому никто не обращал на нас никакого внимания. Никто не обсуждал и не осуждал. Так уж устроены люди.

В это время относительного спокойствия перед решительным наступлением на Ригу дивизия постепенно пополнялась. К нам прибыл новый командир взвода лейтенант

Василий Акимович Бородин. Был он исключительно скромным, спокоен, но не робок. Задания выполнял тихо, незаметно, но четко. Я считал вначале, что он только-только попал на фронт из училища, как я в свое время, чем и объяснял его сдержанность. Выяснилось, что Бородин уже прошел суровую боевую школу в качестве солдата и младшего командира в саперных частях Волховского фронта и превосходно знает минное дело. В училище он пробыл всего два месяца, где не так учился, как передавал свой опыт курсантам, еще не нюхавшим пороха. Молоденьким я его посчитал зря, он оказался на год старше меня.

Между командирами взводов младшим лейтенантом Спектором и лейтенантом Бородиным завязалась дружба, что немало способствовало здоровому климату, единодушию и взаимопониманию офицеров и солдат в роте. Исключительный семьянин, Давид Спектор с трогательным доверием показывал Василию Бородину фотографию жены и сына.

В последних числах сентября наша рота была временно выделена из состава отдельного саперного батальона в непосредственное подчинение штабу 111-го стрелкового корпуса. 377-я СД осталась во втором эшелоне войск, наступавших на Ригу, а наша рота должна была обеспечивать продвижение впереди идущих частей. Нужны были дороги, проходимые для танков и артиллерии, и переправы через мелкие притоки реки Гауи. Нам казалось, что речушки в бассейне Гауи бесчисленны. Русла этих притоков в крутых берегах имели небольшую - 6-8 метров - ширину, но являлись преградой для танков и тем более для артиллерии. Местами встречались заболоченные поймы, что усложняло нашу задачу. На первой переправе мы изрядно намучились, буквально выстелились, чтобы построить мост. Но вскоре наловчились. Проявились способности наших офицеров и солдат. Младший лейтенант Спектор предложил ставить надежную для здешних речек промежуточную, то есть находящуюся в воде, рамную опору. Неистощимую изобретательность и находчивость проявляли саперы, собирая подручный строительный материал: разбирали сараи, заборы, приносили спиленные немцами столбы, использовали остатки разрушенных мостов. Транспортными средствами были телега, лошадь и сами солдаты. Пока один взвод оборудовал береговые опоры, другой - после промера реки - сколачивал раму. Чтоб рама не плавала, а садилась на грунт, ее перевязывали по верхней перекладине канатом с двумя концами, которые натягивались с обоих берегов. Поставленную таким образом раму быстро соединяли с береговыми опорами с помощью прогонов, положенных на опоры вразбежку - поочередно с каждого берега на промежуточную рамную опору. Все крепилось скобами.

Пункты наводимых переправ в большинстве случаев находились на открытых местах, что демаскировало их. Правда, немецкая авиация уже не господствовала и не бомбила так нахально, как раньше, но все же ее налетов мы не избежали. Перед началом работ на очередной переправе мы проверяли местность на присутствие мин и оборудовали укрытия от бомбежки и обстрела.

Часто встречались селения. Они были пусты - ни одного человека. В незакрытых домах было чисто, как будто после субботней уборки хозяева ушли в гости.

Поскольку задания из корпуса мы получали непрерывно, то не было возможности дать людям отдых. С трудом удавалось поспать 2-3 часа, пока нас не находили с очередным приказом.

В одной деревушке после сооружения моста в середине дня рота расположилась на отдых в просторном деревянном сарае. Солдаты были готовы упасть и спать, но я велел вымести сарай, настелить свежее сено, что было рядом в копешке, и застелить его плашпалатками. Люди роптали. Но я был непреклонен - знал, что затраченные несколько минут на устройство "спальни" окупятся сторицей. Солдаты поспят на мягком и чистом ложе, что и будет настоящим отдыхом. И, конечно же, нужно было твердо держать порядок и дисциплину, чтобы рота была боеспособной.

Сам я спать не мог. Дневной сон действовал на меня удручающе: я просыпался разбитым в состоянии, сходном с тяжелым похмельем. Да и нельзя мне было отключаться в данный момент. Мы часто не знали: где свои, где враги. Нужно было быть начеку.

Мой ораинарец Ваня Брылев облюбовал в соседнем дворе большую светлую застекленную веранду, в углу которой на застеленном узорной - черное с желтым - скатертью столике стоял граммофон с огромным блестящим медным раструбом. Рядом лежала стопка пластинок. На больших тяжелых прочных пластинках были записаны преимущественно марши и вальсы, в том числе вальсы Штрауса. Брылев стал их проигрывать.

На музыкальный привет подошли невесть откуда взявшиеся двое: стройная тоненькая девушка - младший лейтенант медслужбы - и пожилой солдат с автоматом.

- Здравствуйте, - совсем по-мирному поприветствовал нас девушка. Весело живете. А нам можно?

Я немедленно пригласил их.

- Если мы немного задержимся, ничего не случится? Как ты думаешь, дядя Ипат? - обратилась девушка к своему спутнику.

"Дядя" хмыкнул и неопределенно повел плечами: дес-

кать, действуй, как знаешь.

И мы танцевали. Самозабвенно, со страстью. Знакомиться девушка отказалась.

- Зачем? - возразила она. - Так загадочней. И потом, мы все равно больше не встретимся.

Я вспомнил родную Одессу, знаменитый американский фильм "Большой вальс", певицу Милицу Корьюз. Это было в 1938 году. Я учился в 10 классе.

Сказку Венского леса
Я услышал в кино.
Это было в Одессе,
Это было давно.

Сколько прошло времени? Может быть, час. Но нас уже нашел офицер связи из корпуса с приказом на новое задание.

Девушка заторопилась.

- Как было хорошо. Спасибо Вам. Прощайте.

И она в сопровождении хмурого спутника быстро ушла.

Я вспоминаю этот эпизод, когда слышу "Случайный вальс" Долматовского и Фрадкина, и думаю, что песня эта взята из жизни. И еще напеваю:

"В этом доме пустом
Мы танцуем вавоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю, о чем"

Мы продолжали налаживать дорогу для частей корпуса вдоль побережья: прошли 7 октября Петерупе, восьмого - Инчи, десятого - Лилясте. Одиннадцатого были у озера Дуню-Эзерс. После стремительного марша на 25 км двенадцатого октября на рассвете рота вышла к северному пригороду Риги - Вецмилгравис.

Было тихо, пустынно. Добротные одноэтажные дома по обеим сторонам дороги с дворами, огороженными не менее добротными заборами, казались вымершими. Калитки, ворота, двери, окна, ставни - все было закрыто. Ни над одной крышей не видя дымок. Слева в просветах между домами проглядывала рябчатая поверхность озера Кишэзерс, так же пустынного. Мы двигались в составе двух взводов: младшего лейтенанта Спектора и лейтенанта Бородинова. Взвод инженерной разведки во главе с лейтенантом Уграйским ушел на самостоятельное задание к берегу Даугавы. Мне подумалось, что рота первой вступила в Ригу. Шли мы медленно, сторожко. Знали, что немец пунктуально все

минировал, оставляя коварные сюрпризы: заминированные чайники, детские игрушки, поленицу дров, брошенное по середине улицы бревно, укромную скамеечку в парке, двери, даже трупы. Много людей поплатились за свою неосторожность.

Мгновенно тишина разорвалась. С юга донеслись звуки боя. Мы еще навели переправу, кажется, через пролив Милгравис.

Немецкие войска уже не могли удержать город и спешно переправлялись на левый берег Даугавы. Сметая отдельные очаги прикрытия, оставленные противником, советские войска непрерывным потоком вливались в Ригу. Тринадцатого октября с севера в город вошла 377-я СД. Со второго октября дивизией командовал полковник И.Т.Тесля, сменивший полковника Т.А.Дудорова, который стал командиром 82-ой Ярцевской дивизии.

Полковник Тесля был вечным заместителем. Несмотря на исключительную личную храбрость, хладнокровие в тяжелой боевой обстановке, авторитет среди солдат и офицеров, он не получал права на самостоятельные действия. Возможно, играло роль то обстоятельство, что Тесля не имел необходимого образования. Под Ригой для Ивана Трофимовича Тесля наступил звездный час. Не знаю, как его оценило вышестоящее командование, но офицеры и солдаты дивизии были им довольны. Мы считали Теслю "стариком", а ему было примерно лет сорок пять. Среднего роста, крепкого сложения, Тесля ходил чуть-чуть вразвалочку: ноги у него несколько изогнуты, что указывало на его принадлежность к коннице. Тесля был буденовским конником и обожал лошадей. Часто появлялся в дивизии верхом. Среди многих наград он носил два ордена Боевого Красного Знамени, из которых один был получен еще за подвиги в Гражданской войне. Пожизненный воин Тесля сохранил любовь к родной сельской Украине. На меня он обратил внимание из-за того, что несколько раз мы разговаривали с ним на украинском языке, пели с солдатами украинские песни. Я даже пытался как-то уговорить его станцевать козачка, но он не поддавался. Умел Иван Трофимович иногда казаться простецким мужиком, но глаза его смотрели внимательно, зорко, а память была цепкой.

К вечеру тринадцатого октября саперный батальон сосредоточился в Вецмилгрависе. Устроив роту на отдых, я было забрался на забитый сеном чердак сарая, но уснуть не успел - вызвали в штаб.

Взвода моей роты получили самостоятельные задания, а мне было приказано явиться в штаб дивизии. В штабиде была деловая обстановка. Полковник Тесля оторвался от карты, которую он рассматривал с начальста полковником

Шепкиным.

- Задание персональное, лейтенант. Нужно срочно отыскать расположение понтонного батальона и передать его командиру приказ, чтоб батальон был к пяти часам утра на месте намеченной переправы через Двину (Даугава).

Я нанес на свою карту место предполагаемого размещения понтонного батальона и намеченное место его сосредоточения на реке.

- Можешь взять с собой связного, - добавил комдив.

В Рижской операции участвовали все три Прибалтийских фронта, и найти отдельную часть среди огромной массы войск в незнакомой местности, в темноте, даже зная район ее нахождения, задача была не простая. И, главное, предельно было ограничено время. В пять часов должна начаться переправа, к месту которой уже двигались части дивизии: пехота, артиллерия, все службы.

Не могу назвать время своего выхода, но уже наступила ночь. И у меня, и у связного Вани Брылева имелись ручные фонарики механического действия: при частом сжатии корпуса фонарика с прилегающим пружинным рычажком появлялся свет. Но этим светом можно было пользоваться скрытно, не выдавая себя. Путь наш лежал по берегу Даугавы, с которого мы должны были свернуть через определенное расстояние к востоку в лес. Найти какие-либо ориентиры, имеющиеся на карте, надежды не было, и я считал шаги. Начали мы свой марш почти бегом, бодро, но на набережной все чаще стали встречаться препятствия: груды бревен, горы ящиков, бухты тросов, какие-то машины, лодки. Преодолевая эти препятствия, я с трудом удерживал счет шагов. Приходилось еще думать о возможных заминированных участках, но заниматься этим внимательно мы уже не могли. Внезапно я увидел, что вдоль берега у самой воды тянется полоса гладкого незагроможденного настила. Мы немедленно перешли на эту удачную, как я подумал, дорогу и припустили насколько можно было в этих условиях быстрее. Однако настил через несколько десятков метров кончился, и мы едва не угодили в воду. По-видимому, это был дебаркадер - плавучая пристань, одним концом причаленная к берегу, а другим, к которому мы вышли, отодвинутая в реку. Расстояние от дебаркадера к берегу составляло не менее пяти метров, а высота его и стены набережной от воды составляла около двух метров. Даже если бы мы решили прыгать в воду, то не смогли бы подняться по гладкой вертикальной стенке набережной. Мы повернули обратно. А время шло. Счет шагам я потерял, и расстояние определяя лишь по времени нашего ритмичного движения. Мы свернули в лес по первой идущей

на восток грунтовой дороге. Каждые сто метров (я вновь считал шаги) приходилось сверять направление дороги по компасу. Я уже изрядно нервничал, но ничем не выдавал себя, чтоб не расстроить своего спокойного спутника. Наконец мы вышли на поляну, где должен был по моему расчету стоять понтонный батальон. Здесь было пусто. Волнение мое усилилось. Стало бешено колотиться сердце. Но как всегда в самых опасных ситуациях вдруг наступило холодное спокойствие с четкими быстрыми действиями. Мы стали искать по всем сторонам от этой поляны в радиусе до полукилометра. Батальон мы нашли, буквально наткнувшись на одну из его машин. Не было ни одного человека, не встретился часовой. Мертвыми истуканами выступили из тьмы огромные машины-фургоны. Брылев стал сильно стучать в бортовые дверцы ближайшей машины. Здесь нам повезло. Мы сразу наткнулись на подполковника - командира батальона. Пока я показывал ему место переправы, батальон уже собирался: заурчали машины, засветились подсиженные фары, захлопали дверцы, посылались приказания. Батальон ушел к Даугаве.

Опустошенные, безмерно усталые, мы торопились доложить о выполнении приказа. Теперь мы шли уверенно. Комдива я не застал - он перешел на новый КП к месту переправы - и доложил начальнику штаба. Полковник мельком глянул на меня, вновь склонился над картой и сделал какую-то пометку.

- Доложите майору Исаеву, лейтенант, что командир дивизии разрешил Вам отпуск в Риге на три дня.

- Служу Советскому Союзу, - отчеканил я так, как будто мне вручили орден. - Разрешите идти?

- Идите! - Полковник уже занимался своими делами.

Выйдя из штаба, я почувствовал великое облегчение и невероятную усталость. Хотелось где-то присесть, закурить и записать, что пережил и чувствовал.

Ваня Брылев не разделял моих эмоций. Он полнорото зевнул, но не как желавший спать, а как человек, который стряхивал остатки сна перед трудовым днем.

Мы отправились в штаб батальона, где были только капитан Пясковский и старшина Румянцев. Все остальные были на переправе. Пясковский сообщил, что наша 377-я СД передана с 13 октября в подчинение командиру 112-го стрелкового корпуса и имеет своей задачей наступать в направлении Лиелупе - Слока, то есть по Рижскому взморью. Дивизии придавался 285-й отдельный батальон специального назначения, оснащенный автомобилями-амфибиями. Я подумал, что это тот самый батальон, который мы только что отыскали.

Дивизия вела бой в северной части Риги - в ее при-

городах - и, переправившись через Даугаву в районе Вец-милгравис, захватила на левом берегу пригорода Болдерей. В этом пригороде 15 октября саперную службу - разминирование и наведение переправ - выполнял взвод младшего лейтенанта Спектора.

Пока я выяснял с появившимся старшиной, как держать связь со взводами, Брылев отлучился, сказав мне:

- Я сейчас, товарищ лейтенант.

Вскоре Иван возвратился и заявил, что нашел место квартирования. Он привел меня в большой одноэтажный дом за глухим деревянным забором. В доме нас встретили пожилые хозяин и хозяйка. Молодых и людей среднего возраста, а также детей, как и везде, в доме не было. Нам отвели комнату, которая, по-видимому, была кабинетом: вдоль стен стояли книжные шкафы, у окна находился громоздкий письменный стол. Вдоль глухой стены помещался диван, а у стены с дверью уже при нас поставили узкую кровать.

В присутствии хозяев Брылев величал меня подполковником, вероятно, считая, что такое повышение в звании принесет свои дивиденды. Хозяин по-русски изъяснялся с трудом, а хозяйка ни в какие переговоры не вступала. Нас хорошо кормили, существенно дополняя наш паек. Книг на русском языке не было, и я в основном отсыпался, написал несколько писем. Отдых был относительным, поскольку мы остерегались возможных случайностей. На ночь загоразивали двери. Окна, правда, плотно закрывались внутренними ставнями. Конечно, трое суток такого существования мы выдержать не могли и через день отправились догонять батальон.

На запад непрерывным потоком двигались войска, и мы без труда пристроились на попутный ЗИС-5, который довез нас к вечеру в поселок Приедаине, что в 20 км от Риги. Приедаине (в переводе с латышского Воскресенье) встретил нас неприветливо. Шел сплошной монотонный холодный мелкий дождь. Небо было затянуто низко нависшей пеленой свинцово-серых туч. Из мрака выплывали темные ровные стволы высоких сосен, кроны которых, казалось, подпирали хмурое небо. Среди сосен проступали контуры нахохлившихся двухэтажных коттеджей дачного типа. Мы зашли в первый попавшийся дом. Он был пуст. На полу валялись обрывки бумаги, какие-то ленты, тряпки. Поднявшись на второй этаж, мы застали ту же пустоту, но в одной комнате пол был уставлен стопками книг. На подоконнике стояла оплавившая свеча в ручном подсвечнике. При свете свечи я рассмотрел, что книги были на русском языке. В первой стопке, которую я начал разбирать, были сложные томики Метерлинка в мягких коричневых переплесах -

тах, далее обнаружился роман графа Салиаса, "Княжна Джаваха" Чарской. Какие тут были богатства!

Брылев пытался отвлечь меня проблемой ночлега, но я не мог оторваться от книг, переходя от стопки к стопке. Тогда Иван стал налаживать быт на месте. Благо в доме было тепло. Печь (дополненная плитой еще не остыла. Внизу закрипела дверь, и появилась маленькая круглая старушка явно интеллигентного вида. Оказалось, что это хозяйка коттеджа. Конечно, мы разговорились с ней о книгах, откуда они. Выяснилось, что эта женщина коренная одесситка и эмигрировала вместе с мужем в Латвию в 1920 году. Из Одессы они привезли свою библиотеку. В Одессе остались близкие родственники, проживавшие на Косвенной улице (улица Вегера). Сейчас она объединилась с такой же одинокой эмигранткой, живущей в соседнем доме, чтоб не было "так страшно". Мы долго беседовали об Одессе: Николаевская лестница с бронзовым Дюком, Дерибассовская, пассаж, оперный театр, Пале-Рояль, Карантинная гавань, Привоз и прочее и прочее. Собеседница моя даже подпрыгивала от волнения. Затем с помощью Брылева она принесла кое-какую постель и чай в самоваре.

На рассвете мы оставили гостеприимный дом в Приедаине. Нам пофартило пристроиться к артиллеристам, перевозившим пушки на мощных "Студебеккерах".

- Спиртик попробовали? - спросил меня старший сержант-артиллерист.

- Что за спиртик? - спрашиваю.

- Да в Приедаине. Железнодорожная цистерна со спиртом. Вот с каким спиртом, не знаю. Спас меня господь от пробы. А ребят отравилось много. Говорят, даже начальник медслужбы попробовал. Для проверки, что ли. И тоже свалился.

Мы перебрались по временному мосту через реку Лиелупе и в одноименном поселке догнали свой отдельный саперный батальон. Здесь я узнал, как саперы форсировали Даугаву. Одним из первых еще в темноте на левый берег перебрался замкомбата капитан Геннадий Александрович Мелентьев, награжденный впоследствии за умелое и смелое форсирование реки орденом Отечественной войны 1-ой степени. В штабе я прочитал реляции о предоставлении обоих командиров рот - Баталова и Руткевича - к ордену "Александра Невского" за умелое и стремительное выполнение десантной операции в бою за освобождение Валги и за инициативу в пресодолении инженерных заграждений противника в Рижской операции. Реляции были составлены одинаково - буква в букву, как это было и для предыдущих награжденных. Командование батальона одинаково ценило обоих командиров рот. К наградам были представлены все команди-

ры взводов, многие солдаты и младшие командиры. В эти дни пришел приказ о присвоении мне звания "Старший лейтенант" и Давиду Спектору - звания "Лейтенант".

377-я Валгинская стрелковая дивизия была награждена орденом Боевого Красного Знамени. Каждому участнику боев за Ригу была вручена объявленная приказом Верховного Главнокомандующего "Благодарность за отличные боевые действия".

Преследуя противника, части дивизии вышли на Рижское взморье. Рижское взморье представляет собой коридор - узкую полосу суши между Рижским заливом на севере и рекой Лиелупе на юге. Протяженность этой полосы свыше 20 км, ширина 3-4 км. Местность залесена ароматной сосной. Здесь господствует вечная свежесть моря, реки и соснового леса. Среди сосен расположены красивые селения Булдаури, Майори, Дубулаты, Слока, Кемери, которые объединились позже в единый город Юрмалу. Проходя по взморью, мы встретили во многих местах роскошные виллы, хозяева которых бежали, оставив лишь сторожей. У одной из таких вилл я увидел старомодно одетого высокого худощавого старика, который отрекомендовался дворецким, оставленным охранять господское добро. О владельцах он, разумеется, ничего не сообщил. Кое-где бросались в глаза грубо намалеванные на стенах размашистые надписи: "Смерть жидам и коммунистам!", "Мы еще вернемся!". Проходившие бойцы смеялись:

- Держи карман шире, еще насыпаем.

Близ Дубулаты попалась нам еще сохранившаяся траншея, отрытая русскими солдатами в Первую мировую войну. Траншея была полного профиля: около двух метров глубиной и до метра шириной поверху. В плане траншея представляла собой резко изломанную линию, отрезки которой соединялись прямоугольными выступами примерно 5х5 метров. Нас удивила добротность этой укрепленной линии. Выходит, умело наше старшее поколение закреплялось на местности. У себя мы таких "шикарных" окопов не делали.

В ночь на 16 октября полки дивизии, очищая от немецкого присутствия взморье, подошли к старинному городку Слока, к речке Слока (по-латышски означает вальдшнеп). Через речку пришлось наводить переправу, делать проходы в минных полях и проволочных заграждениях на вражеском берегу. Саперы успешно справились со своими заданиями. Пехота форсировала реку и заняла городок.

С 16 октября командиром дивизии был назначен полковник Андрей Маркович Картавенко. Полковник Тесля остался его заместителем. В этот же день директивой Ставки 3-й Прибалтийский фронт был расформирован, и 1-я Ударная армия, куда входила наша дивизия, была включена

в состав 2-го Прибалтийского фронта под командованием генерал-полковника А.И.Еременко.

Не задерживаясь у Слоки, дивизия заняла 18 октября курортный город Кемери и селение Маукциемс, которые утопали в смешанном хвойно-лиственном лесу, хмуром и неприветливом в это осеннее время.

19 октября дивизия, двигаясь вдоль шоссе и железной дороги Рига - Тукумс, вышла к тукумскому оборонительному рубежу немецких войск.

Немцы укрепились на берегу речки Слоцене. Я получил приказ в ночь на 21-е октября построить силами роты переправу через Слоцене с расчетом пропустить средние танки Т-34. Ночь была темной, но не до южной бархатной черноты. Немного пообвыкнув, можно было вести нашу довольно грубую работу. Мы вынуждены были соблюдать тишину, так как противник находился близко, на расстоянии слышимости ударов. Для забивки скоб мы использовали моменты обстрела, взрыва снарядов. Мост нужно было делать длиной метров восемь, то есть пришлось ставить промежуточную опору в воде. Речка была неглубокой, но с илистым дном, так что пришлось повозиться в ледяной воде. Мост мы сумели поставить до рассвета. Уже подносили бревна на колесоотбой, когда немцы обнаружили нас и начали минометный обстрел моста. Саперы бросились в укрытие. Но строительство было не окончено. Нужно было положить и закрепить колесоотбой, ограждающие мост по краям. Видимость из танка ограниченная, и водитель должен видеть мост, чтоб машина не сошла с него. Я выбежал на середину моста и подал команду крепить колесоотбой. Солдаты бросились, уже не маскируясь, класть бревна по краям моста и крепить их скобами. Прошло лишь несколько минут. Обстрел усилился. Очередная мина взорвалась на краю настила. Вокруг свистели осколки. Саперы уже бежали с моста, когда я почувствовал резкий удар в переносицу, жжение и как потекла обильная струйка крови. Я зажал нос платком и бросился вслед за солдатами в укрытие. Уходить было нельзя до передачи моста танкистам. Майор из танковой бригады на заставил себя ждать, и мы с ним подошли к мосту, насколько это было возможно. Он посочувствовал мне, что хожу, не отнимая платка от носа, и, указывая на мост, энергично сказал:

- То что надо! Спасибо, саперы! - И он крепко пожал мне руку. Когда я проводил его по тропке, он на прощанье сказал мне на ухо: - Мост ложный, для обмана противника, мы здесь не пойдем. Но ты молодец, старший лейтенант. - И он похлопал меня по плечу. Горше обиду трудно себе представить. Конечно, я ни слова никому не сказал. В дальнейшем мост очень пригодился пехоте и ар-

тиллеристам.

Я увел роту к штабу полка, где находился дивизионный инженер подполковник Русанов и замкомбата капитан Мелентьев. Платок мой превратился в пропитанный кровью комок, но я вынужден был его прижимать к носу, так как кровь не унималась.

- Сейчас позову фельдшера, - воскликнул Ваня Брылев. Он возвратился через несколько минут очень сконфуженный. - Она сказала, чтоб Вы сами пришли с такой раной, - объяснил Ваня.

Вокруг засмеялись. Фельдшером при штабе полка была белокурая красивая женщина - лейтенант медслужбы - избранница командира полка, пользовавшаяся большой властью и очень капризная. Об этом знали и недолюбливали ее. Так что затянул мне нос Брылев бинтом из индивидуального пакета. Ранение было несерьезным, но очень неудобным: "касательное осколочное ранение мягких тканей лица в области стенки носа", так несколько позже определил эту травму хирург Галеркин.

22 октября фронт стабилизировался. Преодолеть тукумский рубеж не удалось. 1-я Ударная армия завершила окружение курляндской группировки противника с востока, и наша дивизия перешла к обороне, вернее, к осаде.

В ОСАДЕ КУРЛЯНДСКОГО КОТЛА

Обними врага, чтоб он тебя не задушил.
Грузинская пословица

После непрерывных ожесточенных боев, длившихся в течение 39 суток с 14 сентября по 22 октября, войска 2-го Прибалтийского фронта уже на имели сил атаковать, а окруженная в Курляндии немецкая группировка не могла контратаковать. Наступило равновесие сил, которое, несмотря на попытки противоборствующих сторон нарушить его, так и сохранилось почти до последних дней войны.

Проведя ряд наступательных операций, нанесших противнику ощутимые потери, но не изменивших общую ситуацию, наши войска с 31 декабря 1944 года прочно закрепились на достигнутых рубежах. Линия блокады курляндской группировки немцев по суше составляла 220 км.

377-я дивизия с 22 октября занимала оборону вблизи побережья Рижского залива по юго-восточному берегу озера Валкум-Эзерс и далее к юго-западу у селения Смярае. В конце ноября дивизия сместилась еще юго-западнее и вела бои за удержание населенного пункта Ажитес, который пытались захватить немцы.

Запомнились мне в этот период "Катюши", смонтиро-

ванные на корпусах отслуживших свой век легких танков - "танкеток" - с которых были сняты башни. Такие комбинированные установки на гусеничном ходу обладали высокой проходимостью. Они занимали выбранную позицию, часто в труднодоступных заболоченных местах, разворачивались, давали залп и немедленно ретировались. Оставленное место противник бесплодно засыпал снарядами.

Для саперов начались многократно испытанные операции в оборонительной полосе: минирование, разминирование, проделывание проходов в заграждениях, сопровождение пехоты и танков при разведке боем. Больше всего забот нам доставляли задания на минных полях. Возникали конфликтные ситуации, но не имевшие никогда проявлений вражды. Например, помкомвзвода у лейтенанта Спектора не соглашался с изменением порядка действий в нейтралке, к которому он привык. Спектору было трудно. Если на переправах он был как рыба в воде, то на минировании он осваивался. Он в свою очередь не соглашался с моим диктатом на этих заданиях. Прежние командиры рот капитаны Захаров и Биссоветский не вмешивались в минно-подрывные работы. Это считалось прерогативой командиров взводов. Мы же с Баталовым, хлебнувшие минного дела досыта и даже сверх того, не могли оставаться равнодушными и время от времени ходили на ночные операции. Я требовал от взводных, чтоб минеры выходили в нейтралку, как только стемнеет, с расчетом, чтоб был запас времени для выполнения задания. Спектор же стремился использовать время после полуночи, под утро, когда у противника естественно притуплялась бдительность. Приходилось жать, а это действовало на состояние солдат. При проведении таких систематических опасных ночных задач нельзя было ограничиваться просто приказом. Нужно было искать методику этой остро опасной работы. С удовлетворением отмечаю, что лейтенант Спектор выполнял работы в полосе обороны без существенных потерь, то есть не имея убитых и тяжело раненных. Он без устали обучал своих людей постановке и снятию мин и даже чуть не поплатился за свое усердие. Показывая, как заряжать противопехотную мину со стограммовой головной шашкой, Спектор не заметил, что чека взрывателя почти вылезла из гнезда. Он увидел, как варуг побледнел сержант Комиссарчук, безмолвно указывая на мину, и быстро ввинул чеку, предотвратив взрыв.

За успешные действия в зоне блокады курляндской группировки немцев лейтенант Давид Борисович Спектор был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Конечно, и у Спектора не обошлось без происшествий. Один из самых опытных минеров боец Брейлану нарвался в нейтралке на узел колючей проволоки и покалечил

пальцы. Пришлось его лечить без огласки, потому что он мог ни за что, ни про что попасть в "самострелы". Через некоторое время работоспособность пальцев у него восстановилась.

При казушейся обыденности заданий каждый день, вернее, каждая ночь имела свои особенности, приносила новости.

После разведки немецких заграждений принесли саперы неизвестную нам мину: высокий, сантиметров 30, стакан с конусной головкой, насаженный на деревянный колышек. Непонятную мину принесли вместе с колышком и поставили в воронке на пустыре. После осмотра мины всеми офицерами, включая дивизионного инженера Русанова, выяснилось, что мина никому не знакома. Сообщили в штаб армий, откуда приказали привезти мину в инженерный отдел. Доставить мину взялся старшина Другов. Он сел на лошадь и, держа в одной руке поводья, а в другой - колышек с миной, тронулся в неблизкий путь километров в пятнадцать. К вечеру Другов возвратился в той же позиции с миной в руке. В штаарме мину также не опознали. Тогда мы установили мину в глубокой воронке и взорвали ее. Осколков не было. В небо взвилась ослепительно яркая белого пламени осветительная ракета. Мы облегченно вздохнули и рассмеялись. Что пережила Другов, можно только догадываться. Он чувств своих не проявил.

12 декабря писал я Нине Карасевой: "Опять сижу в болоте. Вот везет мне на эти грешные пейзажи. Зимы никакой. Вечный ветер с залива, туманы, дождь и грязь, грязь". Но нет худа без добра. Появилась возможность писать. Чаше я стал получать письма. Пришло письмо из Монголии, где служил в качестве командира стрелкового взвода лейтенант Виктор Дженеев - мой московский друг - студент нашей институтской группы. Он писал, что у них однообразная изматывающая своей монотонностью казарменная жизнь среди пустыни. Бывают у них и тревоги, и перестрелки - это японцы прощупывают границу. Неоднократно просился он на запад, но из тех мест кадры отпускают крайне неохотно - нужны опытные выдержанные командиры.

С каким-то заданием ездил я в Ригу, о чем писал Нине: "Недавно побывал в Риге, там жизнь отличается даже некоторым шиком, ничего не имеет общего с картинами наших центров, какими я их видел проездом в 42-м году".

Вновь возродился модный среди саперов на Волхове клич: "Прогремим костями по нейтралке". В сравнении с Волховским плацдармом был наш значительно улучшился, чему немало способствовал наш новый повар. Попал он к нам в наказание. Не угодил он генералу, которому готовил, и отдали его в саперы. В батальоне не растерялись

и поручили ему офицерскую кухню. Повар - мужчина в расцвете - лет 30-35 был кудесником в своем искусстве. Из овсянки он делал великолепные котлеты, обжаренные, подрумяненные, как мясные. Вкуснейшую подливку он творил из муки, жира и сушеного лука. Сушеный картофель превращал в картофель стружкой фри. Даже умудрялся какое-то печенье готовить к вечернему чаю.

- Тошно мне здесь, - делился со мной повар своими переживаниями. - Понимаешь, была я в Москве шеф-поваром фабрики-кухни. Пять тысяч обедов в день. Поваров у меня было пятьдесят человек. Работал я с этой бригадой, как дирижер с оркестром. В душе у меня играла музыка, и каждый день был радостным. Каким довольным, да просто счастливым уходил я домой. А теперь что? Овсяные котлетки на двадцать человек. Эх, разве это жизнь.

Время от времени собиралось наше дружное общество "Кильдым". Чаше всего сходились у Галеркина. Конечно же играли в преферанс. В дивизию стала приезжать передвижная лавка Военторга, и мы спешно получали у начфина субсидию для покупки всякой мелочи, но главное - спирта, а за неимением оного - тройного одеколлона. Одеколлон разбавляли водой, и в кружке появлялась яично-желтая эмульсия. Пили мы эту пакость не морщась. Когда веселящего напитка было мало, то мы пили его мелкими одиночными глотками поочередно каждый, кто сдавал карты. Савелию Салуну прислали посылку с финиками, которые мы моментально расхватили на закуску. Эти встречи Вася Баталов витиевато называет "шутливо-бездумный шабаш веселости".

Заработной платы своей мы практически не видели. У некоторых часть денег перечисляли по аттестату родным (40%), остальное шло в фонд обороны, за что мы только расписывались. Исходный оклад среднего офицера составлял 750 рублей (в дореформенном значении, то есть 75 руб.). Мне начисляли с должностной и фронтовой надбавками 1125 руб., из которых матери переводили по аттестату 400 руб., а остальное шло в фонд обороны. В таких случаях, как приезда Военторга, отпуск, командировка, выдавалась какая-то часть денег на руки.

Находила я возможность встречаться с Шурой Выриной. Медсанбат разместился в Кемери. Майор Исаев отпускал меня на ночь со строгим предупреждением быть в батальоне в назначенное время. Изредка удавалось съездить в Кемери, но большей частью я ходил пешком вместе с Иваном Брылевым, который был рад отвлечься от осточертелой батальонной жизни. Дорога - 10 км - была ровная, мошечная, и одолевали мы ее играючи.

Вышло так, что в одно прекрасное утро проспали мы. Шли угрюмые, быстро и молча. Ждал я большой неприятнос-

ти. Опаздывать было нельзя, тем более, что серьезной причины для этого не было. Мы не завтракали, и зверски хотелось курить, а у нас не осталось курева и на понюшку. Шоссе среди сосен и елей было безлюдно. Вдруг метрах в ста впереди из лесу выскочил человек. Ясно была видна немецкая форма. Он стал посреди дороги и поднял руки. Мы без слов заняли уже отработанную позицию: Брылев с автоматом наизготовку пошел впереди вдоль правого кювета, я с пистолетом - позади вдоль левого кювета. Смотрели мы не так на появившегося немца, как по сторонам, опасаясь засады. Не доходя до него метров тридцать, мы остановились, и я подозвал немца:

- Ком гер, шнель!

Тот быстро пошел нам навстречу, держа руки вверх. Иван обыскал добровольного пленника, который оказался безоружным, но имел изрядный запас табаку. Мы забрались в кювет, так, чтоб нас нельзя было застать врасплох, и, посадив немца спиной к себе, скрутили большушие сигарки. Закурили.

- Еще забот через этого фрица добавилось, - с досадой заметил Иван, намекая на наше незавидное положение.

Я поглядывал на дорогу, надеясь, что появится кто-то из наших. Но не было ни души.

- Пошли, - сказал я Брылеву и крикнул немцу: - Ауфштейн, немецкая тварь!

Пленный дернулся, как от удара, чуть повернул голову и, глотая слюну, в давил:

- Русские мы...

- Власовец? - закричал я.

- Я, товарищ старший лейтенант...

- Какой я тебе товарищ?!

- Простите, господин старший лей...

- Какой я тебе господин?!

Пленный ошеломленно заморгал и уже неуверенно произнес:

- Бежавшие мы.

- Кто "мы"? Сколько, где? - быстро спросил я.

- Девятеро нас. Две недели бродили, боялись выйти.

А вчера решили разойтись и каждому славаться отдельно, чтоб не постреляли.

- Оружие где?

- Бросил я. Еще вчерась. Далеко отсюда.

Мы связали на всякий случай русскому "немцу" руки и повели его в часть. Так и шли мы по пустынной дороге, а пленный деловито рассказывал, как организована служба в РОА (Русская освободительная армия под командованием генерала Власова), что у них такие же звания, как в

Красной Армии, что в частях есть замполиты.

- У нас, - говорил он, - был капитан Орлов, все читал нам газетки и объяснял, что немцы вышли на прочную оборону и вскоре погонят большевиков назад в Москву. А потом немцы так быстро отступили, что про нас забыли. Мы и разбежались.

Пришли мы в батальон в 11 часов вместо 8 по приказанию. Когда я зашел в штаб, наступила гнетущая тишина. Комбат тяжело уставился на меня.

- Товарищ майор, - отчетливо доложил я, - мы с ефрейтором Брылевым взяли в плен солдата противника и доставили в Ваше распоряжение.

- Какой еще пленный?! - рявкнул майор. - Опять твои штучки, Руткевич?!

Я распахнул дверь и крикнул:

- Ефрейтор Брылев, введите пленного.

Эффект был впечатляющий. Власовца стали допрашивать. Звонили в штаб дивизии. О моем опоздании вовсе забыли. Так выручил меня русский "немец".

Несмотря на кажущееся затишье, командование настроивало нас на активные действия. Постоянно нужно было проверять пульс событий. Важнейшим осведомителем состояния дел у противника был "язык". Взять его у немецких вояк, из которых многие имели опыт боев под Ленинградом, было трудно. Поиск вели как дивизионные, так и полковые разведчики. Особую активность проявлял разведвод одного из полков. Ходил взвод в нейтралку еженощно, но безрезультатно. И потерь не было, и "языка" не приводили. Только обнаружилось, что возвращались они "навеселе". Оказалось, что в нейтралке проходила узкоколейка, на которой остался разбитый состав, в том числе цистерна со спиртом. Спирт вылился на подмерзшую землю и стоял в лужах. Вот и приносили его разведчики во флягах, в котелках. А когда все вычерпали, то стали выковыривать ножами землю, приносили ее в вешмешках, разогревали и выщипывали из нее спирт. Умудрился получить этот спирт и адъютант командира полка. Как раз приехал в полк командир дивизии, которого угостили за ужином спиртом.

- Спирт? - удивился полковник. - Откуда? Вель в дивизии спирта нет.

Командир полка допросил адъютанта, и таким образом раскрылась тайна появления спирта в полку.

Пришли награды за участие в освобождении Валги и Риги. Торжественно вручили орден Александра Невского Василию Баталову. Мне награда не пришла.

В ходе войны под ружье были поставлены 30 млн. человек, из которых более 7 млн. удостоились наград. При

таких масштабах с награждениями всякое бывало. Например, капитан А.А.Запорожец пишет, что на своем наградном листе, представленном после напряженного семидневного боя за Гверезано, во взятии которого его батальон сыграл немаловажную роль, стояла резолюция: "В Гверезано боев не было" (?!). О судьбе своей ожидаемой награды, наверное, я никогда бы ничего не узнал, если бы не откровение старшего лейтенанта Гусева. Гусев вел все делопроизводство в политотделе. Немногословный и небросающийся в глаза, шуплый, с вечно усталым лицом, Гусев был в курсе событий всей жизни штаба дивизии. Мое с ним знакомство было попутным: "здравствуй и прощай", но между нами возникла ниточка взаимной симпатии, которая, как и антипатия, появляется между людьми непонятно почему. По виду Гусева чувствовалось, что он перенес в жизни что-то тяжелое. Иногда он завывал горе веревочкой - пла горькую. Именно в таком состоянии Гусев окликнул меня.

- Зайди, Руткевич, зайди. Дело есть.

Я зашел в его полуземлянку, хотя и торопился.

- Сообщи тебе одну вещь, но дай слово, что не выдашь меня и никому не расскажешь, - потребовал он.

Я удивился, так как не представлял, что за тайные сведения мог сообщить мне сотрудник политотдела, но слово дал.

- Понимаешь, многое я терплю, молчу, но иногда не могу. Вот и с тобой так же. Смотри.

Он достал из-под листа темно-коричневого толстого картона, покрывавшего стол, наградной лист о представлении меня к ордену Александра Невского. Слева сверху наискосок краснела виза: "Воздержаться в связи с недавним получением награды. Подполковник Нечаев". Вспомнилась угроза Нечаева в медсанбате за Лугой, когда я отобрал у него на танцах Лену: "Я тебе этого никогда не прошу".

- Приказал держать под сукном, а недели через две - уничтожить, - объяснил Гусев.

Было обидно и противно. Но я дал слово Гусеву и сдержал его. Через 40 лет после войны при встрече на Московском вокзале в Ленинграде Тоня Федорова спросила:

- Где же твой "Невский"?

Я отшутился, что он еще не дошел до меня. Представлялся я к награде и позже - за бой в блокаде курляндской группировки, но знал, что не получу ее. В 1946 году в Одессе собралась вся наша семья: папа, мама и мы с братом - оба саперы, оба демобилизованные, брат приехал из Болгарии, я - из Прибалтики. Обняла нас мама и ска-

- Вы получили самые высокие награды, которые может иметь человек на такой страшной войне - вы остались живы и невредимы. И я самая счастливая мать.

Наши войска постоянно тревожили немцев, но и они серьезно напоминали о себе. В ночь на 5 января 1945 года после артиллерийской и авиационной подготовки, длившейся 50 минут, немецкие войска атаковали части 119-го корпуса, в который в то время входила 377-я дивизия. Рывок противника оказался для многих неожиданным. Наших воинов убаюкивала длительная оборона. В частях было много новичков. Все это сыграло свою роль: попятилась наша пехота на 1,5-2 км. По рассказам штабников на стыке двух соседних с нами дивизий немцы провели танковую атаку, собрав в едином кулаке около 60 машин. В этом месте пехота отступила километров до семи. Кто-то из командиров за допущенное бегство попал в штрафники.

Саперов по тревоге бросили на передний край, чтоб перекрыли минами подход к нашей уже внутренней, находящейся в глубине рубежа обороны, линии окопов. В окопах выдвинулись отдельные стрелки, только что прибежавшие с переднего края. Впереди окопов на бруствере стоял капитан Мелентьев. В длинной до пят шинели он выглядел очень высоким и внушительным. Завидя его, бегущие солдаты скатывались в окопы и брали оружие наизготовку. Саперы сидели вместе с пехотой. Ставить мины под ноги отступающим мы не могли. Появились и офицеры - командиры взводов и рот отступавшей пехоты. В окопах они собирали своих бойцов и готовили их к отражению немецкой атаки.

Показались цепи немецких автоматчиков. Капитан Мелентьев что-то закричал и энергично замахал руками, показывая, чтоб занимали окопы, и сам спрыгнул с бруствера. Сигнал его стал ясен, когда где-то позади нас бешено зататакали мелкокалиберные пушки и над нами понесся шуршащий и свистящий вихрь снарядов. Скорострельная пальба сливалась в единый колеблющийся гул. Огонь вели женщины-зенитчицы стоявшего за нами артиллерийского дивизиона. Зенитчицы перевели стволы своих 37-миллиметровых орудий, скорострельность которых близка к пулеметной - до 100 выстрелов в минуту - в горизонтальное положение и открыли по немецким автоматчикам сплошной губительный огонь. Немцев как ветром сдуло. Вскоре наши пехотинцы без потерь заняли свои прежние позиции. Как сообщили пленные, немцы решили, что у русских появилось новое оружие.

Очень колоритной была картина на участке соседнего полка, где примерно в километре от переднего края находился со своей ротой Баталов. Здесь же находилась раз-

ведрота дивизии. Отсюда, когда началась атака немецких автоматчиков, пытались бежать по накатанной дороге обозники на лошадях, запряженных в сани. Откуда ни возьмись, появился полковник Тесля. В руках у него была оглобля. Размахивая ею и страшно матерясь, он останавливал бегущих обозников и загонял их обратно на стоянку, где имелись укрытия и стрелковые ячейки.

Теперь саперам не было продыху: без конца укрепляли оборону. Я получил приказ заминировать большую, сухую и ровную поляну в нейтральной зоне, которая могла стать превосходным плацдармом для вражеской танковой атаки. Ширина нейтралки в этом месте была около 300 метров. Нужно было выбрать площадку для минного поля и определить метод минирования. Я решил сделать рекогносцировку самостоятельно и в помощь взял старшину Садовшикова. Мы провели тщательное наблюдение из нескольких точек и обнаружили полузаросшую, местами обвалившуюся канаву, идущую через поляну от нас к немцам. По ней и поползли в самый разгар на редкость солнечного дня. Местами останавливались и оглядывались окрест. Наш осмотр облегчался тем, что немцы укрывались от ведущих налет на их позиции штурмовиков ИЛ-2 и не могли пристально наблюдать за нейтралкой. Мы продвинулись метров на 150 и увидели, что здесь поляна имеет незаметную издольную с пологими краями ложбину, идущую параллельно позициям. Ложбина заросла бурьяном, покрывавшим ее не сплошь, а отдельными близко расположенными друг от друга пучками. Место было удобным для установки и маскировки противотанковых мин. Обнаружить мины противнику можно было, лишь наткнувшись на них. С нашей стороны ложбина хорошо просматривалась и простреливалась.

В это время при очередном заходе ИЛ-2 поляну захватила своим огнем ракетная установка - "Катюша" - на самолете. Огненная струя буквально все сбрила, не осталось ни травинки. Канава нас выручила, и лишь серебристая пыль на излете осела на наших спинах. Я попытался подняться, но Садовшиков успел остановить меня:

- Над Вами мина, товарищ старший лейтенант.

Я повернулся на бок и глянул вверх: в 20 см над мной поперек канавы тянулась тонкая проволока, идущая от установленной на краю канавы противопехотной осколочной мины. Садовшиков обрезал проволоку, и мы быстро возвратились в свою траншею. При выходе из нейтралки мы были обнаружены немцами, которые стали обстреливать это место батальонными минами (калибр 80 мм). Мы укрылись в ротном блиндаже, где находились командир стрелковой роты и командир взвода.

Все четверо разместились по углам этой небольшой

землянки и закурили. Мины рвались в опасной близости. Легкий, в один слой, накат землянки тряхнуло, и в середине его между бревен высунулась мина, повисшая на стабилизаторе. Она чуть покачивалась. Мы оцепенели, как кролики перед удавом... вот-вот сорвется. Но мина висела. Очень, совсем-совсем очень-очень деликатно мы стали поочередно выбираться из землянки. Я вышел последним, как старший по званию. После обстрела, который мы пережидали в траншее, я заглянул в землянку: мина лежала на полу. Она была "яловой": кто-то в арсенале Европы, собирая мину, сумел обезвредить ее и передать нам таким образом антифашистский привет. Может быть, это был один из пленных.

В ночь саперы успешно, без потерь, заминировали поляну.

Об этих событиях конечно же сразу узнал полковой инженер Салун и круто поговорил со мной:

- Чего ты суешься? Для таких задач есть взводные. И понимать надо: война ведь кончается.

- Читаешь мне проповедь, как кюре, - огрызнулся я, сделав в слове "кюре" ударение на первом слоге. - А сам-то?

Савелий криво усмехнулся и назидательно произнес:

- Во-первых, кюре, а не кюре - это французское слово, а во-вторых, тебе нужно быть умнее и оставить мальчишество. Бравада здесь ни к чему.

Затронута здесь была большая тема. Конечно же явная близость победы действовала на воевавших, но нужно отдавать должное "славянам", особенно старослужащим: они не теряли своей боеспособности. Об этом очень хорошо сказано у Ю.Семенова в сценарии "17 мгновений весны": "А просто нужно помнить долг от первого мгновенья до последнего".

Беспокойство о себе проявлялось по-разному. Ярко запомнился мне раненный молодой боец-татарин. Он лежал, скорчившись, на земле, зажимал руками пах и причитал:

- Все целый, все целый.

Сестре с трудом его удалось перевязать.

В полосе обороны дивизии стала действовать штрафная рота. По приказу начальника штаба капитана Пясковского я выделил группу саперов во главе с сержантом Кожищарчуком, которая должна была проделать проходы для предстоящей разведки боем силами штрафной роты. Под утро группа возвратилась, и сержант доложил, что задание не выполнено:

- Командир штрафной роты спросил меня, штрафники ли мы. Я ответил, что нет.

- Так какого черта вам надо? Здесь штрафники,

пусть рвут проволоку своей грудью, а вы не болтайте под ногами, - грубо заорал капитан - командир штрафной роты - и закончил разговор крутым матом.

Случай этот последствий не имел. Но долго держались обидные слухи, что саперы нашей роты не выполнили задание.

В 1945 году статус наших войск, блокировавших Курляндию, несколько изменился: 9-го февраля командование 2-м Прибалтийским фронтом принял по совместительству командующий Ленинградским фронтом маршал Советского Союза А.А.Говоров, а 22 марта 2-й Прибалтийский фронт был упразднен, и его войска перешли в состав Ленинградского фронта. Об этом ничего не сообщалось в печати и по радио, в стране не знали о существовании Ленинградского фронта в 1945 году. Не было сведений и о курляндском котле. Поехавшего в город Котлас капитана Г.А.Мелентьева задержали в горвоенкомате и недоверчиво расспрашивали, откуда это взялся давно закончивший свою миссию Ленинградский фронт. Звонили для проверки в Архангельский обвоенкомат.

В марте и в начале апреля я замешал заболевшего начальника штаба капитана Пясковского. В это же время выбыл из строя комбат майор Исаев. Изрядно попарившись в бане, он решил охладиться в снегу и сильно простудился. Замкомбата капитан Мелентьев был в отъезде, и мне приходилось исполнять обязанности и начальника штаба, и командира части. Некоторые документы я подписывал совместно с замполитом Хангиальдиным, который уже имел звание майора. В это время в батальоне многие повышались в звании: командир роты Баталов стал капитаном, начхим Васильев - старшим лейтенантом, сменивший демобилизованного по болезни помкомбата Стрельникова бывший начфин Шеваддин - старшим лейтенантом интендантской службы, писарь Румянцев, занявший должность начфина, получил первый офицерский чин. Повысились в звании многие младшие командиры и бойцы: помкомвзвода Яков Комиссарчук стал старшим сержантом, разведчик Гасилов - сержантом. Старослужащие солдаты получили звания ефрейторов.

Видимо, считая, что создавшаяся ситуация самая подходящая для исполнения его желаний, майор Хангиальдин принес в штаб исписанный с двух сторон лист бумаги и предложил мне:

- Ты переведи это с татарского на русский, подпиши и пошли по инстанции.

Говоря о переводе с "татарского" майор имел в виду свою вопиющую безграмотность в русском языке. Принесенная им бумага являлась проектом реляции на награждение орденом Отечественной войны 1-й степени, в которой

перечислялись подвиги замполита Хангиальдина. Я был совершенно подавлен. Минишу Сафиулловича Хангиальдина, как своего крестного партийного отца, я уважал, слушался и был с ним всегда в хороших отношениях. Но перечисленных им "подвигов" не было вовсе. Во всех операциях, проведенных саперами, он видел организующую и направляющую свою роль, обусловившую успех, и везде он будто бы присутствовал лично.

Я отказался писать такую реляцию. Увы, и в этом случае, как и в случае с начальником политотдела Нечаевым, мне пришлось услышать:

- Ты еще пожалеешь об этом, Руткевич.

Начался перелом к весне. В письме к Нине Карасевой 3 марта я сообщал: "В наших прибалтийских краях наступила перемена погоды - день зима, день весна. Весенние дни наводят грусть о прошлом, далеком и хорошем".

С приходом маршала Говорова усилилась подготовка к наступательным боям. Взвод инженерной разведки лейтенанта Уграицкого тщательно изучал немецкую оборону. Разведчики сделали дерзкую вылазку в селение Лестене, оккупированное немцами, и вручили мне взятый там из полуразрушенного дома трофейный пистолет-макетку калибра 6.35 мм. Пистолет имел семь патронов в магазине (рукоятке) и один - в стволе. Он спокойно умещался в нагрудном кармане, не привлекая внимания. Пистолет сослужил мне верную службу и после войны, когда приходилось бывать в местах, куда не принято было ходить с оружием и нельзя было ходить без оружия.

В марте мы расстались с одним из лучших наших разведчиков старшим сержантом Николаем Никоновичем Мозокиным, который был направлен в Военно-инженерное училище в город Кострому.

Весной разрешили посылаки на дом - одну в месяц. Нам, молодым офицерам, посылать было нечего. Зная об этом, ко мне обратился боец из хозяйственного сапожника - по фамилии, помнится, Алексеенко с просьбой разрешить ему сделать посылаку от моего имени. Сапожник он был всамделишный. Во всяком случае выполнял любые заказы. Пожилой, дисциплинированный. Я согласился. Вскоре выяснилось, что Алексеенко сделал посылаки от имени еще нескольких офицеров.

Естественно, нас заинтересовало, что мог посылать солдат в таком количестве, если никаких трофеев на здешней советской земле быть не могло. Солдата решили не тревожить и вскрыли один ящик. Каково же было наше удивление, когда увидели, что в посылаке были плотно уложенные алюминиевые головки от снарядов. Алексеенко вывалил к офицерам роты.

- Вам не понять, - горестно сказал солдат. - Война кончается, а у нас в деревне где такой металл взять. Ложки будем людям отливать.

Перед такой логикой мы отступили.

Шла последняя неделя марта. Выдалась спокойная ночь. Встал я рано в хорошем настроении и с удовольствием привел себя в порядок. Замечу, что никакая обстановка не допускала появления небритого офицера. Брились даже без воды, натирая лицо снегом. Иван Брылев задерживался где-то с завтраком, и я уже собрался его пропесочить. Но когда он вошел, меня остановило загадочное выражение его лица. Брылев молча поставил посуду с пищей и, парадно выгнувшись, торжественно произнес:

- Здравия желаю, товарищ капитан!

Слева направо: командир взвода В.А.Бородинов, командир взвода И.Уграицкий, зам. командира батальона Г.А.Мелентьев, командир роты В.Г.Руткевич, командир взвода А.Б.Спектор.
1945 г.

Я рассмеялся.

- Ты что же, думаешь, если назвал меня капитаном, то я тебя не стану хучить за опоздание?

- Никак нет, товарищ капитан. Я с младшим лейтенантом Румянцевым встретился и с ним в штаб зашел: сам посмотрел приказ о присвоении Вам нового звания.

В это время зашел связной комбата старшина Шумаков, передавший, что майор меня вызывает.

- А ну-ка, Ваня, есть у нас звездочки в запасе?

- Принес я, товарищ капитан.

Брылев быстро проколол шилом погоны и прикрепил на них четвертые звездочки. В новом звании я отправился к комбату.

- Товарищ майор! Капитан Руткевич по Вашему приказанию явился.

- Как, как ты сказал? Повтори!

- Капитан Руткевич по Вашему приказанию явился, - невозмутимо повторил я.

- Капитан? Откуда ты капитан? Что это за очередной фокус?!

Я молчал. Майор медленно остывал.

- Выходит, приказы я узнаю позже своих подчиненных, - хмуро произнес он.

Он был вновь в тяжелом похмелье.

Неожиданная забота свалилась на головы наших хозяйственников: батальону подарили (кажется, от командира корпуса) пару бельгийских лошадей-тяжеловозов. Серые в яблоках - эти огромные животные, совершенно одинаковые, как близнецы, могли согласно паспорту везти груз 24 тонны на протяжении 3 км. Для проверки уникальной работоспособности лошадей выбрали ровный участок асфальтированной дороги, соорудили платформу на резиновом ходу и загрузили на нее 24 тонны груза. Груз долго не могли подобрать, но помогли артиллеристы. Платформу сталкивали с места всем миром - несколько десятков человек. Лошади медленно прошли ухо в ухо 3 км и, как по команде, стали. Через две недели лошадей было не узнать: похудели, потеряли лоск, понурились. Куда-то их незаметно увели в тыл. Нашлись ли на них настоящие хозяева или погибли эти чудо-красавицы.

Несколько раз я пытался встретиться с Шурой, но никак не мог ее застать, чему немало удивлялся. Наконец, одна сердобольная сестричка сказала надо мной и поведала, что Шура "уже встречается с майором не из нашей дивизии". Тогда я проявил настойчивость и отыскал ее. Она была совершенно чужая и даже враждебная.

- Что это значит, Шура? - тихо спросил я и мягко положил ей руки на плечи. Она резко отшатнулась.

- Что Вам нужно, товарищ капитан? Я Вам ничем не обязана.

И Шура ушла. Удар был сильным. Теперь я понял, что значит быть оплеванным.

Не знаю, как вышло, что я об этом рассказал подполковнику Русанову, с которым мы все более сближались. Ефрем Иванович рассмеялся:

- Да ведь Вырина взялась всех мужиков перебрать, она и со мной шашни заводила, но мне на это размениваться нельзя. Ну, а раз ты открыл мне свою душу, так и я тебе кое-что скажу. Появилось у меня знакомство с интересной женщиной. У нее есть дочь лет двадцати. Составька мне компанию к ним в гости ездить.

Так стали мы с ним ездить к маме с дочкой в маленькое селение.

Хозяйкой оказалась очень приветливая интеллигентная женщина, совершенно чисто говорившая по-русски. Чувствовалось, что она следит за собой и выглядит лет на десять моложе своего возраста. Дочь ее - Марта - поражала своей необычной красотой. Она казалась ожившей античной статуей: белое лицо, как будто выточенное из слоновой кости, высокий лоб, составляющий единую линию с прямым ровным носом, небольшие резко очерченные губы, глаза чистого зеленого цвета. Голову венчали светло-русые волосы, уложенные короной. Добавлю к ее характеристике длинную изящную шею и пропорциональную несколько смягченную полнотой фигуру. Но Марта не была застывшей красавицей. Легкий румянец, пунцовые губы, пульсирующая жилка на шее, а главное, потаенные иногда загорающиеся искорки в глубине ее глаз выдавали скрытую страстную натуру. Красоту лица Марты сильно портил, даже уродовал рваный узловатый двухсантиметровый шрам, огибающий левую ноздрю носа. Может быть, из-за этого шрама Марта немного гнусавила. Я с грустью подумал, что, видимо, судьбе было угодно нарушить совершенство этого бесподобного лица.

Марта не говорила по-русски, и мы с ней беседовали каждый о своем, что нас никак не смущало. Оказывается, мужчине и женщине не обязательно иметь общий язык, достаточно общего взаимопонимания.

На рассвете мы с подполковником возвратились в дивизию. Думая о Марте, я невольно подумал о себе: кто я, какой я. По настоящему взглянуть на себя не приходилось, и в голову не приходило. В этот день наш банщик-прачка, исключительный здоровяк-уралец Царьгородцев позвал меня в баню.

- В самый раз, товарищ капитан, - обрадовал меня солдат. - Уже вода готова, собираюсь стирать. Заходите,

все будет в ажуре.

Я был в бане один и напарился вдовсталь. В предбаннике Царьгородцев приладила большое - в полный рост - зеркало. И я впервые увидел себя через три года после того, когда ходил в студенческую баню на 2-ой Извозной в Москве. Я настороженно рассматривал этого незнакомого мне человека. Вместо ранее привычного худенького паренька увидел я крепкого мужчину в полном расцвете сил. Удивился своим когда-то болезненным, а теперь крепким ровным ногам, неожиданно широким плечам и тонкой талии, выделяющимся мускулам рук. Мне было дивно и приятно, а затем стало обидно. Я подумал, что это тело, на которое природа не поскупилась, и еще такие же тела Васи Баталова, Льва Галеркина, всех моих друзей-сверстников и еще многих тысяч и даже миллионов таких же молодых здоровых людей обречены на растерзание и поругание металлом и огнем. Как это несправедливо, нелепо, страшно. Почему люди уродуют, убивают само совершенство природы. В бане меня разыскал связной, и я, спешно одевшись и поблагодарив услужливого Царьгородцева, побегал в штаб, отбросив ненужные в эту военную пору мысли.

ПОБЕДА

А нынче нам нужна одна победа,
Одна на всех. Мы за ценой не постоим.
Б.Окуджава

Подготовка к ликвидации курьянского котла шла полным ходом. Постоянно прибывали люди и техника. Готовились исходные рубежи для наступления.

С конца марта и на протяжении апреля войска дивизии проводили разведку боем, изучение вражеской обороны, захват "языков" и другие операции к югу от побережья Рижского залива в районе селений Джуксте и Слампе. Вблизи залива 31 марта 1249-й и 1251-й полки форсировали озеро Валкум-Эзерс и захватили небольшой плацдарм. 6 апреля дивизия овладела населенным пунктом Мизос.

В разведках и поисках деятельно участвовали саперы. Особое внимание уделялось наблюдению за инженерными сооружениями противника.

В последних числах апреля в дивизию прибыл начальник штаба Ленинградского фронта генерал-полковник Маркиян Михайлович Попов. Я получил приказание явиться в его распоряжение для участия в рекогносцировке переднего края. Рекогносцировочная группа состояла из шести человек, в том числе: генерал М.М.Попов, командир полка и командир батальона, на территории которых велся ос-

мотр, начальник артиллерии и командир разведроты дивизии и командир саперной роты, которого я представлял. Выход был намечен на конец дня, когда еще можно было увидеть нужные объекты и уже не мозолить глаза противнику.

На такой проверке нельзя было ошибаться и нельзя было сказать "не знаю". Поэтому я, поколебавшись, на свой страх и риск взял с собой ординарца Ивана Брылева. Он был моими "глазами". Знали мы с ним здесь все досконально, а вот увидеть в сумерках я не все мог. Зрение у меня было с большим изъяном, но в батальоне никто не знал об этом. В 1938 году меня забраковали по зрению на приеме в Военную академию бронетанковых и механизированных войск, которая находилась в Москве, в Лефортово. В Военно-инженерное училище в Иркутске в декабре 1941 года меня приняли лишь по решению комиссара училища, сказавшего, что в создавшейся обстановке нужно ему, то есть мне, учиться.

Генерал Попов немедленно отреагировал на наше появление:

- Кто седьмой?

- Сапер-разведчик ефрейтор Брылев, товарищ командир (называть по званию в данной ситуации было нельзя), - ответил я. - Он досконально знает расположение объектов.

- Хорошо, - одобрил генерал.

Рекогносцировка была недолгой. Возможно, что здесь намечался один из ударов для прорыва обороны противника. Не помню, что спрашивал генерал, но вскоре он отпустил нас, задержав лишь общеармейских командиров.

Условия, в которых велась рекогносцировка, не позволили рассмотреть генерала. Одет он был в такую же, как мы все, полевую форму и ничем генеральским не выделялся.

2-го мая Ленинградский фронт был готов к наступлению по всей полосе блокады группы немецких войск "Курляндия", которой командовал генерал Гильперт, сменивший в мае генерал-фельдмаршала Шернера, занявшего пост командующего сухопутными войсками вермахта.

Саперы нашего батальона уже не уходили с переднего края. Комбат направил ко мне в роту начхима - старшего лейтенанта Васильева - чтоб тот проявил какой-нибудь "подвиг" и его можно было бы представить к награде. По гражданской профессии Васильев был ветеринаром и относился у нас к интеллигенции. Положение начхима было весьма шекотливым: химической войны не было, а готовность к ней требовалась постоянная. Начхим был на фронте, но не воевал и, соответственно, не награждался. Периодиче-

ская проверка противогазов и редкие занятия по противохимической защите - все его прямые обязанности. Некоторые начхимы, например, А.А.Запорожец, всеми правдами и неправдами добивались перехода на прямую строевую должность. Васильев же попал в кабалу к комбату Исаеву, который его использовал как экспедитора и как трофейщика. Иногда Васильев взвинчивал себя до бешенства. Лицо его краснело, глаза выпучивались, и он орал что-нибудь матерное. Как-то мне пришлось с ним выбирать место для расположения батальона. Мы зашли в покинутый дом, как обычно, незапертый и чистый. Из комнаты, в которую зашел Васильев, послышались выстрелы и звон разбитого стекла. Я опрометью бросился туда и увидел, что старший лейтенант расстреливает трюмо.

- Все они фашисты! - бешено вращая глазами, кричал Васильев.

Однажды он притащил откуда-то новую парадную форму латышского генерала и демонстрировал ее, напялив на себя. Сейчас он мне только мешал, и я отправил его в прикрытие взвода, работавшего на минном поле.

3-го мая мы узнали о взятии Берлина, и это, как эликсир бодрости, воодушевило нас. Наше командование не торопилось вести активные действия, не допуская лишних потерь, но сковывая противника, проявлявшего тенденцию к общему отходу из Курляндии. 7-го мая, обнаружив усиленный отход противника, полки дивизии вступили в решительный бой.

По официальным сведениям 8 мая в 22 часа 06 минут был подписан акт о капитуляции войск курляндской группировки, но по всем воспоминаниям саперов и по записям лейтенанта Спектора, то же и по опубликованным данным, на участке дивизии 9 мая еще не знали о Победе, еще шел бой. Лишь проходивший мимо знакомый майор из политотдела доверительно шепнул мне:

- К вечеру ждем важное сообщение.

1247-й и 1251-й полки действовали совместно с танковой бригадой. Тяжелые танки ИС и Т-34 медленно, как неумолимая гроза, продвигались в глубь немецкой обороны. На опушке леса танки остановились. Лежащая впереди поляна была спешно закрыта минами, которые даже не успели замаскировать. Отовсюду звали саперов.

Тут-то и вышла непредусмотренная заминка. Саперы-новички, прибывшие с пополнением из Западной Украины, отказались идти на минное поле. Они лежали ничком, закрыв головы руками, и поднять их было невозможно. Не помогли ни приказания, ни уговоры, ни призывы, ни даже пинки. Они лежали, как мертвые. А танки вздрагивали от рывка моторов, им нужен был проход. Из опытных саперов

здесь оказался ординарец капитана Мелентьева - сержант Константинов - числившийся в моей роте.

- Вперед! - крикнул я Константинову.

Сержант, видимо, еще ранее меня понял, что ему придется идти на минное поле, и уже был готов к этому. Мгновенно он схватил удобно свернутую "кошку" и побежал. Но не к минам, а правее, между деревьями, где его цепкий взгляд нашел канаву, идущую от лесочка через минированную поляну. Пригнувшись, он побежал по канаве. Не раздумывая, я бросился за ним. В створе заминированной полосы Константинов выпрыгнул из канавы и юрко пополз к минам. Для проделки прохода нужно было обезвредить минимум две мины. Мины эти в деревянных корпусах были несъемными, их можно было лишь взорвать. Одну мину, что подальше, сержант зацепил кошкой, затем подполз ко второй и обвил ее канатной петлей от той же кошки. Он быстро отполз к канаве, чуть приподнялся и дернул канат. Раздался взрыв, заглушивший на миг шум боя - обе мины сработали.

Передний танк ринулся в проход. А Константинов не поднялся. Он не дополз до канавы метров пять. Я бросился к нему, и тут же рядом оказался и третий. Это был капитан Мелентьев. Константинов был жив, но тяжело ранен двумя пулями. Мы с Мелентьевым уже безо всяких предосторожностей подхватили его под плечи и под колени и снесли в канаву, а затем на шинели бегом унесли в лесок, где к нам подбежала медсестра.

Противник вдруг замолчал. Наши танки, преодолев минное поле, рассредоточились и остановились, не стреляя. Что это? С КП полка вышли два офицера и быстро пошли прямо через танковый строй к противнику. Только сейчас мы разглядели, что на немецкой позиции колыхался большой белый флаг, возле которого в полный рост стояли люди. Навстречу нашим парламентарам вышел оберлейтенант - командир немецкого батальона - в сопровождении переводчика. Он четко доложил, что батальон капитулирует и ждет указаний. Ему указали место складирования оружия, и уже через несколько минут немцы бегом повзводно пересекли поляну, бросая на ходу автоматы, гранаты, фаустпатроны.

Сопровождавший пленных офицер-штабник спросил у командира полка:

- Куда их, товарищ подполковник?

Подполковник пожал плечами и небрежно, как будто всю жизнь принимал пленных, сказал:

- Двух автоматчиков в сопровождение, и пусть идут в дивизию.

Сдался только батальон. Бой еще продолжался. Наши

танки вырвались к Тукумсу, а за ними двинулась вся дивизия. Немцы отступали.

Константинов был последним сапером нашего батальона, раненным в бою. Мы следили за его судьбой до самого его поступления в тыловую госпиталь, из которого получили сообщение, что он будет жить.

10 мая еще чувствовалась напряженная обстановка, но огонь прекратился с обеих сторон.

Нелепо в этот уже не боевой день погиб старшина Другов. Тот самый, что так самоотверженно возил незнакомую мину в штаб и обратно. Его нашла другая мина. Он ехал на повозке, когда уже стемнело, и зацепил передним колесом мину, заложенную в колею с расчетом на продавливание. Убило его взрывной волной, так что на теле у него не было ни единой царапины. Очень тяжело эту смерть восприняли в батальоне. Подумать только: выдержал тяжелейшую фронтовую жизнь и погиб, когда пришла победа.

В ночь на 11 мая комбат отрядил на пароконной повозке с высокими бортами старшего лейтенанта Васильева и старшину Бельтикова в расположение немцев. Под утро посламы привезли полную повозку дефицитных продуктов: вина, папиросы и табак, консервы. Комбат отделил ящик французского коньяка, а остальное приказал разделить поровну всему личному составу части, но чтоб спиртное выдавать не все сразу.

Мы восприняли победу как бы на тормозах. Не было бурного ликования, не было громких криков и бесшабашной стрельбы. Это пришло позже. А пока наступила небывалая тишина. Сама по себе создалась обшая праздничная обстановка. Так бывает по большим праздникам, когда много людей ушло на демонстрацию, а на притихших улицах воцарилось торжественное спокойствие.

Именно в такой обстановке я увидел двух давно знакомых мне солдат из 1249-го полка. Под нежарким в здешних местах майским солнышком они сидели на бревне и курили. Это были степенные в моем тогдашнем понимании люди, давно перешагнувшие по возрасту сорок лет. Я не знал их фамилий, но знал, что они земляки нашего старшины Садовникова, то есть уральцы. Они служили в дивизии со дня ее основания, с первого боя под городом Кириши Ленинградской области в декабре 1941 года. Я подошел к ним, остановив их движение встать. Закурив, я спросил, о чем они беседуют в этот торжественный день.

- Обсуждаем, товарищ капитан, как там дома наши женки с огородами справляются, - ответил один из бойцов

Ну, а о войне, о победе, что вы сейчас думаете?

- Мы свое дело сделали, - сурово произнес второй боец.

Более точного, короткого и ясного определения, как выполнен солдатский долг, я не слышал. Простота и сила этих слов поразили меня. На меня нашло озарение: пронзительно остро до шемящей боли в сердце я понял, что вижу подлинных победителей. Я не стал больше мешать солдатской беседе, отошел и сел на выпиравший корень сосны, отполированный дождем, ветром и солнцем. Я думал о том, что пережили эти солдаты, которых я хорошо знал в лицо, так как много раз встречал их в окопах переднего края. Они были несколько раз легко ранены, но не оставляли дивизию все четыре года войны. Они почти никогда не ели досыта и не высыпались сполна. Месяцами жили в окопах и землянках, не имея возможности нормально помыться и побриться. Часто мучились без курева, кормили вшей, прели в вечной мокрети волховских и прибалтийских болот. Мерзли в снегу и коченели под секущими морскими ветрами. Не видели солнца в лесной чашобе. Ходили в атаки и отступали. Бежали за танками, впились в землю под авиабомбежкой. Напряженно всматривались, ожидая противника, прыгали в его окопы и били, били, били проклятые серо-зеленые фигуры непрошенных гостей. Теряли, теряли и теряли товарищей. Над ними висела постоянная угроза смерти или увечья. Какую же нужно иметь стойкость, какое мужество, чтобы все это выдержать и победить? Какое нужно иметь самообладание, чтобы сразу по окончании последнего боя обсуждать дела на домашнем огороде?

Солдаты были скромно награждены: у одного орден "Красная звезда" и медаль "За отвагу", у другого две медали - "За отвагу" и "За боевые заслуги". И, конечно же, им и в голову не приходило на что-то претендовать. Домой бы скорее. Меня жгла мысль, что скоро они демобилизуются, растворятся в массе гражданского населения, и больше никто не увидит этих воинов такими, какие они есть в этот победный час, в своей солдатской форме. Поймут ли люди, что именно эти солдаты и все другие, такие как они, выдажили эту войну, трагедию и величие которой мы осознаем не сразу.

По-своему отреагировал на известие о победе хирург капитан Лев Галеркин. Как только иссяк поток раненых, он свалился и уснул. Его стали будить:

- Лев! Лев Михайлович! Вставай, вставай, победа! Слышишь, победа!!!

Галеркин с трудом раскрыл глаза и с досадой протонал:

- Ну, разве это причина, чтоб лишать человека сна?

Эх, вы, люди, лошади...

Понимание победы наступило. Радость не бурлила в нас, она постепенно охватывала нас, превращаясь в счастье. В ночь на 11 мая шло всеобщее ликование. В Доме Культуры одного из малых городов западнее Тукумса командование дивизии устроило большой праздничный прием. Были приглашены сотрудники штаба дивизии, начальники служб, командиры частей и, конечно, женщины. Связистка из штаба дивизии Зина Иванова - "дочь полка" - которой только исполнилось 17 лет, а попала она на фронт в неполных 14, переживает это событие и сегодня:

Слева направо сверху: В.Г.Руткевич, В.А.Баталов;
внизу: Г.А.Мелентьев, С.А.Салун.
Ленинград, 1945 г.

Четыре капитана и город Ленинград.
Четыре капитана друг другу каждый брат.
Четыре капитана сквозь всю войну прошли.
Расстались капитаны, как в море корабли.

- Волновались мы - женщины, бывшие при штабе - очень. Спешно стирали, гладили, чистили, а тут прибежал связной от командира с сообщением, что нужно срочно фотографироваться. Забегали мы. Надела я чью-то мужскую гимнастерку - своя-то сохла, а она мне велика, топорщится вся. Кто сумел - оделся на вечер в гражданское. А у меня были такие шикарные синие лакированные туфельки на высоком каблуке. Мой единственный "трофей" - разведчики подарили. Когда начались танцы, пригласил меня на вальс молодой красавец-офицер. Я танцевать умела и любила, а в туфлях на высоком каблуке не могу и все тут. Еле отмучилась. Сняла туфли и сидела босая в темном уголке. Плакала потихоньку. А на обратном пути выбросила эти злосчастные туфли в придорожные кусты.

Уже 11 мая наступили многозаботные будни. Командиров рот вызвали в штаб и приказали срочно составить реплики на награды всем без исключения участникам войны. На бойцов пополнения, которые по сути не воевали, а в последнем бою лежали, не поднимаясь, я писать награды листы отказался. И началось. Взялись за меня политработники:

- Неужели Вы не понимаете, товарищ капитан, что это приказ товарища Сталина: наградить всех, всех без исключения.

Но я уже уперся:

- Не мог товарищ Сталин давать указание, чтоб награждать трусов, отказавшихся выполнять свой воинский долг.

Таскали меня и к комбату, и в политотдел, и в Смерш. Наконец, чтоб от меня отцепились, я стал писать представления к медали "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", которая только что - 9 мая - была учреждена. Опять сыр-бор разгорелся.

- Как ты не понимаешь, что эта медаль дается всем, кто состоит в действующей армии. А нужны награды, - втолковывал мне парторг капитан Колотилин.

Ну, тут я "выспался" на своих оппонентах.

- Как это так? - гремел я. - Выходит, что учрежденная в день Победы Указом Верховного Совета СССР боевая медаль не настоящая награда?! Чему это вы меня учите?!

И от меня отступились. Я даже не знаю, как в штабе вышли из положения.

Немцы из группы "Курлянд", которые сейчас сдавались в плен, были, что называется, сволочные: среди них много было тех, кто души в блокаде Ленинград. Но вели они себя отменно: выдержанно, дисциплинированно. На сборные пункты немцы двигались колоннами во главе со

своими офицерами. Сопровождали пленных редкие всадники с автоматами. Побывавшие в Риге офицеры рассказывали, как проходила через латвийскую столицу самая большая колонна пленных - 60 тысяч человек. Не доходя города, они сделали большой привал. Привели себя в порядок: вымылись, выбрились, почистились, поели, закатали рукава, как будто шли в бой. Четкими рядами с монотонной характерной для немцев маршевой песней вошли они в Ригу. С некоторых балконов бросали им женщины цветы. Гражданских мужчин не было видно. Находившиеся на улице наши офицеры старались уйти, спрятаться, так как чувствовали себя неудобно.

К нашим офицерам пленные относились неоднозначно: на красные просветы погон общеармейских офицеров они не реагировали, но стоило появиться подполковнику Русанову с его саперными погонями (черные просветы и окантовка и эмблема с перекрещивающимися лопатой и киркой), как немцы всех рангов вытягивались и отдавали ему честь.

Наши солдаты и офицеры не проявляли, во всяком случае внешне, по отношению к пленным никаких эмоций. Как будто двигавшиеся километровые колонны немцев это самое, что ни есть, обыденное явление. Не ручаюсь за достоверность рассказанного мне, но само представление события характерно для тех дней: какой-то старший лейтенант, у которого немцы убили брата, сильно возбужденный да еще и подогретый вином, выкрикивал в сторону идущих в колонне немцев проклятия и, распаясь, выстрелил в пленных. Хотя он вовсе не целился, но убил немецкого солдата наповал. Колонна стала. Так и стояли немцы молча в гнетущей тишине. Узнав об этом, немедленно поехал верхом командир дивизии. Он громко произнес:

- Советские офицеры в пленных не стреляют.

И, сославшись на данную ему власть, он расстрелял старшего лейтенанта. Пленные двинулись, бережно обходя труп.

Немцы пытались при капитуляции сохранить определенную самостоятельность. Командир 21-ой авиаполевой дивизии, которая сдавалась по условиям капитуляции нашей дивизии, потребовал, чтоб ему возвратили самочинно сданный батальон или хотя бы его офицеров, как нарушивших воинскую присягу. Пришлось ему напомнить о безоговорочной капитуляции.

Совсем иначе обстояло дело с пленением власовцев и прибалтийских эсэсовцев. Немецкое командование отказалось от них, утверждая, что это народные повстанцы и оно не несет за них ответственности.

Зная, что им пощады не будет, эти "повстанцы" не сдавались до тех пор, пока сплошным огнем артиллерии

10-ой гвардейской армии, куда теперь входила наша дивизия, не оказались прижатыми к морю. Шло их около 40 тысяч. Этим сопровождал сплошной конвой из автоматчиков, да еще местами и с собаками. Я видел их. Некоторые шли в национальных костюмах. Помню халаты и тюрбаны.

Были и другие встречи в то время. Находясь на выходе далеко от батальона, я расположил роту на ночлег в небольшом селении, заняв окраинные дома. Сделав необходимые распоряжения, я собрал офицеров на дружеский ужин. Не успели мы приступить к приятному ритуалу, как меня вызвал часовой: у крыльца стоял немецкий солдат. На ломанном русском языке солдат объяснил, что он из пехотной роты, которая идет на сборный пункт пленных, и командир роты - оберлейтенант - просит разрешения остановиться в этой деревне на ночь.

- Пусть оберлейтенант явится лично и немедленно, - распорядился я.

- Яволь, герр капитан! - И солдат ушел.

Через несколько минут прибыл оберлейтенант с переводчиком. Я разрешил им обосноваться на другом краю селения, предупредив, чтоб выставили часовых и об уходе доложили мне.

Но и после этого визита приступить к ужину так и не удалось. Пришли женщины. Их было пятеро. Все молодые, одетые не ко времени криливо и безвкусно. Одна из них, выделявшаяся высоким ростом и сильным телосложением, оглядела нас острым взглядом чуть прищуренных глаз на пухлом лице. Наверное, она определяла, кто здесь старший, и обратилась ко мне:

- Конечно, вы нас презираете, мы понимаем, но как нам теперь быть. Зачем нас в Сибирь ссылают?

Наконец я понял, в чем дело. Это пришли гулящие девки, жившие с немцами. В народе их прозвали "немецкими овчарками". Сдержанно я растолковал им, что с ними разберется Советская власть. На душе было мутно, вроде на помойке побывал.

При приеме капитуляции задача саперов состояла в том, чтобы проверить ликвидацию вражеских заграждений и, прежде всего, минных полей и подготовленных к взрыву объектов. Капитан Пясковский облюбовал под штаб большой просторный светлый дом, в который пригласил представителей саперной части немецкой дивизии. Явились командир части, начальник штаба и переводчик. Увидев их, хозяйин и хозяйка дома остолбенели. Они разглядывали присутствующих с недоумением и растерянностью. Оказалось, что в этом доме ранее находился штаб именно этой капитулирующей саперной части немцев, командиры которой пришли сейчас. Наконец хозяйин, чуть не плача, путая латышские.

немецкие и русские слова, объяснил, что он не понимает, чья же теперь власть, чем немало нас позабавил.

Немецкие саперы обезвредили свои минные поля, причём, как вспоминает лейтенант Спектор, некоторые из них подорвались.

Война кончилась. Всех нас ждала новая жизнь. Вечером на окраине Тукумса, где лес подходит к самому городу, в последний раз собрался наш "Кильдым". Лейтенанты и капитаны. Офицеры с одним просветом и маленькими звездочками на погонах. Горел костер. Звенела гитара. Звучала песня.

Аегла на земаю тьма ночная,
На небе звездочек мильен.
Прощай, жизнь моя лесная,
Прощай, саперный батальон.

1988-1990
Кировоград

В. Руткевич

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЛХОВ И НАРВА.....	5
На фронт.....	5
В резерве.....	11
Первое задание.....	11
Точка смерти.....	13
Малая Вишера.....	19
Трофеи и погоны.....	27
Плацдарм.....	31
Отдельный саперный батальон.....	38
40 ночей в нейтралке.....	45
Весенний месяц май.....	58
Полковые инженеры.....	66
Боевые будни.....	72
Женский вопрос.....	87
Подготовка.....	96
Первый из десяти.....	103
Триста метров наледи.....	113
Снова в обороне.....	125
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПРИБАЛТИКА.....	135
Передислокация.....	135
На стыке трех республик.....	140
Вяйке Эмайыги.....	152
Рижский залив.....	165
В осаде курляндского котла.....	178
Победа.....	193

МП "Эвтектика"
 Зак.404, тир.1000
 уч.изд.лист.8,5
 печат.листов 12,75
 подписано к печати 23.04.92г.